

ОГОНЁК

23 ИЮНЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Тот, кто возвращает слух — о работах профессора А. И. Коломийченко.

РАСКРЫТА ТАЙНА СКИФСКОГО КУРГАНА.

НАЛЕТ МОТОЦИКЛИСТОВ. Рассказ американского писателя Ф. Руни.

В. П. Марецкая:— Почему я не снимаюсь в кино.

Продолжение повести В. Ардаматского «Он сделал все, что мог».

В СТРАНЕ ГЕЙЗЕРОВ — очерк В. Маевского.

Письма читателей Жене N.

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ С ПТИЦАМИ.

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

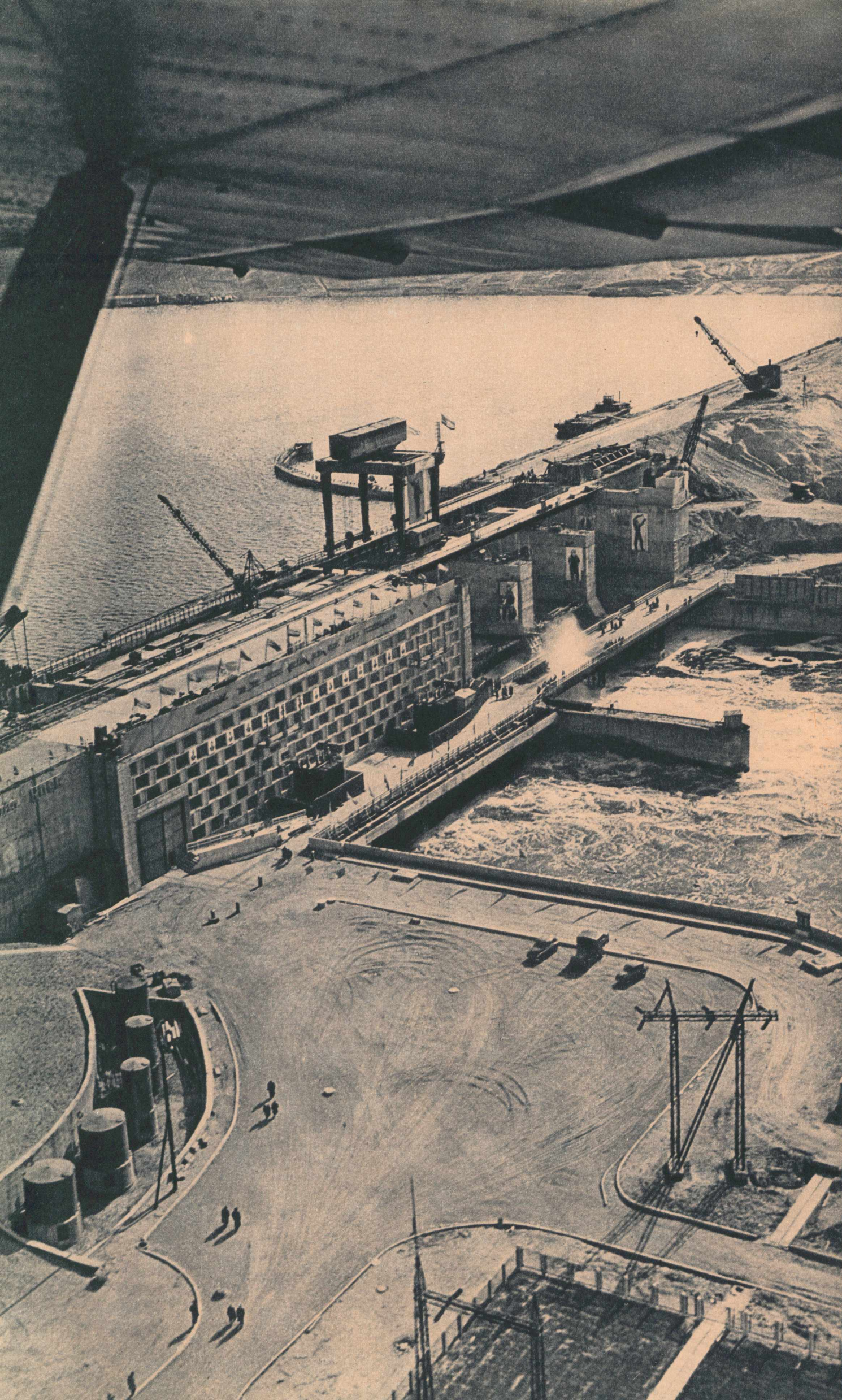
ОГОНЁК

№ 23 (1720)

5 ИЮНЯ 1960

38-й год издания

**ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Каунасская гидроэлектростанция на реке Неман. Снимок сделан с самолета.

Фото А. Горячева.

На первой странице обложки: Профессор Алексей Исидорович Коломийченко (см. в номере очерк «Тот, кто возвращает слух»).

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: В ущелье реки Дарыл, Бурятская АССР.

Фото В. Гиппенрейтера.

Вместе с Валею Раздольской мы медленно движемся в многоцветном людском потоке по аллее парка, к павильону с обломками американского самолета. Это экскурсия участников Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда.

Входим в узкие двери павильона, идем по залу мимо выставленных для вселюдского обозрения орудий шпионажа, диверсии, подкупа и убийств. Говорить нам не хочется. И спрашивать экскурсоводов тоже не хочется. О чем же тут спрашивать?!

С особенной силой звучат для нас в эту минуту предельно точные, отнесенные не к самому шпиону, а к тем, кто его послал, слова Н. С. Хрущева, сказанные им накануне в Большом Кремлевском дворце:

«Любой честный судья в таком случае вынес бы единственно возможный приговор...»
Беспощадно прямые слова!

В гневном молчании проходят по залу люди, и только уже на выходе, глядя на искореженные обломки, кто-то негромко говорит:

— Этакая громада металла...

Говорит с сожалением рабочего человека, изо дня в день имеющего дело с металлом, привыкшего видеть металл в движении, в действии...

Валю Раздольскую, с которой мы ходим по выставке, — станочница Куйбышевского подшипникового завода. На темном ее свитерке — значок участника совещания, совещания представителей тех, кто «смотрит вперед, дерзает, думает, творит», как говорится в приветствии ЦК КПСС.

...Валю мне очень нравится. Всем своим обликом, очень юным еще и очень женственным. Нравится Валина мягкая сдержанность в движениях и разговоре. Милая Валина манера: сказав что-либо, тут же спрашивать: «Да?», словно проверяя реакцию собеседника.

Она кажется мне застенчивой и в то же время уверенной, как трудовой человек, который знает цену своему мастерству. И еще она кажется мне красивой. Впрочем, если признаться, многие, многие из девушек, которых видела я в эти дни в кремлевских залах, мне казались красивыми — той особенной красотой, что не только сама по себе, а еще имеет прямую связь «с характером, с целеустремленностью, с достоинством, со значительностью и осмысленностью», как тонко подметил это в облике нашей женщины американский писатель Филипп Боноски, статью которого «Жен-

Никита Сергеевич Хрущев аплодирует участникам совещания.

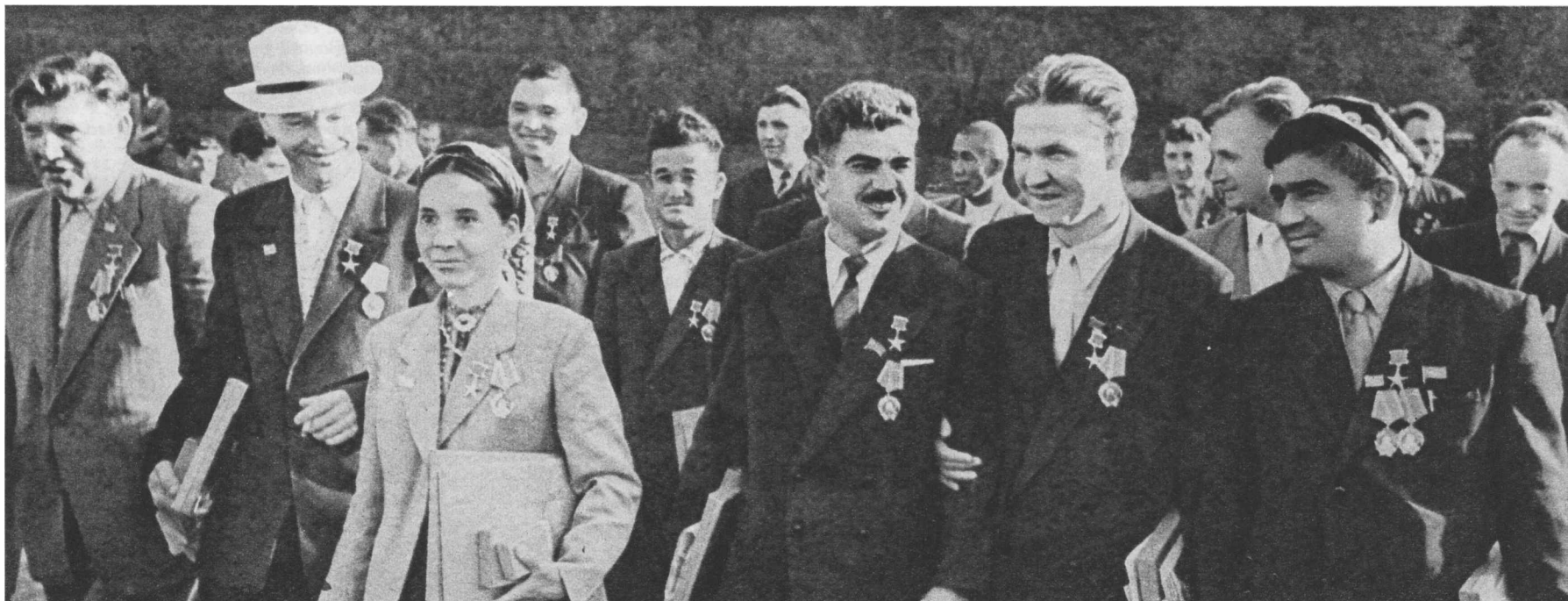
ственность и социализм» мне недавно довелось прочитать.

Валю Раздольскую возглавляет бригаду коммунистического труда на подшипниковом заводе. Я бывала на этом заводе. Осталось в памяти ощущение неброских, словно сразу бы неприметных черточек, определявших, однако, стиль работы, стиль руководства, дух поиска, характерный для этого коллектива.

Об одном таком поиске — замечательном деле, зародившемся в автоматном-токарном цехе и подхваченном другими цехами, — говорил с высокой трибуны совещания Александр Иванович Васильев, директор завода. Каждый рабочий сам гарантирует качество и количество сданной (сданной, а не только лишь сделанной) продукции. Без контролеров! Сам! Это равносильно тому, что каждый рабочий сам

ЗВОНКАЯ ПОСТУПЬ ЗАПЕВАЛ

Группе участников совещания только что вручены золотые медали Героев Социалистического Труда и ордена Ленина.

Н. С. Хрущев сердечно здоровается с Валентиной Гагановой.

берет из заводской кассы столько денег, сколько он заработал.

— А практически это происходит так,— рассказывал мне позже Васильев.— Кончается смена, и рабочий кладет на стол готовой продукции сделанные им кольца. Бракованные тоже кладет. И пишет собственноручно, сколько он положил годных колец и бракованных.

Я спросила:

— А проверяете?

— На выборку. Чаше в порядке общественного контроля. В самом начале бывали случаи... Теперь — другое. Пишет работница: сто колец, а на поверку сто пять. Зачем положила лишние? Боялась в другую сторону ошибиться. Утратить доверие.

Но о подшипниковом заводе это совсем особый рассказ. Теперь о Вале. Я знаю о ней немало. На завод она пришла, окончив десятилетку. Работает шлифовщицей. Была груп-

комсоргом. Знаю, как заволновались девчата из комсомольской Валиной группы, услышав о почине рабочих депо Сортировочная и о том, что в Куйбышеве уже появляются их последователи: например, смена мастера Агафонова на Средневолжском станкостроительном; как решились всей комсомольской группой жить и работать по-коммунистически. Я знаю, как, начав работать без контролера и без кладовщика, в первое время девушки из Валиной бригады изводили и себя и наладчиков.

— Понимаете, по непараллельности кольца, например, допустимое отклонение — двадцать два микрона. А девчонки не хотели и десяти микрон допускать. Раз уж по-коммунистически...— рассказывает Валя.— И от наладчика требовали так наладить станок, чтобы кольца шли совершенно без отклонения. И не верили, что нельзя.

Все пришло постепенно в норму. И произво-

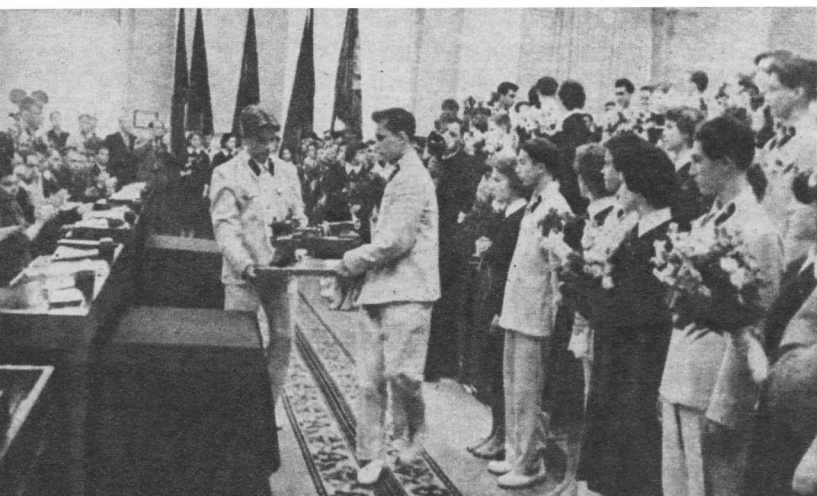
дительность труда стала неуклонно расти. Так что, трезво взвесив свои возможности, обязалась бригада в каждом месяце этого квартала на один-два процента повышать эту производительность. В каждом месяце!

— Понимаете, что еще имеет значение? — поясняет Валя.— Большинство из нас учится. Изучили процесс производства подшипника. Знаем свои станки. Начинаем критически оценивать многое и со многим в существующей технике не соглашаемся, стремимся усовершенствовать.

Да, стремятся усовершенствовать. Поодиночке и коллективно. Например, перед самым отъездом Вали на совещание вся бригада получила за коллективное рационализаторское предложение премию. И такие коллективные премии получала уже не раз.

— Трудно вам приходится, Валя?

— Ой, я даже не знаю, как на это отве-

Долго гремели аплодисменты под сводами Большого Кремлевского дворца, когда на трибуну поднялся Н. С. Хрущев. Бурной овацией участники совещания выражали свое одобрение внутренней и внешней политике Коммунистической партии и Советского правительства.

тять,—говорит задумчиво Валя.—Я вам лучше расскажу на примере. Да? Просьба к нам девчата с других участков: «Валя, возьми в бригаду!» Ну, сколько же можно брать? Скажешь: «У нас же трудно. Ты работаешь с контролером. Тебе легче». Понимаете, обижаются: «Думаешь, я вас хуже? Думаешь, я не могу, чтоб без брака и с обязательствами?» Скажешь: «Ну, работай без брака у себя на участке. Возьми обязательство, кто мешает?» Обижается: «Ишь, ты какая хитрая! Так же не интересно». А другая открыто скажет: «Перевоспитываться, девчонки, хочу!»

—Трудно?—словно бы сама себя переспрашивая, повторяет Валя.—Да, конечно уж, нелегко, если только и смотришь, чтобы минуточка и та не проскочила пустой.—И вдруг озорно сверкает улыбкой: —А интересно!

Интересно! Они все говорят об этом, участ-

ники совещания, с трибуны и не с трибуны, не всегда умея по-другому определить ту взрывную, неотразимую, веселую силу, которая ворвалась в их жизнь с короткой формулировкой: жить и работать по-коммунистически,—с великим этим решением!

Да, они все говорят о том же, хоть и каждый по-своему, шестидесятники нашего века, потомки борцов и сами борцы, вступившие в невиданное миром сражение: за себя, за человека, который идет в Завтра.

«...новое, коммунистическое входит в жизнь и быт нашей страны, в жизнь и быт советских людей».

Это сказал Никита Сергеевич, обращаясь к тем, кто собрался на совещании.

Точнее не скажешь. Вот именно новое, коммунистическое!..

НА СНИМКАХ ВНИЗУ:

Совещание приветствовали учащиеся ремесленных училищ.

До начала заседания осталось несколько минут. Почему бы не спеть задорную песню?

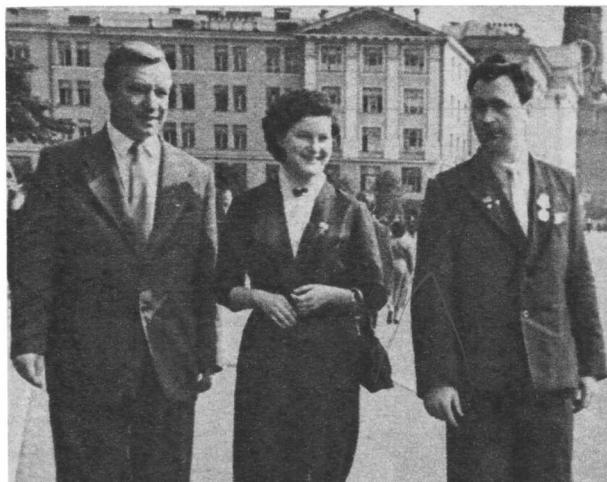
Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев вручает золотую медаль Героя Социалистического Труда члену бригады коммунистического труда ткачихе Ашхабадской прядильно-ткацкой фабрики имени Дзержинского Эне Овезовой.

Они из Куйбышева — директор подшивного завода А. Васильев, бригадир В. Раздольская, мастер Ю. Агафонов.

Встреча друзей. В центре—Валентина Гаганова.

Ир. ИРОШНИКОВА

Фото А. НОВИКОВА.

НЕБО И ПОЛИТИКА

Николай ГРИБАЧЕВ

Издавна небо отдавалось во власть поэтов и астрономов. Теперь оно стало ареной космического соревнования и большой политики. Сбит американский самолет. Американским правительством сорвано совещание в верхах. Эти взаимосвязанные события, уложившиеся в пятнадцать майских дней, вызвали шторм в мировом общественном мнении, породили многочисленные последствия, которые, с одной стороны, чреваты возрождением «холодной войны», а с другой — и это тоже несомненно — очищают путь к миру от дипломатических капканов и политических волчьих ям.

Народы встревожены, пресса всех стран замеряет температуру международной жизни, опасаясь кризисных явлений. Но при всем том нет худа без добра: огорчительно, что упущен хоть и небольшой шанс на взаимопонимание в Париже при встрече четырех, но хорошо, что честные люди всех стран поняли подлинное значение разрекламированного американского «миролюбия», что во всем обнажении увидели настоящие пружины двурушничества американской политики, — одни для отвлечения внимания поют серенады под окном, другие лезут в форточку, — что перед всеми воочию из-за стандартной улыбки Эйзенхауэра проступило мрачное лицо шпиона Фрэнсиса Пауэрса в обрамлении высотного шлема. Всегда полезно знать, с кем имеешь дело, — и для здоровья и для кошелька!

Сейчас, после сокрушительной для заокеанских провокаторов речи Н. С. Хрущева в Кремле 28 мая, нет необходимости ни в подробном изложении истории со шпионским самолетом, ни в столь же подробном комментировании парижских событий. Гораздо важнее уяснить, что из всего этого вытекает для самой жгучей надежды современности — жить без войны. Миллионы людей, иро-

низируя над американскими государственными деятелями, знают их пристрастие к лисьим уверткам при слоновьей неуклюжести, знают и то, что американские военные монополии не собирались переключаться на производство детских сосок, а главный разведчик Аллен Даллес — уйти на пенсию и организовать всепланетное общество цветоводов.

Главными проблемами, над которыми должно было работать совещание, являются разоружение, запрещение ядерного оружия, вопрос о ликвидации остатков войны в Европе. Позиция Советского Союза по этим вопросам, с исчерпывающей ясностью изложенная Н. С. Хрущевым во время его визита в США и неоднократно излагавшаяся в дальнейшем, давала основания для достижения конкретного, обещающего результата. Достаточно было на совещании четырех сделать ощутительный шаг к решению этих вопросов — и через два-три года Дуайт Эйзенхауэр при желании мог сам лично, не прибегая к услугам Фрэнсиса Пауэрса, оглядеть каждый наш самолет и потрогать руками каждую ракету, даже взять ее в качестве сувенира для дома в Абилине. А что в действительности вез в кармане на совещание в Париже американский президент? Это не составляет никакой тайны. В области разоружения он, по характеристике французской газеты «Либерасьон», вез «план-гибрид, соединивший вместе почти все недостатки английского плана, плана США и французского плана, чьим автором является Жюль Мок, и исключавший все положительное, что содержалось в каждом из этих планов в отдельности». Короче говоря, вез воду, выжатую из похлебки.

И в самом деле, первый этап этого «плана» предполагал изучения, согласования, организацию комиссий, увязывание их деятельности и т. д. и т. п. Пафос бюрократии! На втором этапе — изучение бюджетов, конференции, комиссии, воздушная инспекция, наземная ин-

спекция и только потом, когда-нибудь и как-нибудь, возможное постепенное сокращение вооружений. Следовательно, разоружение по этому плану могло наступить только для будущих поколений, и даже не самых близких. Таким образом, американская сторона заранее подвела под разоружение мину, которая на совещании неизбежно и взорвалась бы, порождая разочарование во всем мире. И тот же американский лидер, дезориентируя общественное мнение, картинно разводил бы руками: вот, мол, и хотели, а не получилось.

Так же примерно обстояло дело и с запрещением термоядерного оружия — история того, в какие дебри крючкотворства загнали эту проблему американские Додсоны и Фогги, хорошо известна. Что касается ликвидации остатков войны в Европе и вопроса о Западном Берлине, то американская сторона еще до совещания чуть ли не с клятвенным подтверждением на библии заявила свое «нет».

Но американская политика с позиции силы и хождения «на грани войны» — политика атомного шантажа, угроз, нажима, пытки страхом — была разоблачена еще задолго до совещания в верхах: движение миллионов за мир, возглавляемое Советским Союзом, стерло с нее пропагандистские румяна и белила. Американским лидерам поневоле пришлось проглотить горькую пилюлю разочарования, искать другой курс. С американских политических амвонов полились речи о человеколюбии, нравственности, набожности и морали, о «мире в условиях справедливости». Американские лидеры пошли на некоторое смягчение своего отношения к политическим и культурным контактам со странами социализма, и в первую очередь с Советским Союзом. И хотя проблемы разоружения, запрещения термоядерного оружия, Западного Берлина — все ключевые проблемы продолжали из-за уверток американцев буксовать на месте, в мире испытывалось облегчение и порождались добрые надежды. Несомненная польза такого положения заключалась в том, что в эту пору бурно росли силы мира, что были прорваны железные занавесы дезинформации, что Америка увидела своими глазами «главного коммуниста земного шара» Н. С. Хрущева и услышала впервые в своей истории полную правду о коммунизме, мире, Советском Союзе. В мире в самом деле потеплело и посветлело, и это такое приобретение человечества, которое никаким темным силам назад уже не отобрать.

Вместе с этим ни у кого не укрывалось от глаз, что американский военный бюджет растет, что Америка продолжает гонку вооружений, и это не потому, что Дуайт Эйзенхауэр — мягкий человек и не может сразу справиться с расшалившимися монополистами. Ричард Никсон сегодня произносил по-русски фразу «за мир во всем мире», а завтра громыхал угрозами в духе «холодной войны» и призывал вооружаться на предмет сокрушения «мирового коммунизма».

Теперь, после американской воздушной провокации, всем стало ясно, что правительство США, протягивая одну руку Советскому Союзу, другой благословляло страшную политику шпионажа, международного гангстеризма, провокаций, что благодушные улыбки на журнальных обложках — маска, а человеколюбивые речи с божественными цитатами в духе секты «речных братьев» — личина ханжества. Теперь всем понятно также, что Ричард Никсон не более как резвый, свежий конек, на которого собираются пересест американские военные монополии. За эту ясность мир заплатил изрядным разочарованием, но она хороша тем, что побуждает к действию. И это не пройдет даром для Америки! Некоторые союзники Америки по НАТО, хоть и робко подчас, спешат отмежеваться от агрессивной политики США, толпы демонстрантов осаждают резиденцию японского премьера в Токио, многотысячный митинг протеста бурлит в самом Нью-Йорке. В мире зреет и приходит в действие гнев против тех в США, кто возвел шпионаж в государственную политику, американские лидеры находятся под жестоким критическим огнем извне и внутри страны. Первый гром над Америкой грянул с неба, но он растет и множится на земле, катится от материка к материка.

Видные международные обозреватели, в том

Китайский народ единодушно поддерживает справедливую позицию Советского Союза и клеймит позором американских агрессоров — виновников срыва совещания в верхах. На площади Тяньаньмынь в Пекине состоялся митинг, на котором выступили генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая Дэн Сяо-пин, посол СССР в КНР С. В. Червошенко и представители демократических партий и организаций Китайской Народной Республики. На сцене студенты на митинге.

Фото агентства Синьхуа.

ДОРОГА В АД.

Рисунок Л. Самойлова.

числе американские, приходят к выводу, что по причинам глуповатой и дубоватой политики американский престиж в мире упал так низко, как никогда прежде, катастрофически низко. Что ж, он на наших глазах падал все время, и это не является особой новостью. Гораздо существеннее то, что сама американская политика, притом не только в глазах простых людей различных стран, но и во многих политических проамериканских кругах, утратила кредит доверия. Это сокращает для американских лидеров плацдарм опасного маневрирования и порождает такие трещины в агрессивных западных блоках, что их никаким дипломатическим мастерам не заделать и никаким малярам не замалевать.

«Давая отпор агрессивным действиям Соединенных Штатов Америки, Советский Союз вносит свой весомый вклад в дело укрепления мира», — говорил в своей речи в Кремле Н. С. Хрущев. В этом убеждаются и будут убеждаться все честные люди на земле, убеждает в этом и сам американский народ.

Американская политика, попытавшись нарушить правила движения и проехать на красный свет, потерпела крупнейшую аварию, а Советский Союз, оставаясь до конца верным принципам своей миролюбивой политики, оказался в крупном выигрыше. А это значит, что в выигрыше оказалось человечество, поскольку главным его устремлением являются мир и разоружение.

Богомолы

С иезуитским лицемерьем, с ладошками на животе, они твердят:

— Мы в бога верим, все люди — братья во Христе...

И тут же, ради славы божьей, линчуют «братьев» с черной кожей. В глаза вам смотрят умиленно и в небо ваше шлют шпиона...

Нам божья не нужна опека. Религий всех развеяв муть, мы верим в разум человека, что пролагает к звездам путь.

А там, за пеной океана, где взвоят гангстеры курок, нет бога,

кроме Чистогана, и Уолл-стрит — его пророк.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

МО Г И Л Ь Ш И К И Н А Д Е Ж Д

На этой странице, читатель, ты встретишься лицом к лицу с теми, кто задумал похоронить великие надежды народов — надежды на мир, с теми, против кого закипает и разгорается справедливый гнев всех честных, миролюбивых людей.

Против надежд народов они втайне готовили заговор. Выполнение этого заговора было поручено маленькому и неизвестному человеку — Фрэнсису Пауэрсу. Но этим людям, носящим высокие звания и громкие титулы, не удалось скрыться за спиной шпиона. Мир увидел, что одной и той же нитью шпионажа и агрессии связаны и Пауэрс, и президент Соединенных Штатов, и вице-президент США, и государственный секретарь Гертер, и обер-директор А. Даллес.

Фотоаппарат запечатлел президента Эйзенхауэра с клюшкой для гольфа в руке. Пристрастие президента США к этой игре хорошо известно американцам. Говорят даже, что Эйзенхауэр — хороший спортсмен и строго придерживается правил игры в гольф.

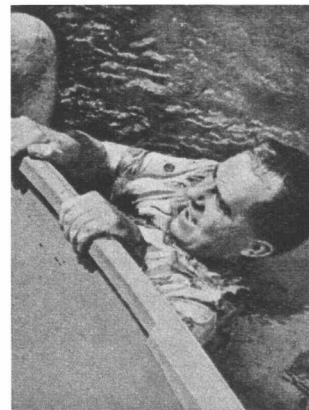
Правительство США во главе с Эйзенхауэром на международной арене затеяло другую «игру». Оно послало в советское небо «Лонхид У-2», чтобы торпедировать совещание на высшем уровне. В этой «игре» руководители США взяли за

правило... нарушать основные нормы международного права.

Эйзенхауэр может предпочитать гольф своим президентским обязанностям — это его дело. Но слишком опасно для всего мира разрешать правительству США заниматься игрой с огнем, совершая агрессивные акты против Советского Союза.

Фото из журнала «Мюнхенер иллюстрирте».

Главным адвокатом государственной политики шпионажа выступил вице-президент США Ричард Никсон. Его пространное выступление по телевидению понравилось всем гангстерам Соединенных Штатов. «...Если вам угрожает поимка сличным, то никакой момент не будет подходящим для одного из подобных полетов», — заявил Никсон, отвечая на вопрос корреспондента, почему США предприняли шпионский полет накануне совещания в верхах. Какой ценный совет уголовникам: «Воруй и не бойся засыпаться, потому что эта опасность угрожает тебе постоянно!»

Нелегко выбираться из глубокой и грязной лужи, в которой очутились вдохновители американской политики...

Фото из журнала «Лайф».

Этот человек с молитвенно сложенными руками — министр обороны США Томас Гейтс. Американские политики очень любят вспоминать про бога. Возможно, что и эта фотография запечатлела Гейтса в момент, когда помыслы его были обращены к небесам. О чем же мог Гейтс молить всевышнего? О провале совещания в Париже? Об успехе «миссии» Пауэrsa? Или, может быть, о ниспослании новых прибылей американским военным монополиям? Ведь министр Гейтс сам состоит акционером военных компаний США и очень заинтересован в процветании бизнеса смерти. И Гейтс сделал все, что мог, чтобы накалить атмосферу перед совещанием. «По собственной инициативе», как признался Гейтс, он отдал провозглашенный приказ о проведении военных маневров вооруженных сил США во всех странах, где они расположены. «Я удивлен, как можно ставить под сомнение разумность этого распоряжения», — заявил он позже корреспондентам.

С точки зрения Гейтса, действительно удивляться нечему. Ведь он принадлежит к той плеяде американских политиков, для ушей которых лучшая музыка — гул моторов атомных бомбардировщиков и рев ракет.

Фото из журнала «Тайм».

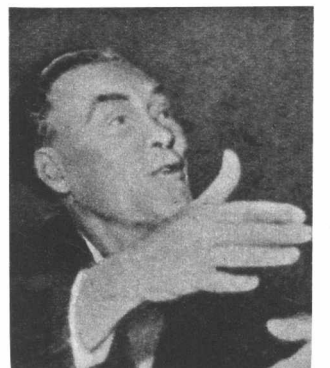
Деятельность шпионского ведомства Аллена Даллеса знает столько мрачных и неприглядных историй, что о ней предпочитают говорить как можно меньше. Но на этот раз очередное грязное дело скрыть не удалось!

На этом снимке А. Даллес изображен на фоне макета американского военного самолета. Он улыбается: ведь снимок сделан еще до того, как «Лонхид У-2», посланный в наши небеса, рухнул вниз, настигнутый советской ракетой. Сейчас Аллену Даллесу не до улыбок. Ему в пору плакать: от бессилия — потому что американские военные самолеты не могут чувствовать себя хозяевами в советском небе; от злости — потому что рушатся его шпионские планы против нашей страны; и от предстоящих неприятностей — потому что американские газеты сообщают о предполагаемом расследовании деятельности его ведомства после провала с самолетом «У-2».

Фото из журнала «Тайм».

В 1917 году, находясь в Германии, нынешний государственный секретарь США Кристиан Гертер был посажен в тюрьму по подозрению в шпионской деятельности. В 1960 году Гертер от имени всех попавшихся на грязном деле с «Лонхид У-2» провозгласил новую «доктрину» США, официально возведшую шпионаж в ранг государственной политики. Старый друг Аллена Даллеса, с которым он знаком еще с 1918 года, Гертер торжественно обещал перед вступлением на пост государственного секретаря: «Я сделаю самое лучшее, на что я способен». Вместе со своим другом Алленом Даллесом он действительно сделал то, на что способен: сорвал совещание в верхах и опозорил Соединенные Штаты перед всем миром.

Фото из журнала «Тайм».

ЯПОНИЯ. В день обсуждения японо-американского договора в парламенте студенты устроили демонстрацию у резиденции премьер-министра, где Киси прятался от народного гнева.

Каждую страну, превращенную в базу для американской агрессии, до отказа набитую американским оружием и заселенную американскими «советниками», в США торжественно нарекают «бастионом свободного мира». Каждый правитель такой страны, купленный на американские доллары и подпираемый американскими штыками, получает звонкий титул «лучшего друга» президента Соединенных Штатов.

Но то и дело по стенам американских «бастионов» расползаются глубокие трещины, а «лучшие друзья» американского президента получают пинки от своих народов. «Мы являемся свидетелями того неотвратимого исторического процесса, когда народы сбрасывают гнет реакционных режимов», говорил Н. С. Хрущев в своем выступлении 28 мая. — Нет такой силы, которая могла бы помешать этому неизбежному процессу. Не спасет антинародные режимы и поддержка американских штыков».

Первую оплеуху американской политике поддержки кровавых диктаторских режимов отвесил народ Южной Кореи. Восстав против тирании

ТРЕЩАТ

американской марионетки Ли Сын Мана, он заставил этого кровавого палача убраться с поста главы государства. Возмущение было таким грозным, что «отец Кореи», как его именovali в Вашингтоне, уже не смог чувствовать себя в безопасности среди своих «сыновей». Тайно сговорившись с американским послом, Ли Сын Ман, спасая шкуру, бежал в Соединенные Штаты к своему «другу» — президенту Эйзенхауэру.

Не остывая, kloкочет народный гнев в Японии. Премьер Киси, оптом запродающий японскую землю американской военщине, подписал новый вариант японо-американского договора. Япония давно не видела таких бурных массовых протестов против правительственной политики. Студенты и рабочие, крестьяне и представители интеллигенции Японии требуют убрать Киси от руководства страной.

События в Турции, еще одной стране, которой Соединенные Штаты отвели роль «бастиона», дали новый пример провала американских марионеток. Начавшись со студенческих выступлений в конце апреля, эти события привели к военному перевороту и падению правительства Мендереса. «Наш человек в Турции пропал», — так комментировала это событие американская газета «Нью-Йорк пост».

Еще немало подобных сюрпризов ожидает в будущем заокеанских покровителей продажных клик, торгующих интересами своих народов.

Б. КОНСТАНТИНОВ

По четвергам, с точностью часового механизма, заведенного еще в эпоху Трумэна — Ачесона, в Белый дом съезжается небольшая группа высокопоставленных правительственных сановников. Они рассаживаются за длинным столом в кабинете, окна которого выходят в розарий президента.

На этих еженедельных собраниях не бывает ни назойливых репортеров, ни фотокорреспондентов. Нет даже стенографисток, ибо все, о чем здесь будет сказано и что будет решено, не должно стать достоянием гласности.

Проходит несколько минут — и из смежного кабинета появляется президент или вице-президент. Он открывает заседание Национального совета безопасности Соединенных Штатов, точнее говоря, не всего совета, а узкой группы лиц, ответственных за «планирование» внешней политики. Их так и зовут Planning Board (планировщики).

Все головы привычно поворачиваются к человеку, участие которого в четверговых заседаниях, собственно, и составляет их главное содержание и смысл. Это Аллен Даллес, глава Центрального разведывательного управления США, «гроссмейстер шпионажа», как именуют его подчас в газетах. По четвергам он является в Белый дом в окружении небольшой свиты советников, среди которых преобладают «эксперты по русскому вопросу».

Планирование внешней полити-

ки заокеанской державы начинается... с еженедельного обзора сводок разведки. Обзор зачитывает сам Аллен Даллес. В руках этого человека сосредоточена гигантская власть. По свидетельству многих политических обозревателей, она затмевает власть самого президента. С 1953 года Аллен Даллес руководит колоссальным аппаратом Си Ай Эй — американской разведки, иначе говоря, международного центра шпионажа, диверсий, заговоров и всяких реакционных переворотов в чужих странах. Впрочем, эту свою карьеру Даллес начал много раньше: уже во время второй мировой войны ему была пожалована «Медаль за заслуги». Аллен Даллес показал тогда свои возможности, сумев найти «общий язык» с матерым гитлеровским разведчиком Канарисом. Оба «деятели» столковывались насчет сепаратного мира, который западные державы затевали заключить с гитлеровской Германией.

То, что читает монотонным голосом Аллен Даллес, собственно говоря, не представляет для президента ничего нового. Каждое утро ему кладут на стол суммированные рапорты разведывательной службы. Зато все остальные участники четверговых заседаний более чем внимательно вслушиваются в слова докладчика. Они принимают: как из посевов агитационных сведений вырастить еще один золотой урожай для монополий, с которыми эти сановники прочно и издавна связаны. Ведь от этих сводок зависят новые заказы на водородное оружие, ракеты, подводные лодки!

Все чаще этими заседаниями руководит вице-президент Никсон — этот, как его окрестили газетчики, «энергичный святой Георгий, пришедший из Калифорнии, чтобы убить коммунистического дракона». В зарубежной прессе давно раздаются голоса, что президент ушел «в скорлупу Белого дома». «Вице-президент Никсон», — писала «Уолл-стрит джорнэл» в передовой статье «Руководство президента», — все больше становится средоточием власти».

С каждым годом все более щедро выделяются ассигнования на разведку и подрывную деятельность. В ведомстве Аллена Даллеса сейчас работает столько же штатных сотрудников, сколько во всем госдепартаменте, а расходы на их содержание вдвое превышают госдепартаментский ежегодный бюджет.

На четверговых заседаниях от ведомства Аллена Даллеса в первую очередь ожидают шпионских сведений о социалистических странах. В какой степени СССР увеличивает свое экономическое могущество? В какие сроки в СССР создаются или будут созданы новые виды ракетного оружия? Каковы запасы стратегического сырья в СССР? И прочее в этом же роде.

Военный и политический шпионаж широко ведется и в странах — союзниках США, хотя это стоит не на первом месте в реляциях Аллена Даллеса. Но американские «благотельники» бдительным оком следят за поведением своих партнеров по военным блокам: а вдруг, не дай бог, они в чем-нибудь отклонятся от атлантического курса, от фарватера государ-

ВАШИНГТОНСКИЕ
ЧЕТВЕРГИ

ЯПОНИЯ. Чтобы протолкнуть антинациональный американско-японский договор, в здание японского парламента согнали пятьсот полицейских и семьсот наемных гангстеров, которые силой расправлялись с депутатами — членами оппозиции.

ЯПОНИЯ. Массовые демонстрации у здания американского посольства в Токио. Люди несут лозунги протеста против нахождения на японской земле шпионских самолетов «Локхид У-2». На модели, изображающей самолет «У-2», было написано: «Мы выгоним их!».

АМЕРИКАНСКИЕ «БАСТИОНЫ»

ТУРЦИЯ. Так полиция Мендереса пыталась задушить движение протеста против реакционной политики правительства. Но это ей не удалось, и сам американский ставленник Мендерес оказался за решеткой.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ. Вот как народ Южной Кореи провожал Ли Сын Мана с поста президента: его статую, снесенную с пьедестала, демонстранты проволокли по сеульским улицам.

ственного корабля США, идущего по пути военных авантюри!

В недавно изданной книге «Центральная разведка и национальная безопасность» политический обозреватель Гарри Г. Рэнсом так определил роль ведомства Аллена Даллеса в правительственной машине США: «Центральная разведывательная служба играет огромную роль в снабжении необходимой информацией для того, чтобы дать Америке преимущество в развитии событий». Наконец, сам Аллен Даллес не раз повторял свою излюбленную заповедь: «Остановись разведка — и завтра будет национальная катастрофа».

На языке государственных деятелей США шпионаж, как правило, уклончиво именуется «сбором сведений». Как известно, это выражение весьма широко было использовано и Никсоном, и Гертером, и президентом Эйзенхауэром, когда им пришлось изворачиваться после поимки сличным воздушного шпиона Пауэрса. Но только ли «сбором сведений» занимается ведомство Аллена Даллеса? Однажды в припадке откровенности Аллен Даллес дал весьма примечательное интервью для печати.

Журналист. М-р Даллес, в газетах часто пишут, что вы засылаете провокаторов для того, чтобы организовать мятеж в странах советского лагеря. Правда ли это? Даллес. Я только могу желать, чтобы мы осуществили все то, что Советам мы приписываем.

Журналист. Является ли это частью ваших функций — провоцировать мятежи в этих странах?

Даллес. Мы были бы дураками, если бы не сотрудничали с нашими друзьями за границей, не помогали бы им делать все, что в их силах, для нанесения удара по коммунизму.

Эти циничные заявления Аллена Даллеса, собственно говоря, не открывают никакой Америки. Всеми миру известно, что на каждом из многочисленных актов империалистической агрессии, диверсий и заговоров периода «холодной войны» лежит печать Центрального разведывательного управления и Пентагона.

Руководители Си Ай Эй считают свое ведомство всемогущим и всезнающим. Но американцы хорошо помнят, сколько раз садилась в гапошу разведка Аллена Даллеса. В Соединенных Штатах долго смаковали истерику, которую затеял Никсон Даллесу после возвращения из поездки по странам Латинской Америки в мае 1958 года, где его закидали гнилыми помидорами. Вице-президент бушевал: «Почему меня не предупредили, что против меня готовятся демонстрации?» Даже покойный Джон Фостер Даллес, брат и духовный единомышленник Аллена, и тот был вынужден уныло заявить: «Если бы мы знали, что произойдет в Каракасе, то вряд ли послали бы туда Никсона».

Но брызги томатного сока на костюме Ричарда Никсона — это отнюдь не самый главный из провалов Аллена Даллеса. В адрес разведки не раз сыпались обвинения в конгрессе, что она «преследовала прогресс СССР в науке и технике». Руководители США были неприятно поражены быстротой,

с какой СССР лишил их монополии на атомное оружие. Громы и молнии метали участники четверговых заседаний, когда стало известно, что в СССР осуществлен первый взрыв водородной бомбы. Потом «оказалось», что русские в состоянии делать ракеты, и делать их лучше и быстрее, чем американцы. А запуск советских спутников вынудил даже самого Аллена Даллеса заявить в речи в Нью-Хейвене, что это событие «начисто смазало картину нашего благополучия».

Выступая в Кремле 28 мая, Н. С. Хрущев сказал:

«Грош цена такой разведке, если она своими жалкими и скудными вымыслами вводит в заблуждение собственное правительство и выставляет его в смешном виде перед американцами, перед всем миром! Я бы еще добавил к этому: не высоко ценится и то правительство, которое терпит такую глупую разведку!».

Аллен Даллес не прочь иногда пускаться в длинные рассуждения, чтобы объяснить повторные жестокие провалы своих шпионско-диверсионных планов в странах социалистического лагеря. Эти «объяснения» полностью совпадают со ссылками Никсона, Гертера и Эйзенхауэра на то, что в СССР «де налицо «излишняя секретность» и это крайне «затрудняет получение информации». Можно только посочувствовать и вышеуказанным деятелям и самому Аллену Даллесу! Да, наши границы на прочном замке. В этом участники четверговых совещаний в Белом доме могли убедиться после истории с Пауэрсом.

ГЛАВНЫЙ СОВЕТНИК.

Рисунок О. Григорьева.

ТАЙНА

Андрей НОВИКОВ

Фото автора.

Она казалась совсем маленькой, группа людей в дорожных костюмах и грубых башмаках, рядом с пятью курганами, каждый из которых достигал высоты трехэтажного дома.

«Пять братьев» — так именовались эти курганы. «Астраханская археологическая экспедиция» — называлась группа сотрудников ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР во главе с кандидатом исторических наук Валентином Павловичем Шиловым.

Тайна веков была скрыта под тяжестью молчаливых и величественных холмов.

Что могли они сказать? Археологам надо было, чтобы холмы поведали миру о том, кто и когда был погребен здесь, чем он занимался, откуда пришел, с кем воевал или торговал.

Что было известно археологам? Городище, которое окружали эти курганы, принадлежало к V—III векам до нашей эры.

«На реке Танаисе стоит город Танаис» — вот, пожалуй, все, что можно вычитать у древних авторов.

С начала XIX века историки и

Сверху это сооружение было перекрыто бревнами толщиной 40—60 сантиметров и покрыто мощной прослойкой камыша.

Осторожно, миллиметр за миллиметром, двигаются в глубь веков археологи.

Землю оттааскивают в ведрах. Но прежде чем высыпать ее из ведра, надо размельчить каждый комочек: ведь в нем может попасться предмет, который так много способен рассказать ученым, хотя порой он бывает ничтожно мал.

Все этапы работы зарисовываются художником А. Константиновым, фотографируются.

Осенний ветер развевает ислетивший в пепел камыш, слепит глаза. Археологи надевают очки.

В древности, создавая курганы, люди замуровывали от грабителей склепы каменной кладкой, в которой раствором служила илстая глина. Делая огромную насыпь, они возводили тем самым памятники.

И вот новая находка — мужское погребение. Но могила разграблена.

Продолжать поиски? Да. Надо копать дальше. И снова дни и ночи, надежды и волнения, пока наконец не появилась еще одна могила. Она была нетронутой.

Теперь надо быть особенно осторожным. По песчинке снимая слои, археологи оставляют предметы

ников от стрел. Железный меч в деревянных ножнах, обложенных также золотым листом, на котором запечатлены эпизоды битвы греков со скифами.

На левой руке — массивный золотой браслет. На правой — два золотых перстня, на щитке одного из них вырезано высокохудожественное изображение грифона — фантастического существа, терзающего голову барана.

Сапоги украшены золотом. В ногах остатки деревянного ларца, в котором хранились парадный головной убор, ожерелье из золота, парадная одежда с золотыми нашивками. Всего в ларце оказалось свыше 1 270 золотых предметов.

В могиле найдено более тысячи бронзовых наконечников стрел, железные копья, дротики, бронзовые поножи, защищавшие воина боевые пояса, котел для варки пищи, два серебряных сосуда.

Тонкая работа, красота линий — все было похоже с тем, что находили ранее в знаменитых Деевом и Чертомлыкском курганах. Позже химический анализ металлов показал, что значительная часть крупных вещей была изготовлена из электра — сплава, в котором 50 процентов золота и 47 процентов серебра. Однако внешний вид этих изделий производит впечатление чистого червонного золота. В чем

Меч, футляр которого обложен золотым листом с вытисненными сценами борьбы греков со скифами.

ДРЕВНЕГО

археологи вели поиски древнего боспорского города. Исследователи предполагали, что именно здесь, у станицы Елизаветинской, Ростовской области, находился город, окруженный мощной по тем временам оборонительной системой, превратившейся сейчас в молчаливые руины.

Сто шестьдесят курганов, вскрытых до сих пор, поиски археолога П. И. Хицунова, раскопавшего в 1871 году два наиболее крупных кургана, — этого было мало для подтверждения гипотезы, что именно здесь и был Танаис.

...В пять часов утра жители близлежащего хутора уже слышат урчание работающего бульдозера. До позднего вечера идут работы. Рокот мотора сливается где-то в степи с криками птиц.

Вынута шесть тысяч кубометров земли. Образовалась большая чаша. Пока ничего нет. Осторожно стали углублять кратер.

Стоп!

В ход пошли маленькие лопатки, ножи, кисти...

Постепенно обнаружилось интереснейшее погребальное сооружение, находившееся под курганом. Большая камера, сложенная из неотесанных камней, длинный четырнадцатиметровый коридор.

так, как они лежали во времена погребения.

Идут осенние холодные дожди. Но кто обращает на них внимание! Вымокшие до нитки люди продолжают копать. Разлился Дон. По колесу в воде каждое утро идут они два километра из хутора к месту раскопок.

И курган награждает трудолюбивых людей за их упорство. Показались глиняные амфоры для вина. Их было четырнадцать. Они стояли вдоль стен коридора.

— Горит! — радостно закричал Шиллов. И его голос, словно боевой клич, разнесся в ночном небе над степью. Горит — это золотой футляр для лука и стрел.

Постепенно, день за днем, восстанавливалась вся картина захоронения.

На голове погребенного шапочка с золотыми украшениями. На шее золотой обруч, несомкнутые концы которого изображают фигурки лежащих барсов. Ожерелье из кораллов, сердоликовых, пастовых подвесок и медальонов, изящно обрамленных золотом. Далее шло оружие. Деревянный горит, обложенный снаружи золотым листом, на котором вытиснены сцены из жизни Ахиллеса.

В футляре свыше ста наконеч-

же дело? Исследования подтвердили, что старинные мастера использовали подделку электра под чистое золото, подвергая наружную поверхность изделия прокаливанию. Это придавало ему вид чистого червонного золота.

Любопытно, что когда был найден чертомлыкский горит, то сложилось мнение, будто он уникален. Но горит, найденный ленинградскими археологами, сделан с помощью той же формы и теми же мастерами.

Находка позволяла утверждать, что центром производства этих вещей являлись греческие колонии Северного Причерноморья.

Однако обряд погребения — то, что служило главным ключом, — был не греческий.

Стало очевидным, что на месте Елизаветинского городища Танаиса никогда не было. Население же, жившее здесь, находилось лишь в тесных торговых отношениях с греческими античными колониями Северного Причерноморья. Это были скифы.

Открытие группы Шилова значительно пополняет сведения о замечательных памятниках Северного Причерноморья, дает много нового материала для истории древнего мира.

Бляхи с изображением богини Артемиды.

КУРГАНА

Фрагмент горита изображает сцены из жизни героя греческой мифологии Ахиллеса.

Серебряные сосуды, из которых пили вино. Это лишь два из трех с лишним тысяч предметов, найденных в кургане.

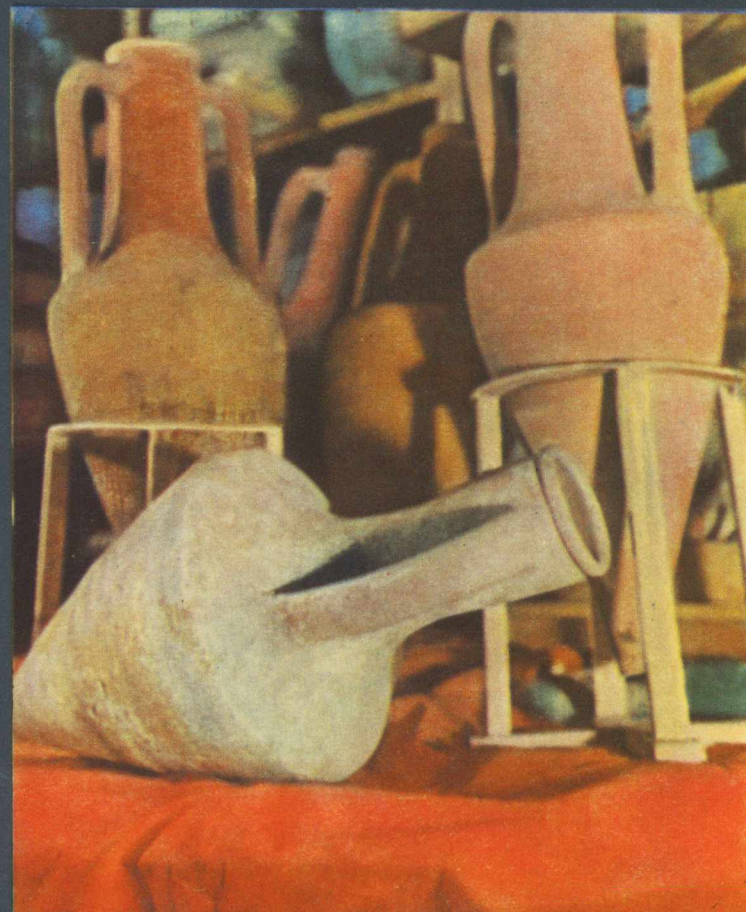

Колечки, бляшки, оправа от медальона — изделия из золота. Часть из них находилась в ларце с драгоценностями, другие украшали одежду погребенного.

Эти позеленевшие от времени поножи, защищавшие некогда воина, изображены на снимке вместе с наконечниками для стрел. Их в погребении было найдено более тысячи.

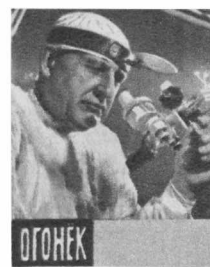

Амфоры — сосуды, в которых хранились запасы вина и воды.

ТОТ, КТО ВОЗВРАЩАЕТ СЛУХ

ДМ. ПРИКОРДОННЫЙ

Вот и скромный дом на окраине Киева. С некоторых пор он стал своего рода Меккой для тяжелобольных. Знаменит этот дом тем, что в нем работает Алексей Исидорович Коломийченко, профессор, доктор, заслуженный деятель науки.

Высокий, широкоплечий. Глаза, излучающие тепло. Сеточка мелких морщинок вокруг них — свидетельство многих бессонных ночей.

Много слез льется каждый день в стенах его клиники. Одни только приехали и плачут с горя. Другие уже выписываются и плачут от радости. Причина горьких слез — тяжелая болезнь, которую многие специалисты до сих пор считают неизлечимой. Причина слез радости... Собственно, об этом я и хочу рассказать.

Отосклероз... Сколько людей страдает этой тяжелой болезнью! По какой причине, пока неизвестно, но случается так, что начинает разрастаться губчатая ткань в костной капсуле ушного лабиринта и главным образом там, где находится стремечко — самая маленькая из слуховых косточек, имеющая большое значение в передаче звуковых колебаний к окончаниям слухового нерва. Это приводит к трагическим последствиям — стремечко теряет подвижность, и человек перестает слышать.

Много лекарств, много способов лечения испытали врачи, но проблема оставалась нерешенной.

В борьбу с отосклерозом включилась хирургия. Некоторые отоларингологи Советского Союза пытаются вместе замурованного губчатой тканью овального окна создать новое отверстие в преддверии ушного лабиринта. Результат? Бывает, что у больных улучшается слух, однако нередко вновь созданное отверстие зарастает, и опять наступает глухота.

Что же делать? Как бороться с тяжелым недугом? Отиатры разводят руками и предлагают больным обучаться чтению с губ или носить специальные приборы, иногда улучшающие слух.

Поиски продолжаются. За океаном их ведет американский отиатр Сэмюэль Розен, в Украине — киевский профессор Алексей Коломийченко; каждую ночь поздно гаснет свет в его квартире на Рейтерской улице.

Сэмюэль Розен предложил свой метод восстановления подвижности стремечка. Через слуховой проход он отделял часть барабанной перепонки, благодаря чему стало возможно осматривать стремечко и овальное окно. Специально изготовленным инструментом он ломал разросшуюся губчатую ткань и раскачивал стремечко. После этого барабанная перепонка

укладывалась на место и приживалась.

Свой метод Сэмюэль Розен демонстрировал три года назад в Москве и Ленинграде. Но, увы, результаты нескольких операций, произведенных им, нельзя было считать удовлетворительными.

Именно в этом поиске верного пути выше других поднялся Алексей Исидорович. Оттолкнувшись от принципа, предложенного американским врачом, профессор А. Коломийченко самостоятельно разработал и во многом модернизировал технику операции. Из семнадцати инструментов, применяемых при этой операции — она получила название «мобилизация стремечка», — одиннадцать Алексей Исидорович изготовил сам.

И вот первое испытание. Оперируют киевского шофера Николая Живалую; много лет страдал он прогрессирующей тугоухостью и затем совсем потерял слух.

Волнуется профессор, волнуются ассистенты. Идет проверка.

— Повторяйте, что я буду говорить, — громко произносит Алексей Исидорович.

— Профессор, не кричите, пожалуйста, я и так слышу, — отвечает больной.

Присутствующие переглядываются...

— Что вы слышите?

— Все слышу...

Начался «урок арифметики» — так больные шутя называют этот элементарный прием проверки слуха.

— Раз, два... десять, пятнадцать...

Человек, который произносит эти цифры, стоит совсем близко, а потом уходит в дальний угол комнаты. Произносит он их нормальным голосом, а затем тихо, почти шепотом... Больной повторяет все безошибочно.

— Завяжите ему глаза, — требует Алексей Исидорович.

Завязали глаза. Живалую ответили «урок» на «отлично» и с завязанными глазами.

Последующие исследования показали прогрессирующее улучшение слуха. Прошло больше двух лет. Шофер здоров, работает, периодически заходит в клинику на проверку...

Список исцеленных пополнился новыми фамилиями. Пока это все были земляки профессора. Но вот появилась в клинике Евдокия К., приехавшая из далекой Сибири. Ассистенты профессора отказали ей в операции: беременная на восьмом месяце беременности.

Женщина расстроенная вышла из кабинета. В коридоре ей встретился пожилой, высокого роста мужчина. Увидев у женщины на глазах слезы, он остановил ее. Доброе его лицо располагало к откровенному разговору. Да и хо-

телось с кем-то поделиться горем. И женщина поведала незнакомцу свою историю. История была невестная. Учительница, она десять лет назад начала терять слух, болезнь прогрессирует. Пришлось бросить работу.

— Жду ребенка, но, кажется, уже не услышу его голоса...

— Я вам сделаю операцию.

— А кто вы такой? — удивилась сибирячка.

— Я Коломийченко...

Профессор сделал сложную операцию. Евдокия К. услышала голос своего первенца. Она вернулась к любимому делу. Алексей Исидорович до сих пор получает из Сибири письма, в которых учительница благодарит профессора за «совершенное чудо».

Подобных «чудес» он совершил за последние три года более 1200. И, между прочим, в числе удачно оперированных была Н. Кузнецова, которой в свое время делал операцию американец Розен.

Собственно говоря, какие тут чудеса? Это труд, труд и еще раз труд, умноженный на упорство, негибаемую волю ученого, неутомимый научный поиск, на любовь к человеку.

Профессор далек от самоуспокоения. Есть еще много вопросов, на которые нужно ответить. «Мобилизация стремечка» не решает проблемы борьбы с глухотой в целом. Известно, что если причиной глухоты является поражение слухового нерва, то оперативное вмешательство не принесет пользы. Как же быть в таких трудных случаях? Сколько еще работы впереди!

Более 25 тысяч операций Алексей Исидорович сделал своими руками. И каких!

Разработанный Алексеем Исидоровичем метод кисетного шва при удалении гортани, пораженной раковой опухолью, сейчас уже широко применяется не только в Советском Союзе.

Профессор Коломийченко сам ищет, как говорят врачи, трудные случаи, не щадя своих сил, времени.

— Спасать людей нельзя от такого-то и до такого-то часа. Врач всегда должен быть в строю, — как-то сказал Алексей Исидорович.

Алексей Исидорович всегда был в строю. И начинал он свой путь с «рядового» медицинской науки: первых больных молодой врач принимал в маленьком украинском городе Шепетовке. Потом занятия в институте усовершенствования врачей, где Коломийченко теперь заведует кафедрой. Затем опять выезд в район. И только набравшись житейской мудрости, обогатившись большой

врачебной практикой, вернулся в институт на должность младшего ассистента, потом стал доцентом, защитил докторскую диссертацию...

Таков путь настоящего труженика науки, вышедшего из бедной крестьянской семьи, давшей стране трех прекрасных сыновей. Брат Алексея Исидоровича Михаил — видный хирург, другой брат, Иван, — известный ветеринарный врач. И как тут не помянуть добрым словом родителей, воспитавших таких сыновей! Видимо, это от них, от родителей, идет поразительное трудолюбие, свойственное всем братьям Коломийченко.

Я слышал такой рассказ об Алексее Исидоровиче.

Поехал он как-то на курорт в Карловы Вары. И случилось, что забыл взять с собой материалы для работы. Вернулся домой мрачный, недовольный.

— Как вам отдыхалось? — спросили друзья.

— Что это за отдых! — искренне сокрушался Алексей Исидорович. — Я за целый месяц ничего не сделал...

Сколько в нем энергии! И, пожалуй, щедрее всего он расходует ее тогда, когда нужно помочь молодым, ученикам. А учитель Алексей Исидорович отличный: требовательный, строгий, но справедливый. У него много их, учеников, помощников, в которых он верит, которым не боится поручать сложные операции.

— Каждый день имеет свой вечер, — любит напоминать Коломийченко. — Спешу, бери от своего учителя все, иначе опоздаешь — настанет вечер жизни...

В клинике у профессора оперируют все, вплоть до самых молодых аспирантов. Поэтому, когда министр здравоохранения Украины специальным приказом отмечал плодотворную работу по внедрению нового метода хирургического лечения отосклероза, он объявил благодарность не только А. И. Коломийченко, но и его помощникам.

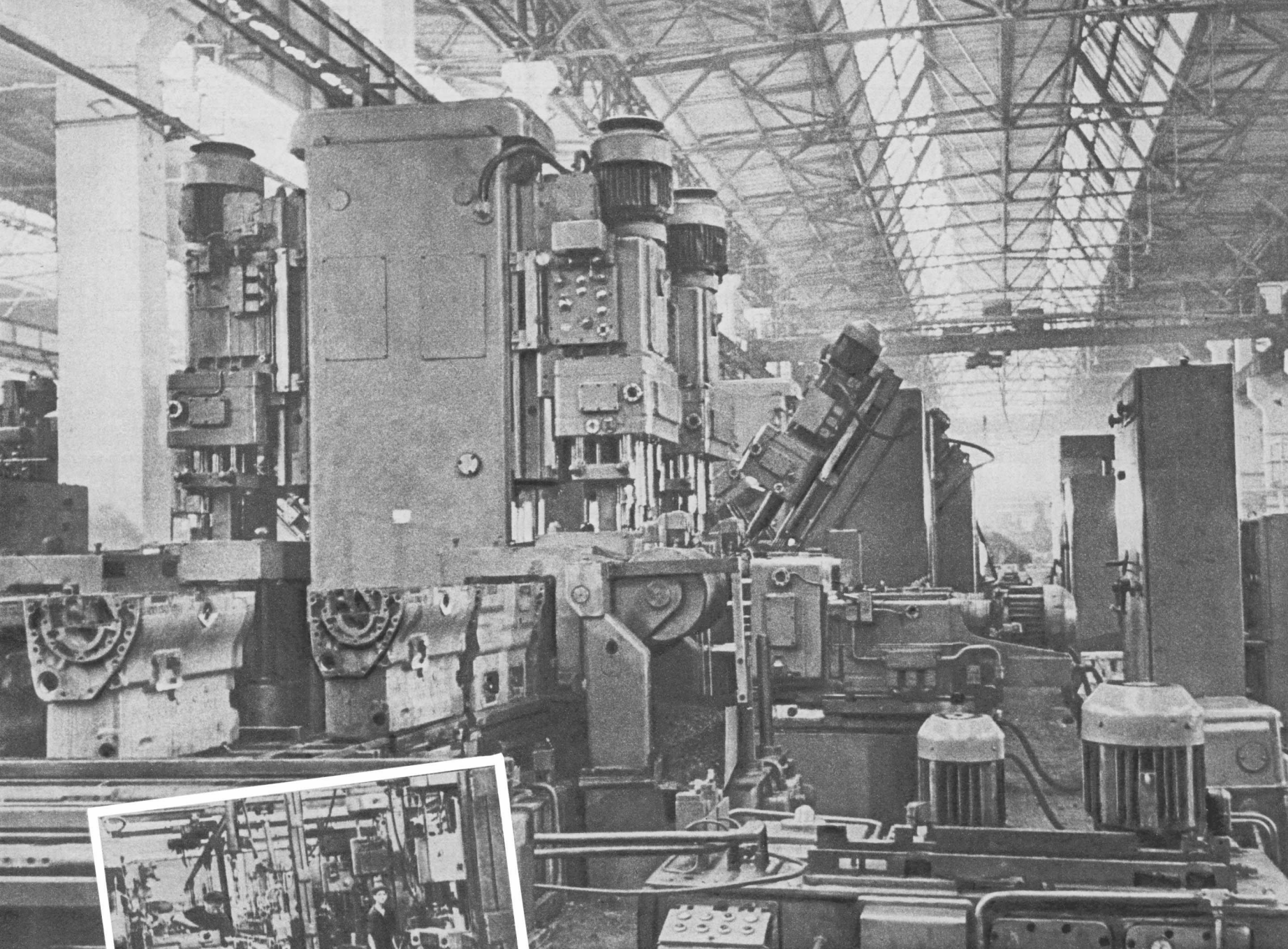
...Мы прощаемся с Алексеем Исидоровичем. В памяти надолго останутся слова, сказанные им в самые душевные минуты беседы:

— Вот говорят о счастье. А что это такое? Мое, например, счастье — это счастье людей, доверивших нам, врачам, свое здоровье, свою жизнь... Их счастье — мое счастье, их горе — мое горе...

В этих словах весь Коломийченко, народный профессор, как его любовно называют.

Он уходит готовиться к очередной операции, готовиться к боям с видимым, а чаще всего невидимым врагом человека. Пусть удача всегда ему сопутствует в этом трудном бою!

Сейчас здесь новая автоматическая линия, и для обслуживания ее достаточно восемнадцати человек!

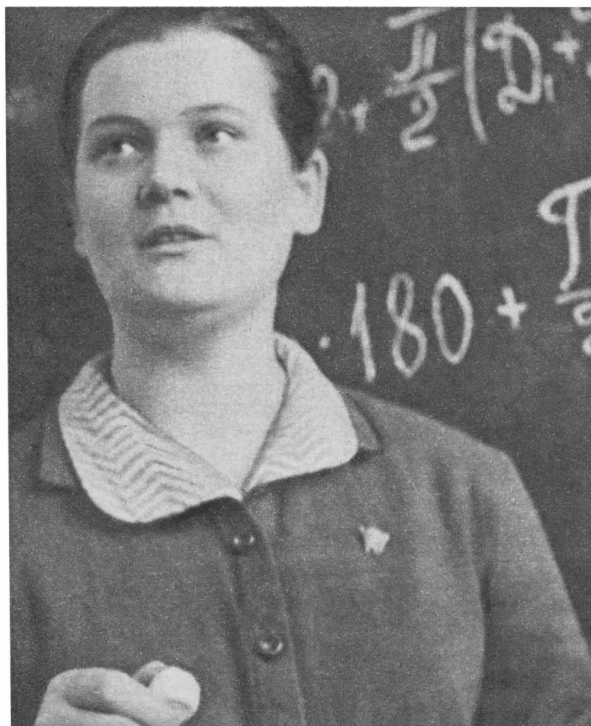
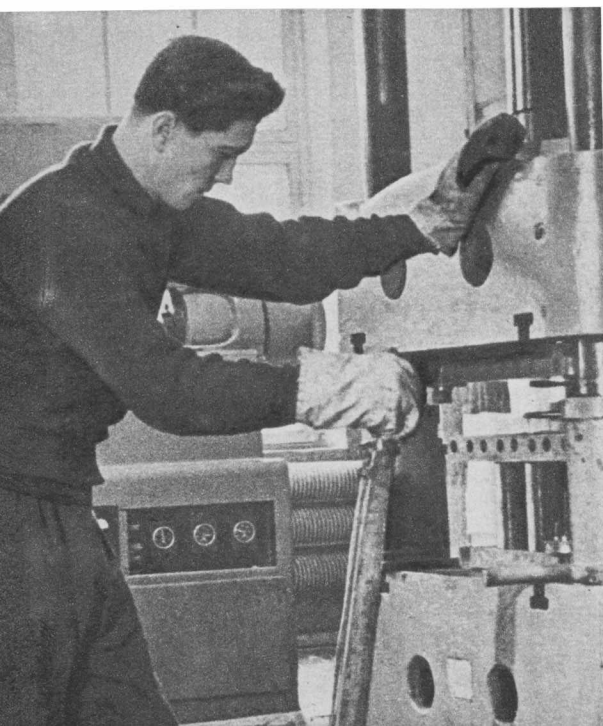
На этой старой поточной линии механической обработки блоков двигателя работало 184 человека.

Ш И Р О К

Виталий Федоренко был наладчиком токарных станков. Ныне он наладчик прессов в новом цехе пластмассовых изделий.

Любовь Василина перешла в другой цех и работает токарем. Она учится в институте на вечернем факультете.

С охотой сменил Савелий Геращенко специальность моториста на специальность слесаря высокой квалификации.

184=18

Фото Я. РЮМКИНА.

184 равно 18... Что это такое: арифметический курьез или просто ошибка?

Нет, в этом равенстве все правильно, все на своем месте. А чтобы стало понятно, откуда оно произошло, надо хотя бы несколько слов сказать о самом недалеком будущем...

Харьковский завод «Серп и молот» производит сейчас моторы для комбайнов, но уже к концу года должен наладить и выпуск дизельных двигателей для тракторов. Его задача на семилетку — в пять раз увеличить производство.

Даже человеку, далекому от

техники, ясно: чтобы так быстро лететь вперед, нужны хорошие, широкие крылья. И крылья эти — автоматизация. К концу семилетки на харьковском «Серпе и молоте» войдут в строй сорок две автоматические линии.

Сегодня уже работают семь линий, а другие пять готовятся к пуску, и среди них — линия на обработке блок-картера. Здесь работало 184 человека. Будет всего 18. Вот откуда произошло $184 = 18$ ...

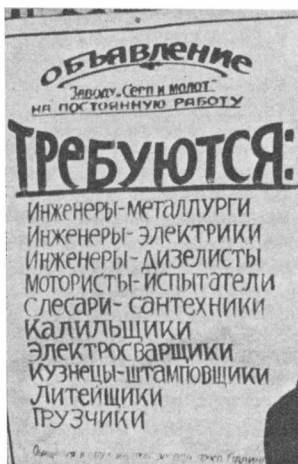
Если из 184 вычесть 18, получится 166. Куда же уйдут освободившиеся на этом участке рабочие? Не останутся ли они без дела, не придется ли им долго ходить в поисках места?

На эти вопросы отвечают публикуемые здесь фотографии. И несколько слов о том, что никак не сфотографируешь, — о заработках. У товарищей, перешедших на другую работу, они не уменьшились. Кое у кого стали даже больше. Например, у слесаря Савелия Геращенко средний заработок был 1 000 рублей, а сейчас — 1 150, у наладчика Леонида Кадыгроба — 1 000, сейчас — 1 100, у токаря-наладчика Владимира Михеева — 1 000, теперь — 1 100. И так у многих.

Вот как сложились у нас дела, когда пришли автоматы.

В. ОВЧАРОВ,
заместитель главного
инженера харьковского
завода «Серп и молот»,
И. ЮРЧЕНКО,
председатель заводского
комитета профсоюзов.

Для всех рабочих, трудившихся когда-то на старой поточной линии, нашлось дело по душе. Никто из 184 не остался без работы. И по-прежнему дирекция завода вывешивает объявления: «Требуются...»
Производство растет, ширится!

Григорий Степанович Гуря был токарем. Работая, окончил Харьковский машиностроительный техникум, и теперь он мастер автоматической линии.

И Е К Р Ы Л Ь Я

Бывшая фрезеровщица Надежда Бондарцова, окончив техникум, перешла в конструкторское бюро.

У Владимира Михеева, его жены Татьяны и дочери Вали две новости: во-первых, сам глава семейства перешел в другой цех наладчиком, а во-вторых, они получили отдельную квартиру в новом доме.

Налетт моттоци

Фрэнк РУНИ

Рассказ

Рисунки П. НАУМОВА.

Рокот моторов послышался в то время, когда Джоул Бликер, владелец и управляющий отеля «Пендлтон», перевел стрелки старых часов, стоявших в вестибюле. Сначала он подумал, что это один из тех четырехмоторных самолетов, летающих по маршруту Лос-Анжелос — Сан-Франциско, которые иногда настолько сильно отклоняются от курса, что их слышно в долине. Он так напряженно прислушивался к неуклонно приближавшемуся рокоту, что на мгновение ему почудилось, будто самолет врежется в отель. Он даже тревожно покосился на свою дочь Кэти, стоявшую в нескольких шагах от него и с любопытством смотревшую на улицу.

Еще не успев снять палец с часовой стрелки, он понял, что звук доносился совсем не с неба; это был громкий, трескучий шум, производимый множеством машин, двигавшихся по земле. Кэти и Брет Тиммонс, которому принадлежала одна из двух городских аптек, вышли на веранду, а Бликер задержался у часов, которые он сверял по железнодорожному хронометру, вынутому из жилетного кармана. Он перевел стрелку на полторы минуты вперед, осторожно отступив, захлопнул стекло и поглядел на огромные медные цифры и фигурные медные стрелки. Было восемь минут восьмого, до захода солнца оставалось около двадцати двух минут. Бликер положил железнодорожный хронометр в карман и медленно вышел в открытые двери вестибюля. Он был методичен и аккуратен и ежедневное выполнение таких небольших обязанностей считал немаловажным делом. Ничто не могло заставить его спешить, тем более такое пустяковое, хотя и необычное явление, как звук моторов.

Когда Бликер вышел из вестибюля, на веранде было всего три человека: его дочь Кэти, Тиммонс и Фрэнсис Ла Салль, совладелец магазина «Ла Салль и Флит, скобяные товары». Они спокойно стояли, поглядывая на длинную стройную колонну красных мотоциклов, приближавшихся с южной стороны и наполнявших главную и единственную улицу городка шумом, производимым множеством поршней и выхлопных труб. Теперь уже можно было разглядеть, что во главе колонны двигался мотоцикл, в отличие от других белый. Поравнявшись с отелем, он резко повернул вправо и остановился. Зрители с веранды заметили, как колонна без видимого замедления хода разделилась на две колонны по одному. Секундой позже, получив сигнал от своего предводителя, мотоциклисты повернули вправо и остановились.

Весь этот маневр с поворотом, выполненный четко и слитно, был воспринят Бликером с неприязненным чувством. Он походил на те перестроения моторизованных подразделений, которые ему приходилось видеть в армии. Это слишком живо напомнило ему службу за границей, когда он в чине подполковника побывал в Англии, Франции и, наконец, в Германии.

— Мистер Бликер?

Бликер увидел, что весь отряд (никто в городке ни в ту ночь, ни позже не мог точно сказать, сколько было в нем людей) спешился и что предводитель обращается к нему.

— Я Бликер.

Фрэнк Руни — современный американский писатель. Рассказ взят из сборника избранных американских рассказов «Середина века», Нью-Йорк, 1958 г.

Произнося это, он машинально сделал шаг вперед, точно так же, как делал в те годы, когда командовал батальоном.

— Я Гар Симпсон, а это подразделение «В» мотоциклетного клуба «Анжелено», — сказал предводитель, высокий, худощавый человек. Голос его звучал холодно и утрированно вежливо. — Мы хотим сегодня на ночь расположиться за городом. Не можем ли мы воспользоваться некоторыми услугами вашего отеля? Конечно, мы заплатим, сэр.

— Душевая в подвале. Если это вас устроит...

— Превосходно, сэр. Столовая еще открыта?

— Да.

— Не могли бы вы взять на довольствие двадцать человек?

— А как остальные?

— Их можно устроить в другом месте, сэр.

Симпсон небрежно отдал честь и, повернувшись к своим людям, стоявшим тесной группой у входа в отель, отдал вполголоса несколько приказаний. Мотоциклисты быстро и ловко поставили свои мотоциклы у обочины. Примерно треть их отделилась и, держась почтительно, но уверенно, поднялась по ступенькам в отель. Они прошли мимо Бликера, который немного отступил в сторону, и вошли в вестибюль. Когда они проходили мимо него, Бликер мог заметить движение их голов (но не глаз, закрытых большими зелеными защитными очками) в сторону своей дочери Кэти. Бликер нахмурился, но, прежде чем он сообщил, что ему сказать, Симпсон, стоявший теперь слева от него, тронул его за руку.

— Я разделил других на две группы, — сказал он негромко. — Одна группа поест в ресторане, другая в отеле «Дезерт».

— Хорошо! — откликнулся Бликер. — Очевидно, вы знаете город, как свои пять пальцев. И ваши люди горде. Вы что, бывали здесь раньше?

— У нас есть карта с планами всех городов этой части Калифорнии, сэр. И, конечно, мы знаем названия всех главных гостиниц и имена их владельцев. Лично я не прочь чего-нибудь выпить. Не желаете ли присоединиться?

— Я приду позже, — сказал Бликер.

Он стоял, наблюдая, как Симпсон вошел в вестибюль и, ни секунды не задерживаясь, направился к стойке. Затем Бликер повернулся к Кэти. Позади нее стояли, облокотившись на перила, Тиммонс и Ла Салль, лица которых было уже трудно различить в густых калифорнийских сумерках.

— Пойди помоги на кухне, Кэти, — сказал Бликер. — Думаю, тебе лучше не прислуживать за столами.

— Интересно, какие они без очков, — сказала Кэти.

— Как все, — ответил Тиммонс. Ему было около тридцати, он был грубоват, нетерпелив и немного смущен тем, что влюблен в такую совсем еще юную девушку, как Кэти. — Как вы думаете, откуда они? С Марса?

— Как они назвали свой клуб?

— «Анжелено», — сказал Ла Салль.

— Они, должно быть, из Лос-Анжелоса. Ого! Надеть, что ли, лучшее платье, гражданин полковник?

— Смотри не выходи из кухни, — напомнил Бликер.

Он поглядел ей вслед. Высокая, тонкая девушка семнадцати лет, хорошенькая и загадочная, хрупкая и в то же время самостоятельная, как ее мать. Невольно Бликер вспомнил, как ее мать оставила его в то морозное январское утро два года назад, сказав: «Прокатись верхом». А потом двухдневные поиски в горах после того, как лошадь вернулась одна, и тело жены (со сломанной шеей) в ручье у подножия скалы. Во время войны он не смел надеяться, что выживет и вернется к матери Кэти, а после войны ему и в голову не приходило, что придется расстаться с ней... снова... дважды за такое короткое время.

Тряхнув головой (будто этим движением можно было вытряхнуть воспоминания так же легко, как собака стряхивает воду), Бликер направился к Гару Симпсону, который сидел за столом в баре. Симпсон вежливо встал, когда Бликер занял стул напротив.

— И долго вы, ребята, думаете здесь оставаться? — спросил Бликер. Он отхлебнул из своего стакана и поглядел на Симпсона.

— Ночь и утро, — сказал Симпсон.

Как и на всех остальных, на нем была кожаная куртка, штаны и рубашка цвета хаки и, как уже ранее отметил Бликер, высокие черные ботинки. Рядом со стаканом Симпсона лежал кожаный шлем, но он не снял своих плоских зеленых очков, которые придавали ему и его людям вид каких-то причудливых существ с огромными неподвижными глазами без век. Таково было первое впечатление Бликера, и, несмотря на всю его абсурдность, оно не казалось причудой воображения, а было реальным.

— Куда вы отсюда направитесь?

— На север.

Симпсон достал скатанную в трубку карту из футляра для бинокля, висевшего через плечо, и расстелил ее на столе.

— Грубо говоря, мы следуем по эллипсообразной дуге, берущей начало на юге, в Лос-Анжелосе, и кончающейся на севере, в Фресно.

— Для мотоклуба размах большой.

— У нас в запасе месяц, — сказал Симпсон. — Это наша первая неделя, но мы не спешим. Мы собираемся внимательно все осмотреть.

— Чем же вы интересуетесь?

— Дорогами. Это естественно: ведь у нас мотоклуб. Вы удивитесь, когда узнаете, с какой быстротой растет число наших членов. Мы бы хотели, чтобы по возможности большая часть Калифорнии была доступна для нас.

— Понимаю.

— И потом это полезно для ребят. Молодежь Америки. Наша надежда!

Симпсон потянулся за своим стаканом. У Бликера создалось впечатление, что Симпсон говорит это, не скрывая чувства гордости и испуганного восторга.

Бликер сидел и наблюдал, как молодые люди по одному поднимались из общей душевой и шли в столовую без строя, но тем не менее соблюдая какой-то порядок. Они сняли шлемы и пристегнули их к поясам; каждый шлем на положенном месте: слева от пряжки, — но, подобно Симпсону, они не сняли очков.

Бликер подумал, что они, наверное, вообще долго не снимали очков, даже когда умывались, и если это действительно так, то интересно, какого же цвета кожа у них под очками.

— Пожалуй, я помогу накрыть на столы, — сказал Бликер. Он встал, Симпсон встал тоже. — Вы сказали, что вы из подразделения «В»? Это верно?

— Так точно. В настоящее время мы формируем подразделение «G». Когда-нибудь...

— ...у вас будет подразделение «Z», — сказал Бликер.

— И не только в Калифорнии.

— Где же еще, например?

— В Неваде, Аризоне, Колорадо, Вайоминге.

Симпсон улыбнулся, и Бликер, резко повернувшись, пошел в столовую, где стал помогать двум официанткам накрывать на стол. Он ставил посуду, достал еще несколько вилок, носил кружки с пивом из бара. Когда он прислуживал мотоциклистам, они беспрестанно благодарили его, и их вежливость, витиеватая и неискренняя, раздражала Бликера. Это напоминало штучки, которым обучают зверей, причем последним разрешается исполнять их, когда имеются определенные условия, обеспечивающие безопасность людей. Ему также не понравился невозмутимый вид, с которым они

КЛИСТТОВ

разглядывали обеих официанток, пожилых женщин, городских старожилок, а затем наклонялись и соединяли головы, словно индивидуальную мысль каждого надо было сложить в общий котел и поделить поровну между всеми. Разглядывая их украдкой, Бликер пришел к заключению, что все двадцать человек отличались друг от друга только в частности, и почти все эти частности были настолько незначительны, что их трудно было приметить и выделить. Это очки, решил он, очки, прикрывающие ту часть лица, которая является самой приметной и самой необходимой для опознания человека: глаза, глазные впадины, скулы.

Бликер пошел на кухню как бы для того, чтобы помочь, а на самом деле, чтобы быть поближе к Кэти. «Заботливый отец», — подумал он с иронией, наблюдая, как его дочь режет пирог и кладет цветные клинья на тарелки с голубой каемкой.

— Ну, папа, каков приговор?

У Кэти был очень серьезный вид, но Бликер понимал, что все это потешает ее.

— Много народу.

— Ага! Ты еще не позвал полицию?

Он засмеялся.

— Хорошо, что ты не играешь в покер.

— Детская игра. — Она положила последний кусок пирога с ежевикой на тарелку. — Я наблюдала за тобой через дверь. У тебя был такой вид, словно ты собирался взломать линию Зигфрида... голыми руками.

— Черт побери этого Симпсона!

— А что такое?

— Почему бы тебе не подняться наверх? Почитай книгу или займись еще чем-нибудь.

— Ну, папа, ведь единственный настоящий военный здесь — это ты. Они ведут себя, как подгулявшие оловянные солдатики.

— Жаль, черт побери, что они не из олова!

— Ладно. Я буду держаться от них подальше. Обещаю тебе.

Она провела острием ножа возле горла. Бликер наклонился и поцеловал ее в лоб, неловко, но крепко обхватив ее рукой.

После обеда мотоциклисты направились в бар, сохраняя в движении странную выправку, которая была и военной и невоенной, и уселись вместе в одном из углов комнаты. Бликер носил им кувшины с пивом. Они тихо разговаривали. Симпсон сидел в центре группы. Голоса мотоциклистов были настороженными и значительными, словно они сообщали друг другу информацию, которую не следовало разглашать.

Немного погодя Бликер оставил их и пошел наверх, в комнату дочери. Обычно он не был строг с Кэти, и его немного расстроило то, что ему пришлось сказать ей на кухне. Она перелицовывала воротнички его старых рубашек на портативной швейной машинке, которую он подарил ей к прошлому дню рождения. Когда он вошел, Кэти шутливо поднесла одну из рубашек к лампе торшера, чтобы ему было видно, как истончился и просвечивает материал. Характерная для матери Кэти экономия в мелочах наряду с безграничной щедростью в важных делах была почти абсурдна и служила предметом шуток в семье. Он испытал чувство огромной радости, увидев, что его дочь не только унаследовала эту традицию, но и считала ее достаточно разумной, чтобы продолжать. Это освежило его, как неожиданный глоток кислорода.

Бликер направился через холл в свою комнату, не сказав ей больше ни слова. Мысли его о Кэти были настолько сокровенны, что, если бы даже он и сумел их высказать, они не имели бы абсолютно никакого значения для кого бы то ни было.

Он уже пробыл в своей комнате примерно с час, просматривая счета и мимоходом думая об этом человеке, Симпсоне, когда услышал

слабые, неизвестно откуда доносившиеся звуки песни. Он подошел к окну и выглянул на улицу. Стоя у окна, он прикинул: поют за квартал отсюда, где-то у бара Каннингама. Если бы не грубые мужские голоса, можно было подумать, что это песня бойскаутов у костра, скорее ритмичная, чем мелодичная, скорее отрывистая, чем плавная. Вдруг звуки песни донеслись откуда-то снизу, из вестибюля отеля, несколько человек на улице обернулись и, глупо улыбаясь, поглядели на двери веранды.

Встревоженный растущей веселостью поющих, Бликер стал спускаться в бар. Пение становилось все громче. Кроме Симпсона и двадцати рядовых из отряда, в баре было

всего три горожанина (включая Ла Салля). Увидев в дверях Бликера, Симпсон встал, пошел к нему и увлек в вестибюль, где они могли поговорить.

— Надеюсь, ребята не беспокоят вас? — спросил он.

— Еще рано.

— В такой большой и отборной организации, как наша, совершенно необходимо поддерживать строгую дисциплину. Но также необходимо дать людям немного отдохнуть.

— Кажется, упор делается на слово «отборная».

— У нас свои мерки, — мрачно произнес Симпсон.

— А позвольте вас спросить, черт побери, что это за мерки?

Симпсон улыбнулся.

— Я не совсем понимаю ваше раздражение, мистер Бликер.

— Он функционирует круглый год, что ли, этот ваш клуб?

— Да.

— И вы весь год заняты в этом клубе?

— Конечно.

— Вот этим-то я и недоволен, Симпсон. Короче говоря, то, чем вы занимаетесь, — частная армия. — Бликер похлопал по футляру, висевшему у Симпсона через плечо. — У вас есть все: и карты, и любая местная информация, и, конечно, свои люди в Сакраменто.

— Для человека, столько обездвигавшего и видевшего на своем веку, мистер Бликер, вы проявляете недюжинную способность к преувеличениям.

— Пока вы не выходите за рамки приличий, мне нет дела до того, чем вы занимаетесь. Мы живем в маленьком городке, и у нас мало таких мест, где можно развлечься. Мы рано ложимся спать, и я предлагаю вам принять это во внимание. А теперь можете веселиться. Никто ничего не имеет против этого.

— Разумеется, мы платим.

— Да, — сказал Бликер. — Вы платите.

Он отошел от Симпсона и вышел на веранду. Теперь пение доносилось и спереди и сзади. Бликер постоял немного на верхних ступеньках лестницы, глядя на луну, похожую на висящий в небе немного испачканный, но светящийся флажок. Он был смущен своей вспышкой в присутствии Симпсона и не мог объяснить ее. Частная армия. Возможно, как сказал Симпсон, он преувеличивает. Он был жителем маленького городка, и ему всегда претило то, что люди поступают своей индивидуальностью и объединяются в подобные организации, чтобы добиться превосходства над другими. Это было необходимо во время войны, но теперь в этом необходимости нет. Ребячья игра, но она начинает внушать опасения.

Он спустился по ступенькам и направился по тротуару к бару Каннингэма. Там тоже пели. Бликер остановился у бара и стал разглядывать через зеркальное стекло витрины мотоциклистов, прислушиваясь к хриплым, неполнозвучным голосам, в которых от выпитого пива появился налет сентиментальности. Не задумываясь, он вошел в бар. Он показался Бликеру мрачным, холодным и чужим. Сначала он не заметил юноши, сидевшего в одиночестве неподалеку от выхода. Потом увидел его и удивился (мало сказать, удивился, был поражен): на юноше не было очков, он положил их на стол рядом с бутылкой «кока-кола». Бликер невольно направился к его столу и сел напротив.

— Здесь свободно?

В баре пели, было шумно, и ему пришлось кричать. Юноша перегнул через стол и улыбнулся.

— Надеюсь, мы вас не беспокоим?

Бликер расслышал только слово «беспокоим» и отрицательно покачал головой. Он указал пальцем на свой рот, затем на юношу и на остальных мотоциклистов. Юноша тоже покачал головой. Бликер увидел, что он молод, может быть, лет двадцати пяти, и что у него темные, прямые, коротко стриженные волосы, тщательно разделенные пробором. Лицо его было широким, но приятным; у него был короткий нос и большой рот. Бликер решил, что самым красивым у парня были глаза, карие, а может быть, и темно-се-

рые, окруженные двумя неправильными светлыми овалами незагоревшей кожи, которые резко выделялись на фоне сильно загорелых щек, лба и нижней части лица. Если бы он надел очки, он бы выглядел так же, как и все остальные. Без них он был приятным молодым человеком, добрым и приветливым.

Бликер указал на бутылку «кока-кола».

— Вы не пьете?

— Я себя неважно чувствую от пива.

Бликер уловил слово «пиво» и увидел, как юноша сделал смешное глотательное движение. Так они сидели, обмениваясь словами и иногда фразами, каждый раз сопровождая их неуклюжими, осторожными движениями, пока пение не стало менее дружным и воодушевленным и, наконец, не закончилось покашливанием. Люди из отряда разгуливали теперь поодиночке, некоторые облокотились на стойку и переговаривались хриплым шепотом с буфетчиком, другие, не твердо держась на ногах, слонялись от группы к группе. Группы по два, по три человека то расходились, то сходились. Если двое сталкивались, то другие поддерживали их, не давая упасть. Некоторые просто стояли в центре комнаты, впериwв взор в потолок.

Несколько человек из отряда вышли из бара, и Бликеру было видно, как они стояли на широком тротуаре, разглядывая улицу. Теперь они старались избавиться друг от друга с таким же омерзением, с какой радостью они раньше стремились быть вместе. Или, скорее, у них появилось нежелание подчиняться кому бы то ни было. Бликер улыбнулся, подумав о Симпсоне и его разговоре о дисциплине.

— Они ищут женщин, — сказал юноша.

Бликер на мгновение забыл о юноше, и эта внезапная реплика, сказанная обычным голосом, прервала его мысли и вывела из задумчивости. Он тотчас же подумал о Кэти. Но ведь Кэти была в безопасности, в своей комнате. Наверное, она уже легла в постель. Он вынул из жилетного кармана часы и взглянул на них.

— Пять минут одиннадцатого, — сказал он.

— Почему они это делают? — спросил юноша. — Откуда берется это проклятое нахальство? Обычно у них хватает наглости только на то, чтобы плялить глаза на официанток. Но стоит им выпить несколько кружек пива, как они начинают искать женщин, щиплют их, похлопывают...

Бликеру стало неловко. Он глядел юноше прямо в глаза, он видел, как у того выступили слезы и покраснело лицо, он заметил, как часто, судорожно задержались его веки, словно в глаза попало что-то мерзкое, причиняющее боль. Эмоция была явно детской; наблюдая ее, нельзя было не расстраиваться, и он ощущал и жалость и презрение к мужчине, который позволил себе так открыто проявить подобное чувство перед незнакомым человеком без всякого побуждения с его стороны.

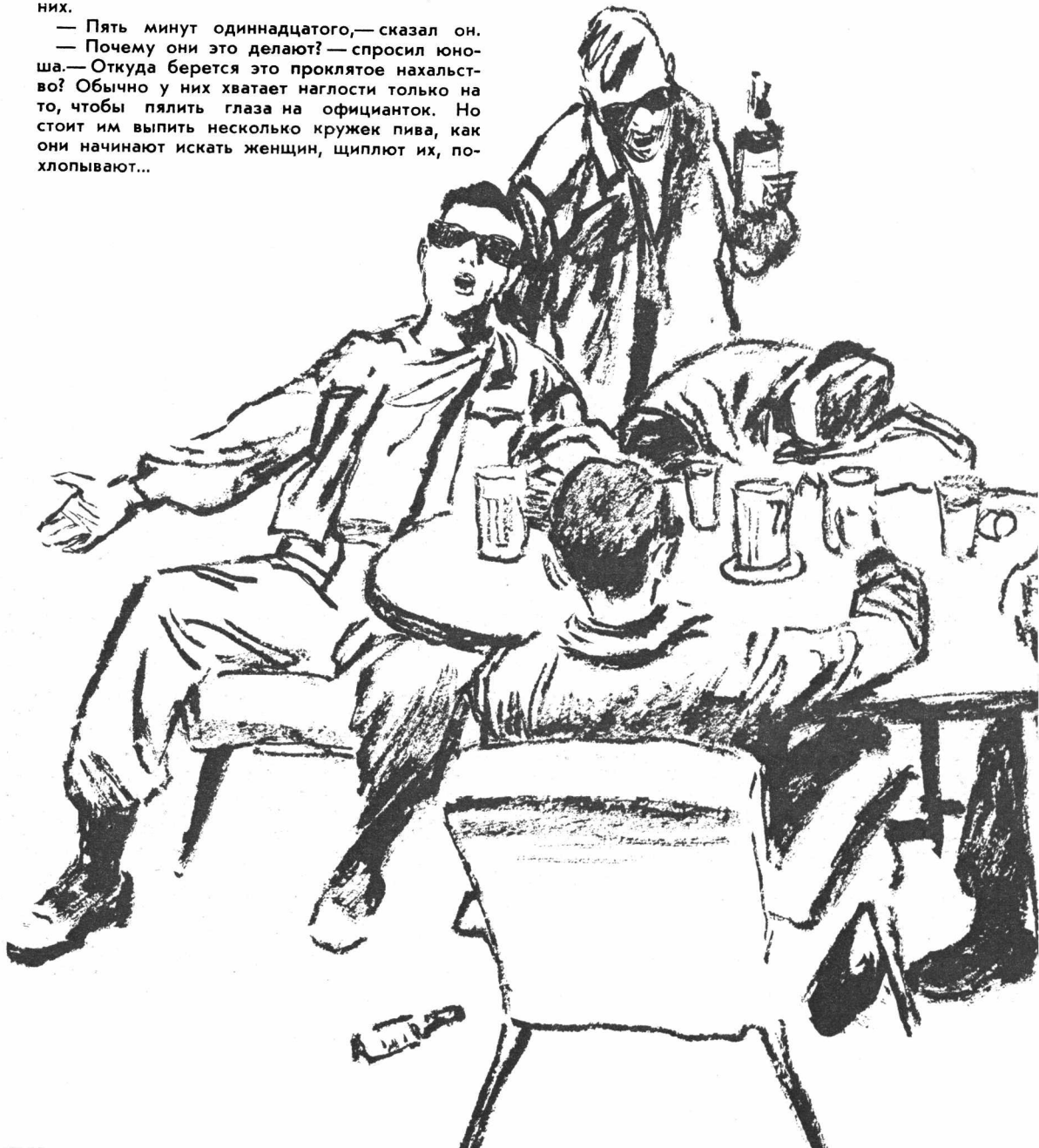
— Извините, — сказал юноша.

Он взял со стола очки и неловко надел их. Бликер встал и взглянул на середину комнаты. Несколько человек из отряда отдели в сторону глаза и затем повернули головы, делая вид, что не замечают юношу за столом. Бликер понимал их. С юношей можно было разговаривать. И причина этого тоже была ясна. Он был чужой. Почему, по какой причине, он, очевидно, никогда не узнает.

Бликер вышел из бара и направился по улице к отелю. Вечерний воздух был чист и прохладен и слабо пах пустыней, песком, раскаленными скалами, растениями пустыни, имеющими кисло-сладкий запах, солнцем, насквозь прокалившим землю. На тротуаре было всего несколько горожан, которые прогуливались, привлеченные присутствием в городе чего-то необычного и притягивающего, как думал Бликер, непреодолимого и опасного любопытства за снисходительной ухмылкой. Он с отвращением пожал плечами. Бликер был похож на kota, вглядывающегося в тень, имевшую очертания его страхов.

Он был всего в ста шагах от отеля, когда услышал или подумал, что услышал, звук автоматной очереди. Это был хорошо запомнившийся звук, но всегда новый и пугающий.

Потом он увидел мотоцикл, мчавшийся посреди улицы. Из выхлопной трубы вылетал громкий треск, вызывавший у окружающих взрывы смеха, свистки и выкрики. Бликер мед-

ленно выдохнул, и с этим выдохом ослабела боль в груди. Еще один мотоцикл промчался за первым, и было видно, как вывели еще четыре или пять машин и как мотоциклисты подпрыгивают в воздухе, бросая тяжесть своих тел на педали стартеров. И тут же он увидел, как первые мотоциклы, доехав до конца улицы, повернули и помчались обратно к отелю. У него появилось такое ощущение, будто он сам движется (даже тогда, когда он остановился), настолько быстро все мчалось навстречу друг другу. Он услышал визгливый, невыносимый звук скрежещущего металла и увидел, как завияло и смялось переднее колесо мотоцикла, а мотоциклист покатился по асфальту в канаву, где он наконец сел и стал тихонько покачивать очкастой головой.

Посмотрев вокруг, Бликер увидел, что из бара, который был напротив заведения Каннингама, выходила третья группа мотоциклистов, ранее отделившаяся от двух других. Подошедшие мотоциклисты подбадривали жестами своих товарищей. Юношу, сброшенного с мотоцикла, рвало в канаву. Бликер быстро пошел к отелю. Едва он вззошел на веранду, как попал в толкучку. Пять или шесть мотоциклистов разом выбежали из вестибюля, один из них упал, и его грубо спихнули ногами вниз по лестнице. Бликер еле удержался возле одного из столбов; пытаясь ухватиться за него, он сломал ноготь. Бликер немного постоял, задыхаясь от негодования, и затем вошел в вестибюль.

Стол был перевернут, деревянные ножки его нелепо торчали кверху, журналы были разбросаны, некоторые раскрыты и лежали вниз страницами, отчего их переплеты покорежились. Он наступил на осколки стекла и понял, что дверь в вестибюле тоже пострадала. Один из мотоциклистов с идиотским видом вышел из бара и, еле держась на ногах, по инерции дошел до середины комнаты и не упал, а лег и растянулся на полу. Пиво хлынуло у него через рот и нос, образовав зелено-желтую лужицу, тут же впитавшуюся в ковер.

По дороге в бар Бликер, думавший о Симпсоне и о том, что он скажет ему, увидел двух человек, поднимавшихся по лестнице на второй этаж. Он побежал, чтобы перехватить их. Услышав властные ноты в его голосе, они послушно спустились и пошли через вестибюль на веранду. Один из них бросил через плечо: «Ладно, папаша, ладно, береги свое сокровище». Улыбки, которыми они обменялись, привели его в ярость. Когда они скрылись с глаз, он быстро взбежал по лестнице и, задыхаясь, помчался через холл к комнате дочери.

Было тихо, и под дверью не было видно полоски света. Он постоял немного, приложив ухо к филенке, а потом повернулся и пошел к лестнице.

Мужчина или юноша, одна из двадцати, или сорока, или шестидесяти одинаковых фигур в очках и хаки, вывернулся из-за угла коридора на втором этаже и взялся за ручку двери, ближайшей к лестнице. Он осторожно повернул ручку и потом направился к следующей двери, явно не заметив Бликера. Бликер не побежал, не закричал, не сбил его с ног, а подошел, взял его за руку и свел вниз по лестнице. Рука не сопротивлялась, она была даже слабой.

Бликер в нерешительности стоял внизу у лестницы, наблюдая за человеком, который, как заведенный, зашагал от него прочь. Он подумал, что ему следует вернуться наверх и обыскать холл. Ему также пришла в голову мысль, что он должен найти Симпсона. Сквозь шум, производимый быстро несущимися мотоциклами, он услышал грохот в баре, серию протяжных пьяных ругательств, оборвавшихся внезапно негромким звуком, похожим на сильный шлепок ладонью по столу.

От длительного состояния гнева у него разболелась голова и заняло в желудке. Он вошел в бар и остановился, глядя во все глаза на Фрэнсиса Ла Салля («Ла Салль и Флит, скобяные товары»), который лежал, распростершись на полу. Плечи его упирались в медную перекладину под стойкой, а голова была повернута так, что щека прижималась к черной деревянной полированной обшивке. Буфетчик прятал руки под стойкой и наблюдал за Симпсоном и полудюжиной парней, стоявших полукругом над распростертым Ла Саллем.

Бликер поднял Ла Салля, который был немного оглушен, но, видимо, не получил серьезных повреждений, и посадил его на стул. Убедившись, что с Ла Саллем все в порядке, он направился к Симпсону.

— Соберите ваших людей,— сказал он.— И уведите их отсюда.

Симпсон извлек длинный желтый бумажник, сложенный наподобие книги, и положил пачку денег на стойку.

— Это в счет возмещения убытков,— сказал он.

Он с трудом ворочал языком, и рот его оставался полуоткрытым. Но Бликер не верил, что он пьян. Бликер увидел (или подумал, что увидел) холодные, узкие глаза за очками, блестящие и чистые, как свежее выкрашенный пол. Бликер сжал кулак и подался вперед, но Симпсон резко повернулся и отошел от него; мотоциклисты, как свора гончих, устремились за ним. Бликер тупо глядел им вслед. Он ожидал, что начнется драка, и все его мускулы были напряжены. Он сердито фыркнул.

— Кто ударил его? — Бликер указал на Ла Салля.

— А черт их разберет! — сказал буфетчик.— Все они на одно лицо.

Это было правдой. По дороге в вестибюль Бликер услышал, как Ла Салль слабым, жалобным голосом сказал: «Черт бы их побрал, сволочи!» Бликер столкнулся с Кэмпбэллом, заместителем шерифа, высоким человеком с руками и плечами ребенка и смуглым обрюзгшим лицом.

— Можете вы что-нибудь сделать? — спросил Бликер.

Мотоциклы, ревя и стреляя, разъезжали по улице, один из них перемахнул через обочину и ездил по тротуару.

— Что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил Кэмпбэлл.— Посадили их всех в тюрьму?

Мотоцикл на тротуаре прибавил скорость, его занесло к витрине, переднее колесо взвилось в воздух и стало карабкаться на кирпичный уступ под витриной. Большой кусок стекла соскользнул на тротуар и стал медленно падать на мотоциклиста, который неуклюже отползал дальше от витрины. Бликер скрипнул зубами.

Теперь уже и другие мотоциклы разъезжали по тротуару. Один из них ударился о стоявшую у обочины машину. Мотоциклист встал, расставив ноги над мотоциклом, и выбил кулаками, затянными в перчатки, стекло машины. Кэмпбэлл бросился вниз по лестнице, но

его загнал назад мотоцикл, появившийся слева. Бликер услышал, как шины проскребли по дереву нижней ступеньки. Когда Бликер подошел к Кэмпбэллу, тот уже сжимал рукоятку пистолета.

— Это не дело! — крикнул Бликер.— Вызовите полицию штата! Попросите прислать полдюжину машин!

Кэмпбэлл, злой, но уже немного пришедший в себя, поднялся по лестнице и пошел в вестибюль. Бликер не мог точно сказать, как долго он стоял на веранде, наблюдая за разгромом на улице,— один из мотоциклистов носился мимо витрин и что-то швырял в стекла, очевидно, бутылки из-под пива; двое других валялись на землю весы и сшибали вывеску с фронтона кинотеатра; мотоциклисты загоняли обозленных горожан, встревоженных и поднятых из своих постелей ужасным шумом, назад, в их внезапно осветившиеся дома, или на ступеньки отеля, или в ниши на главной улице, в дверные проемы и даже в витрины, оставшиеся без стекол.

Он увидел Симпсона (или, вернее, какую-то фигуру на белом мотоцикле, в шлеме, в очках), спокойно расположившегося посреди улицы под фонарем. Очевидно, он уже находился здесь некоторое время, но Бликер не видел его; быстрые передвижения на улице отвлекали внимание от любого неподвижного предмета и даже делали его до некоторой степени невидимым. Теперь Бликер увидел Симпсона и снова почувствовал, как к горлу подкатывает гневный комок. Теперь он мог бы задушить его медленно и с безграничным наслаждением. Он инстинктивно почувствовал, что Симпсон не делал никаких попыток руководить своими людьми, а скорее, ждал того момента, когда их разум, ослабевший, но все же не пришедший в состояние полной беспомощности, снова обретет власть над их телами.

Бликер резко повернулся и вошел в вестибюль, словно подчеркивая своим уходом, что думать о Симпсоне больше не стоит: тот ответит за все потом. Он подошел к конторке, возле которой разговаривали Тиммонс и заместитель шерифа Кэмпбэлл.

— Вы облечены властью! — сердито говорил Тиммонс.— Стреляйте поверх голов. И если это не остановит их...

— Вы созвонились с полицией? — спросил Бликер.

— Уже выехала,— сказал Кэмпбэлл. Он избегал взгляда Тиммонса и продолжал с надеждой глядеть на Бликера. У него был несчастный вид.

— Ну, вы сказали свое слово,— бросил Тиммонс,— теперь я скажу свое.

Он направился к двери вестибюля, но Кэмпбэлл, вдруг рассердившись, схватил его за руку.

— Предоставьте это мне,— сказал он.— Вы начнете стрелять...

Кэмпбэлл внезапно замолчал, и Бликер, повернув голову, увидел два мотоцикла, въезжавших в раскрытые двери вестибюля. Они медленно стали кружить, а потом один из них вдруг помчался к Бликеру и остальным; очкастый водитель с колоссальной быстротой вырос до огромных размеров над широко расставленными ручками руля. Бликер нырнул за колонну, а Кэмпбэлл и Тиммонс прыгнули за конторку. Шум, производимый двумя машинами, напугал их не меньше, чем вид самого мчащегося металла.

Бликер не знал, почему, наблюдая за двумя мотоциклами, он взглянул на лестницу, ведущую на второй этаж. И все же то, что он взглянул и увидел стоящую на нижней ступеньке Кэти, не было совсем необъяснимым. В глубине сознания, занятого обдумыванием происходивших событий, должно быть, таилась мысль о ней. И теперь Кэти была здесь.

На ней был знакомый зеленый халат, сваченный в талии поясом, а под ним виднелись белые шлепанцы и розовый край ночной рубашки. Волосы ее были распущены, у него было впечатление, что она еще не совсем проснулась, хотя было очевидно, что это не так. Он подумал, что у нее такой вид, словно она проснулась, взглянула на часы, нахмурилась и сошла вниз, чтобы сделать ему выговор за то, что он еще не в постели в такое позднее время. Он не представлял себе, который час.

Бликер увидел (и, конечно, увидела Кэти) мотоцикл, мчавшийся к ней. И тут же услышал

свой крик. Она сделала небольшой шаг назад и в отчаянии подняла руки, словно защищаясь от чудища на мотоцикле, но ничто не могло изменить (в такой бесконечно малый отрезок времени и на таком небольшом пространстве) хода событий.

И вот она упала поперек нижних ступеней, тело ее прижалось к стойкам перил и тут же изогнулось дугой. Вдруг тело ее бесстыдно обнажилось, халат и ночная рубашка были сорваны с ее ног, будто отброшенные прочь кровью, хлынувшей из бедра. Когда Бликер подбежал к ней, на ее волосах тоже появилась кровь, и кто-то (не Кэти) дико кричал ему в ухо.

Немного погодя пришел врач, и Кэти с забинтованной головой и наложенным на ногу лубком можно было перенести в контору и уложить на кушетку. Бликер сел на край кушетки, положив руку на руку Кэти, и стал глядеть на неподвижное, бледное лицо. Глаза ее были закрыты, и он знал, что они не откроются. После первого осмотра врач быстро поднял голову, и, так как Бликер тоже склонился над Кэти, его голова на мгновение оказалась рядом с головой врача. Лицо врача почти немедленно приняло строго профессиональное выражение, но Бликер уловил тот момент, когда врач чувствовал, как простой человек, но, конечно, вооруженный знанием медицины, и Бликер понял, что Кэти умрет, но что умрет она не сразу.

Бликер отвернулся от Кэти и увидел Тиммонса, стоявшего в противоположном углу комнаты. Тот плакал, но лицо его не было плачущим, и слезы, бесцветные, блестящие капельки, на его щеках казались неожиданно нежными на огрубевшей коже. Тиммонс неловко взмахнул забинтованной рукой, и Бликер вдруг с каким-то болезненным чувством припомнил, как Тиммонс бросился за мотоциклом, который дал задний ход и вместе с другим выехал из вестибюля.

Ни с улицы, ни из вестибюля теперь не доносился ни один звук. После такого шума наступившая тишина казалась неправдоподобной. Врач входил, наклонялся над Кэти и снова уходил. Тиммонс почти не двигался и терпеливо стоял в противоположном конце комнаты, повернув лицо к Кэти и Бликеру. Бликер, взглянув на него, подумал, что он, должно быть, не видит их.

— Полиция, — сказал Бликер немного погодя.

— Они уехали, — хриплым шепотом произнес Тиммонс и, помолчав, добавил: — Полиция поймает их, не беспокойтесь.

Бликер увидел, как Тиммонс беспомощно покраснел и отвел от него взгляд. Тут не полиция нужна. Полиция схватит Симпсона. Симпсон возместит убытки. И этим все кончится. Кто опознает наехавшего на Кэти? Сам он не сможет, и, конечно, не смогут ни Тиммонс, ни Кэмпбэлл. Эти мотоциклисты все на одно лицо. Они, как стандартные статуетки, будучи собранными вместе, теряли индивидуальные черты, растворялись в массе, пока, наконец, любой из них не представлялся уже одной и той же мифической фигурой, невыразимо не приметной и являющейся эталоном для сотен других. Он не мог обвинить что-то, чего в действительности не существовало.

Он не знал точно, когда умерла Кэти. Это могло случиться тогда, когда он услышал шум мотора приближавшегося к городу мотоцикла — звук, неправдоподобно одинокий в тихой ночи. Он знал только, что врач пришел в последний раз и что чья-то сострадательная рука укрыла Кэти грубым, тяжелым одеялом. Он немного постоял, глядя на одеяло, сдерживая рвавшееся наружу отчаяние, а потом вернулся в вестибюль и вышел на веранду. Там было около десяти человек, глядевших в том направлении, откуда доносился неуклонно, но медленно приближавшийся треск мотоцикла. Он видел, что, когда они обменивались взглядами, лица их становились суровыми и злыми, но, когда они смотрели на него, они принимали почтительное и несколько пристыженное выражение.

С веранды Бликер мог видеть людей, ходивших возле разбитых витрин, останавливавших-

Беспокойная юность

Ю. ГЛАДКИХ

УЧЕНИК

В семнадцать лет выходит он из школы.
«Прощай, мой друг», — звенит ему звонок.
«Иди ко мне», — зовет родное поле,
А заводской к себе зовет гудок.
И, по душе избрав себе дорогу,
(Да разве мало их у молодца!),
В кузнечный цех влюбился он с порога,
Влюбился парень в дело кузнеца.
Здесь дышит сталь. Здесь люди дышат жарко.
Здесь даже солнце можно подковать!
На зрелость сдал экзамены за партой,
А зрелость надо делом доказать.
Хоть с виду был он худеньким, незречным,
Но все ж красавцем показался мне.
В лад с кузнецами здесь, в цеху горячем,
Свою судьбу он сам кует в огне.

КРАНОВЩИЦА

В литейном цехе воет вентилятор,
Вдувая с силой в печи кислород.
И, пламенной вспышкой объятый,
По монорельсу полный ковш плывет.
Плывет неторопливо, солнцезащитный,
По своему приветлив и свиреп.
И сера, выгорая синим газом,
Напоминает просинь на заре.
И, заглянув в кабину крановщицы,
Невольно ощущаешь дрожь и страх:
Сидит розовощекая «жар-птица»
С крылатой улыбкой на губах.
Сидит она в кабине и не знает,
Что у нее героическое житье!
Одной рукою тонны поднимает,
Другую — сердце жаркое мое!
Ростов-на-Дону. «Ростсельмаш».

ся, наклонявшихся и затем выпрямлявшихся, чтобы идти дальше. Все они были одеты во что попало, и поэтому казалось, что хождение их бесцельно. Поднимая что-либо, они тут же клали этот предмет на прежнее место. Положив какую-либо вещь, они угрюмо разглядывали ее и снова поднимали. Они были похожи на изгнанников, подвергшихся дискриминации, жестокой, но не противоречащей закону. Когда на северном конце улицы появился мотоцикл, они взглянули на него, потом еще раз, тупо и, как казалось, беззлбно.

И только немного погодя они поглядели на него снова, на этот раз уже осмысленно, и стали медленно собираться у отеля, где возле остановившегося мотоцикла стоял мотоциклист.

Никто на веранде не сдвинулся с места, пока Бликер с явной неохотой не спустился вниз по лестнице и не подошел к мотоциклисту. Это был тот самый юноша, с которым Бликер разговаривал в баре. Очки и шлем были подвешены к поясу.

— Я не мог больше вынести этого, — сказал юноша. — Мне пришлось вернуться.

Он смотрел на Бликера так, будто не осмеливался отвести глаз. Лицо его было по-юношески оживленно, и в то же время на нем была какая-то угнетенность. Следы гордости и страха, подумал Бликер. Он, должно быть, чувствовал себя героем, решив вернуться в город после того, что там было сделано, но для Бликера он был всего лишь нечистоплотным мальчишкой, вернувшимся к забору, который друзья его испачкали неприличными

надписями, и обращавший внимание на то, что он боится стереть надписи, но тем не менее готов сделать это. Бликер возмущился. Сейчас он ненавидел мальчишку гораздо больше, чем Симпсона, за то, что сопляк отвлекал его внимание на такие пустяки, а он не хотел думать ни о чем и ни о ком, кроме Кэти.

— Я не был с ними, — сказал юноша. — Вы помните, мистер Бликер, я не пил.

Это заявление о невиновности (эта готовность принять на себя вину за действия, которые он не совершил) привело Бликера в ярость.

— Вы были одним из них, — сказал он.

— Да, но после этой ночи...

— Почему вы не остановили их? — громко спросил Бликер. Он слышал ропот горожан за своей спиной, кто-то хрипло дышал ему в шею. — Вы были одним из них. Вы могли что-нибудь сделать! Так скажите же, бога ради, почему вы этого не сделали?

— Что я мог сделать? — сказал юноша.

Он протянул руки и отступил назад на шаг, словно обращаясь к людям, стоявшим за спиной Бликера.

Ни тотчас же после этого, ни позже Бликер не мог припомнить, что он тогда сделал. Если бы юноша не сделал этого шага назад, если бы он не поднял рук... Бликер стоял в кругу людей и бил кулаками, и его били... А потом он стоял на коленях на тротуаре, поддерживая голову юноши и пытаясь защитить его от тяжелых башмаков столпившихся вокруг людей. Он кричал, протестовал, увещевал, и люди отошли от него, и кто-то помог ему унести юношу и положить его на веранде. Когда он поднял голову, рядом оказались только Тиммонс и врач. На улице теперь видны были только тени и слышны удаляющиеся шаги невидимых людей. Ночь снова стала тихой, так же внезапно, как она была взорвана шумом.

Позже Тиммонс и врач внесли юношу, живого, но избитого до полусмерти, в отель. Бликер сидел на верхней ступеньке веранды, глядя на луну, которая изменила свое положение на небе и была теперь ближе к горам на западе. Она была совсем не романтической и не огненной, а холодной, чистой и спокойной. И свет, который она посылала, холодный и спокойный, оживлял в нем то, что ему хотелось запрятать поглубже.

Он мог бы сказать, что, потеряв Кэти, он больше не боялся потерять самого себя. Никто не обвинил бы его. Смерть Кэти оправдывала то, что он ударил юношу, сбил его на тротуар и топтал ногами. А раньше он никогда не поверил бы, что может так топтать живое существо. Никто не сказал бы, что он потерял Кэти легко — без гнева, без этого ужасного желания отомстить за нее. Это было совершенно естественным, таким же естественным, каким было поведение человека, выпившего несколько кружек пива и, как сумасшедший, гонявшего мотоцикл по городу. Бликер пожал плечами. Такое объяснение удовлетворило бы человека типа Тиммонса, который не был и никогда не будет способен думать о том, о чем думает он, Джоэл Бликер. Его самого такое объяснение не удовлетворяло и никогда не удовлетворит.

Бликер поднялся и постоял немного на верхней ступеньке лестницы. Ему хотелось отчаянно, дико завизжать, швырнуть свою боль в эту ночь, кричать, что было мочи, как кричит животное, увидев на земле свои кишки. Ему хотелось сокрушить что-нибудь, что угодно: стекло, дерево, камень... собственное тело. Он вспомнил, как его кулаки сокрушали тело юноши, и это проклятое, но живое существо на тротуаре, вспомнил себя, наклонившегося над телом, чтобы защитить его.

Немного погодя до его сознания дошло, что он стоит, опершись на один из столбов, поддерживавших крышу веранды, и он почувствовал, как онемело его тело оттого, что он с силой давил на столб. Он медленно выпрямился и повернулся, чтобы войти в отель.

У него нашлось бы время, чтобы примириться с мертвыми. У него совсем не оставалось времени, чтобы примириться с живыми.

Перевел с английского
Дмитрий ЖУКОВ.

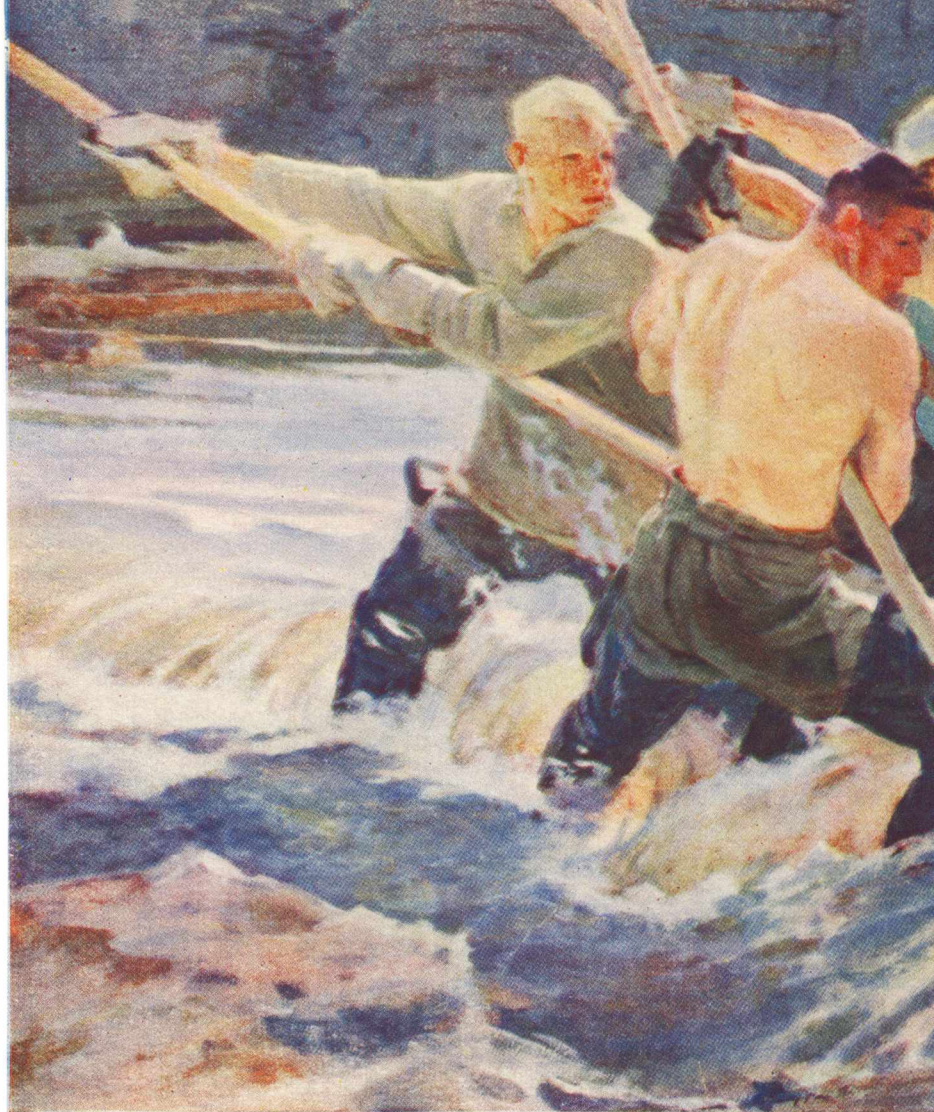
Ф. Шапаяев. СЕЛЬСКИЙ ПОЧТАЛЬОН.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

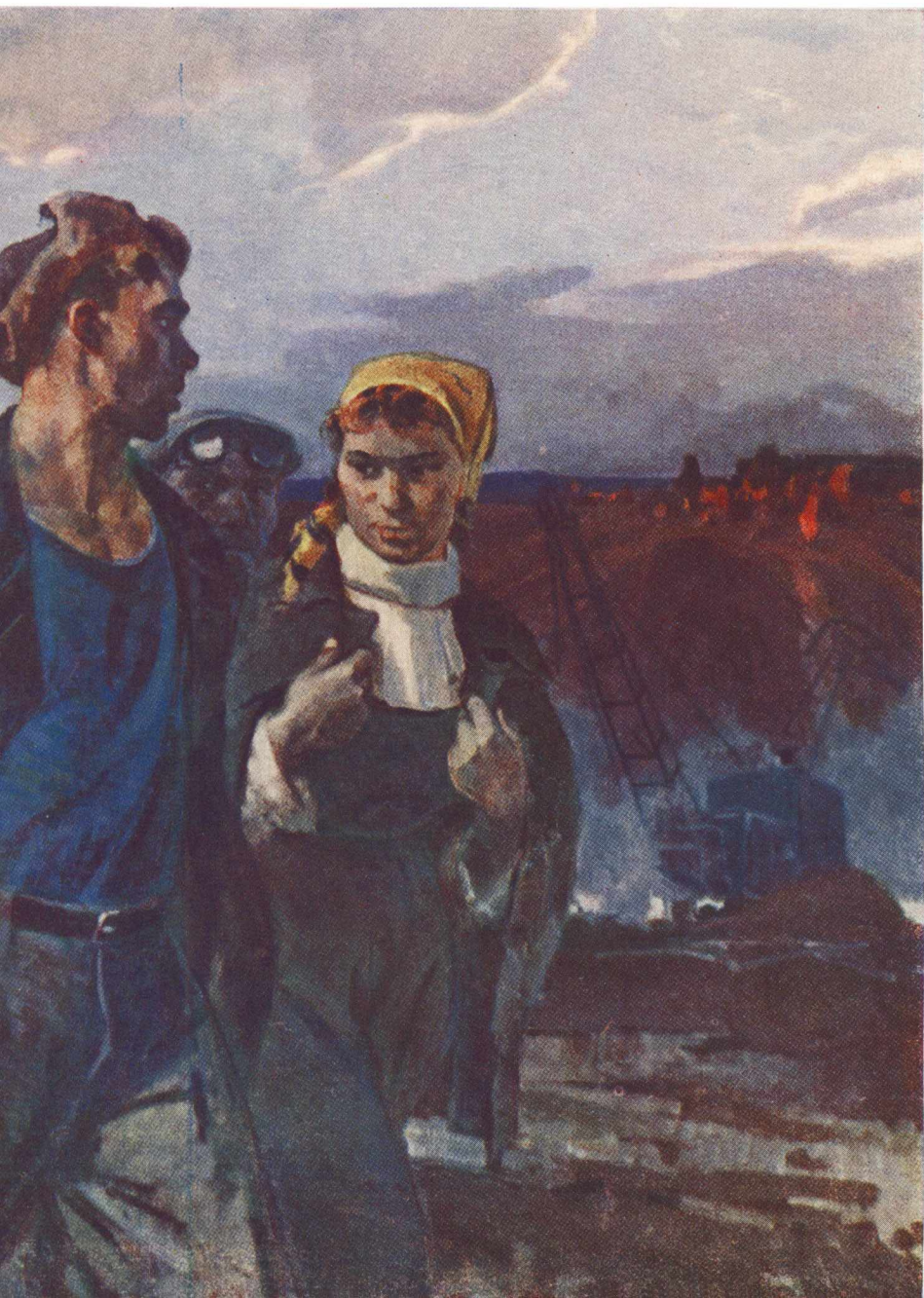
«Огонек».

Е. Гудин. СПЛАВЩИКИ.

Ю. Подлясский. ОНИ НАЧИНАЛИ БРАТСКУЮ ГЭС.

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

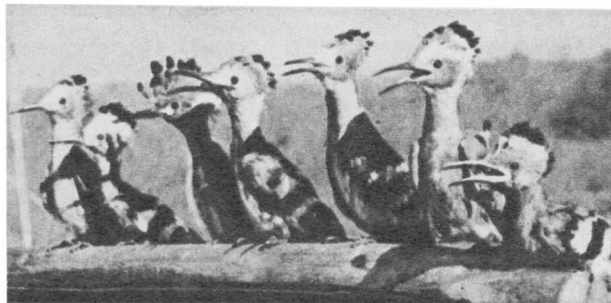

«Пи» — спасибо!

В тундре стояла жара. У палаток геологов, казалось, собрались комары со всей тундры. И вот все чаще и чаще стали появляться трясгузки. Вскоре они так привыкли к нам, что стали залетать даже в палатки. Наиболее храбрые брали комаров из наших рук. Нужно было положить комара на ладонь и показать птичке. Она важно подходила, ступала на ладонь, съедала комара и в благодарность говорила: «Пи». Так мы и жили дружной семьей.

Сыктывкар.

М. ЧЕРНОВА

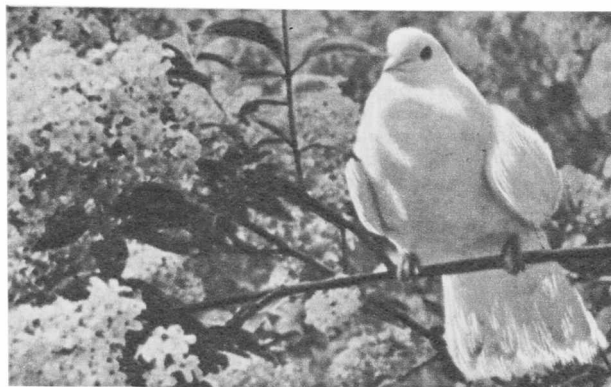

В ОЖИДАНИИ КОРМА

Выводок молодых уток я сфотографировал в дельте Аму-Дарьи. Гресь на солнышке, они ждали, когда родители принесут им корм.

Иркутск.

А. КОВАЛЕНКОВ

Позирует голубь

Живу я все время в городе, работаю инженером-конструктором. С жизнью птиц мало знакома. Только прочитав в «Огоньке» заметку «Голуби на деревьях», я узнала, что домашние голуби редко садятся на деревья. Посылаю снимок, на котором запечатлен этот редкий случай. Снимок сделан фотолюбителем Владимиром Васильевичем Шевченко.

Курск.

Е. ПОГАРСКАЯ

ХРАБРАЯ ПТИЦА-ЧЕЧЕВИЦА

Это было в горном лесу Тянь-Шаня. В густом колючем кустарнике я заметил гнездо, а в нем чечевицу. Птица смотрела на меня. Я почти вплотную приблизился к ней и начал фотографировать. Птица позволила даже потрогать себя, и тут я понял, почему чечевица такая храбрая: в гнезде были два только что выключившихся птенца, а рядом — яйца.

П. ТЮРИН, зоолог
Фрунзе.

«ДАЧНИКИ»

Как видите, эти «дачники» пользуются электрическим освещением: они свили гнездо на фонаре. Так как семейство серых мухоловок оказалось пугливым, для снимка пришлось потратить много времени. К гнезду была приставлена лестница, на ней с помощью штатива закреплен аппарат. Сам фотограф стоял за углом дома и спустил затвор с помощью шнура.

О. КАШКИН
Рижское взморье.

ДЯТЕЛ В ГОРОДЕ

В Ленинграде, на проспекте Энгельса, я заметил дятла, долбившего кору на березе. А спустя несколько дней дятел стучал уже на Большой Осиповской улице, где он тоже «обрабатывал» березу. Ему ничто не мешало: ни транспорт, ни громыхавшие по соседству экскаваторы и бульдозеры. Прохожие с удивлением поглядывали на деловитого дятла.

В. МИХАЙЛОВСКИЙ
Ленинград.

Дружба с ласточками

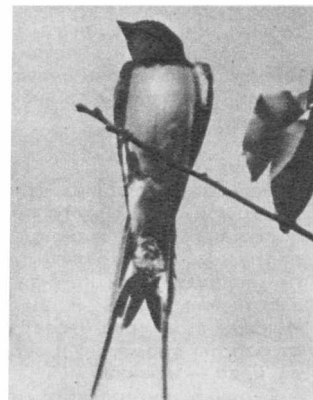
После опубликования в новогоднем номере «Огонька» письма В. Морозовой о поселившихся в искусственном гнезде ласточках редакция получила много откликов, в которых читатели приводят забавные и интересные случаи из жизни этих птиц.

«Ласточки очень доверчивы, если относиться к ним ласково, заботливо», — пишет А. Марченко из Запорожья. — Одна ласточка так привыкла ко мне, что я сфотографировал ее на расстоянии протянутой руки».

«А у меня», — рассказывает А. Анфиногенова из Сальска, — двенадцать дней жил в комнате едва оперившийся птенец ласточки. Птица выросла. И вот в последний раз посидела она у меня на плече, пощebetала, а потом сильно встряхнула крыльями, крикнула свое «фи» и — улетела».

Четырех осиротевших птенцов выкормил в прошлом году Н. Петраков из Калужской области. «Я выловил, чтобы прокормить своих питомцев», — пишет он, — около ста тысяч мух. Ласточки так привыкли ко мне, что, повзрослев, прилетали на мой крик и садились на плечо».

Подобрав птенцов ласточки, читатель Г. Темченко (Брестская область) сделал гнездо из картонной обувной коробки. Птенцы выросли и прожили в этом гнезде несколько лет... Для поселившихся в коридоре ласточек читатель А. Балябин (Нальчик) сделал полукруглую полочку, напоминающую по форме гнездо, и прикрепил ее около входных дверей.

Ласточки устроили там гнездо и теперь ежегодно выращивают в нем потомство. Об удачном опыте привлечения ласточек рассказывает ленинградка Т. Гагарина: она наблюдала, как в деревне для ласточек подвешивали под крыши плетеные корзиночки и укладывали в них птенцов; через несколько дней взрослые птицы обматывали корзиночки глиной и потом жили в них постоянно.

«У целой стаи ласточек оказались разрушенными гнезда», — сообщает Н. Захаров из Московской области. — Тогда нам пришлось приспособить для искусственных гнезд оцинкованные ящики. В каждый ящик, утепленный пухом и сеном, мы положили по два-три десятка птенцов. Сначала нам казалось, что ласточки не разберутся в своих питомцах и они без корма погибнут в этих «детдомах». Но вышло иначе: на другое утро ласточки уже кормили проголодавшихся птенцов, своих или чужих — мы так и не узнали. Все птенцы выросли и улетели».

П. Семенчук из Ровенской области рассказал, как он устроил для ласточек гнездо из жестяной банки, которое показано здесь на снимке. Ласточки благополучно прожили в банке до самого отлета. Сейчас, ожидая их возвращения, Семенчук прибил под карнизом дома с южной стороны еще несколько банок. Такой же опыт удачно проделал читатель Блажио из Астраханской области. Ласточки прижились у него.

Все письма о ласточках переданы редакцией в Государственный Дарвиновский музей (Москва, Малая Пироговская, дом 1).

Знаете ли вы...

Что ласточка за лето ловит от полумиллиона до миллиона мух, мошек, комаров и тлей?..

Что синица за сутки съедает столько насекомых, сколько весит сама?..

Что самая маленькая наша птичка — королек — уничтожает до десяти миллионов мелких насекомых в год?..

Что серая мухоловка прилетает с кормом к гнезду триста — четыреста раз в день?..

Что если бы человек обладал птичьим аппетитом, то он съел бы в день столько же, сколько съедает за месяц?..

Что за время кормления птенцов стрижи пролетают расстояние, равное кругосветному путешествию на широте Москвы?..

Что стая в тысячу розовых скворцов вместе с птенцами за месяц способна истребить двадцать две тонны саранчи?..

Что одна сова съедает за лето тысячу серых полевков и мышей, сохраняя не менее одной тонны хлеба?..

Что подмосковные речные чайки уничтожают на полях множество грызунов, главным образом серых полевков?..

Замечено, что в Москве...

более ста пятидесяти видов диких птиц; число сизых голубей за последние годы возросло в десятки раз;

большой пестрый дятел выдолбил дупло и вывел птенцов в тополе на Покровском бульваре;

сова серая неясно долгое время жила на чердаке близ Павелецкого вокзала и каждую ночь ловила складских крыс;

соколы сапсаны живут на самых верхних балконах центральной башни Московского университета...

Водопад.

В СТРАНЕ ГЕЙЗЕРОВ

В. МАЕВСКИЙ

Знакомство с Новой Зеландией началось еще в Мельбурне, в Австралии. — Веллингтон — это город, где на каждом углу нужно придерживать шляпу, иначе ее унесет ветер, — сказал нам за завтраком в гостинице один новозеландский фермер.

Но до Веллингтона — столицы страны — еще предстоял долгий путь. На географической карте Новая Зеландия кажется совсем под боком у австралийского материка. В действительности из Мельбурна в Окленд, через Тасманово море, даже на быстром четырехмоторном самолете нужно лететь шесть часов.

Окленд — крупнейший порт и

промышленный центр Новой Зеландии. Через него идет треть импорта и до сорока процентов экспорта страны. Здесь создается больше половины всей промышленной продукции.

Ранним утром мы отправились на автомобиле из Окленда в Веллингтон. Путь лежал через весь Северный остров. Здесь ничто не напоминает пыльные краски Австралии. Земля поражает яркостью зелени, небо — необычайной голубизной, вода — прозрачностью. На смену лысым эвкалиптам приходят лохматые сосны, папоротники достигают высоты пальм, трава упруга, как каучук. Даже в летние месяцы горные вершины не сбрасывают снеговых шапок. Впрочем, времена года в Новой Зеландии определяются скорее по кален-

дарю, чем по изменениям в природе. В сущности, здесь всегда лето.

На земле маорийцев

Тишиной и спокойствием веет от ландшафтов Новой Зеландии. Но это обманчивая тишина. Где-то в глубинах земли бушует огненная стихия. Она дает себя знать дыханием вулканов, паром гейзеров, нередкими подземными толчками.

Мы в Роторуа — туристском центре Северного острова. Каменные склоны холмов окутаны паром. Из земли вырываются фонтаны кипятка. А рядом — ледяные ручьи и холодные воды озера Роторуа. Поймав рыбу в холодном озере, можно сварить уху, не разводя огня, в горячих водах гейзера. Так на протяжении многих

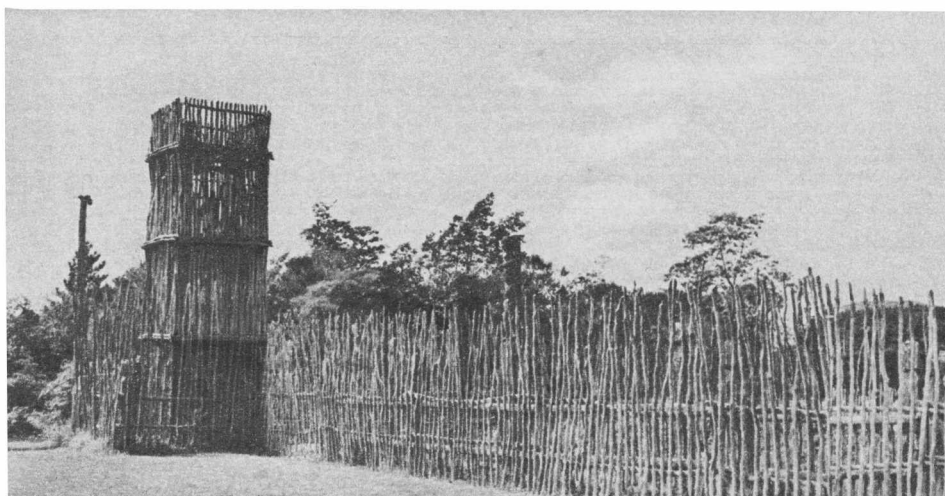
столетий и готовили пищу маорийцы — коренные жители Новой Зеландии.

Небольшая маорийская деревушка. Арочные ворота вырезаны из дерева. На них изображена мифологическая любовная сцена в обрамлении резных божков со сверкающими перламутровыми глазами. За чостоколом — низкие деревянные хижины, тоже украшенные резьбой и божками — хранителями деревни. Любимый цвет маорийцев красный: красным выкрашены резные украшения, красное преобладает в национальной одежде.

Туристы заглядывают в черные проемы окон, заходят в хижины, слушают повествования экскурсоводов о прошлом и настоящем народа, которому пришлось много претерпеть.

Экскурсовод-маорийка рассказывает туристам о быте и нравах своих соплеменников.

Маорийская деревушка в Роторуа.

Проникая в глубь Новой Зеландии, европейские колонизаторы отесняли коренных жителей в дикие, необжитые места, беспощадно уничтожали их. Но маорийцев все-таки не постигла участь австралийских аборигенов, загнанных в резервации и погибающих там. В борьбе с захватчиками им удалось с оружием в руках отстоять кое-какие права. Колонизаторам, нуждавшимся в рабочей силе, пришлось считаться с местным населением.

В маорийское селение ведет мост через каменное ущелье. Внизу водоем с прозрачной холодной водой. На мосту толпятся туристы. Почтенная леди дает пенс своему крошке-сыну, и тот бросает монету в воду. С моста, с высоты метров в десять, прыгает мальчишка-маорец. Через несколько секунд он появляется из воды, держа во рту монету. Щелкают фотоаппараты, жужжат портативные кинокамеры.

— Вам не кажется, что это слишком рискованно?

— Что вы! — восклицает толстый турист с киноаппаратом. — Они же маорийцы!..

От Роторуа дорога идет к озеру Таупо. Мы поднимаемся чуть в гору. Впереди все заволочено клубами пара. Здесь гейзеры поставлены на службу человеку: даровой пар загнан в трубы и вращает турбины первой, пока небольшой электростанции.

Таупо, самое крупное озеро Новой Зеландии, — это огромный кратер вулкана. Вокруг кольцо синих гор, где-то далеко снежная шапка горы Эгмонт, и всюду необычайная тишина. Мы отправляемся ловить рыбу с новозеландцем, с которым случайно познакомились в дороге; он отдыхает здесь с семьей.

Наш новый знакомый внимательно следит за леской спиннинга, что тянется за моторной лодкой, и не без гордости говорит:

— Новая Зеландия — чудесная страна! Трава круглый год, овцам корма вдоволь. Одна забота — стрижка, но ведь она бывает не так часто. Да вот еще удобрения. Их приходится привозить, и они дороги.

— Но ведь у вас есть сырье для развития собственной промышленности!

— Есть, верно. Но это требует капиталов, рабочей силы. А население небольшое — два миллиона триста тысяч. Нам бы нужно миллионов десять... Э, стойте, что-то есть...

Несколько минут — и в лодке (рыбаки не поверят) форель в полметра длиной. Таупо знаменито необычно крупной форелью.

Когда утихают рыбацкие страсти, наш хозяин продолжает прерванный разговор:

— Мы не знали, что такое война. Конечно, наши солдаты сражались, многие погибли, но это было где-то далеко, а здесь не было ни бомб, ни обстрелов. Тут и впрямь край света. Может, поэтому у нас не очень интересуются политикой. Другое дело — спорт! Но хорошо, если бы не было войны...

Схватка соперников

Тот, кто был во Владивостоке, без труда может представить себе Веллингтон: с окрестных холмов город спускается к закрытой бухте, где собираются торговые суда под флагами многих стран.

Ветер беснуется на каждом перекрестке, и политика, от которой иной раз отвлекают новозеландская тишина и спокойные воды Таупо, врывается в жизнь на каждом шагу, как бурлящий гейзер.

Мне говорили новозеландцы: чем меньше мы чувствуем необходимость защищаться от кого-либо, тем больше «защищают» и «спасают» нас. Дядя Сэм явился в этой роли еще во время второй мировой войны. В 1951 году США заключили военный союз с Австралией и Новой Зеландией без участия Англии. Они втянули Новую Зеландию в СЕАТО. В новозеландские порты то и дело навесываются с «визитом вежливости» американские военные корабли. Веллингтон устал от бесконечных налетов заокеанских генералов и адмиралов: то прибывает начальник генштаба армии США, то командующий военно-воздушными силами, то главнокомандующий сухопутными силами в районе Тихого океана.

Вместе с военными на новозеландскую землю высаживаются и штатские американцы — дельцы, спекулянты, разведчики. Они действуют под вывесками компаний и информационных центров, продают залежалые американские товары.

Конечно, у Англии здесь еще крепкие позиции. В 1958 году английские капиталовложения в Новую Зеландию превышали 280 миллионов фунтов, а американские были меньше 25 миллионов. Но приток частных капиталов из США быстро усиливается. Американская компания «Свифт» уже хозяйничает в новозеландской холодильной промышленности, имеющей огромное значение для страны, где сильно развито скотоводство. Доллары вложены в разведку нефти, добычу цветных металлов. «Дженерал моторс» и «Форд» прибирают к рукам авто-сборочные предприятия. Почти половина всех новозеландских кинотеатров принадлежит американским компаниям.

Экономический кризис 1958 года в США нанес серьезный удар по

экономике Новой Зеландии. Резко упали доходы от продажи шерсти и молочных продуктов, сократились запасы иностранной валюты. Этот год был для новозеландской экономики, как отмечал лондонский журнал «Стейтист», «самым тяжелым после 1939 года».

Новозеландская буржуазия опасается, что усиление американского капитала сделает экономику страны еще более чувствительной к колебаниям конъюнктуры за океаном. Широкие слои народа понимают, что с помощью агрессивных военных блоков Новая Зеландия в любой момент может быть втянута в опасные конфликты, как это едва не случилось во время тайваньской авантюры США в 1958 году. А новозеландские парни не намерены проливать свою кровь за чужие интересы и не скрывают этого.

Открываются глаза

В Веллингтоне нас пригласили к себе молодые газетчики. В тот вечер мы долго просидели в их холостяцкой квартире, толкуя о самых жгучих проблемах наших дней.

— Мы не хотим, чтобы здесь хозяйничал кто-либо, кроме новозеландцев, чтобы нас ссорили с другими странами, — говорил один из наших хозяев, двадцатичетырехлетний Билл. — А ведь это пытаются делать. В Веллингтон должна была в свое время зайти ваша китобойная флотилия «Слава». Американский журнал «Тайм» не пожалел красок, чтобы расписать, каких бед тут натворят советские моряки. Наш муниципалитет опротестовал эти нелепые рассказы и справедливо заметил: веллингтонцы знают, что прибывают советские, а не американские моряки. Мы хотим дружеских отношений со всеми странами — и с Америкой, и с Англией, и с вами. У нас большой интерес к Советскому Союзу, особенно после спутников...

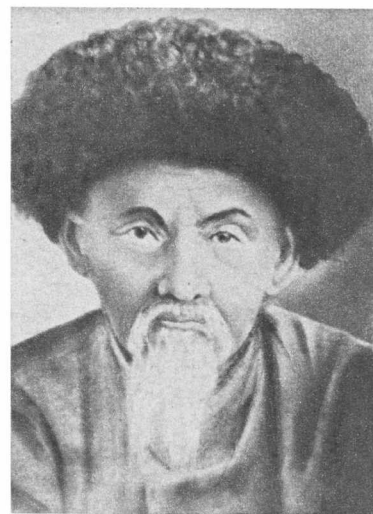
Билл достал из шкафа и положил на стол целую коллекцию вырезок из новозеландских и австралийских газет.

— Здесь все, что писали о ваших спутниках и лунниках. Я готов отправиться первым на вашем межпланетном корабле, — серьезно добавил Билл.

Да, Новая Зеландия на краю света. Но сама жизнь подсказывает необходимость сотрудничества между нашими странами, находящимися на разных концах Великого океана. Эту мысль хорошо выразил побывавший в СССР с официальным визитом премьер-министр и министр иностранных дел Новой Зеландии Уолтер Нэш:

— Мы должны вместе идти к прочному миру и разоружению.

Новое поколение маорийцев.

Тоголок Молдо

ПЛАМЕННЫЙ АКЫН

А. КАЗАКБАЕВ,
секретарь ЦК КП Киргизии

Киргизский народ торжественно отмечает столетие со дня рождения классика киргизской поэзии Тоголока Молдо.

Он родился в 1860 году в семье крестьянина-скотовода в Тянь-Шанских горах — на территории нынешнего Ан-Талинского района Киргизии. Окончив мусульманскую школу, ментеп, Тоголок Молдо много лет батрачит. Тогда же он начал слагать стихи, записывать услышанные песни и сказки. В доме киргизского манапа Тоголок Молдо слушает приезжих акынов; среди них были казахские певцы, идейно связанные с великим поэтом-просветителем Абаем Кунанбаевым. Его стихи Тоголок Молдо не только знал, но и выписывал для себя понравившиеся строки.

В одном из лучших своих произведений дореволюционных лет, «Жалоба верблюда», Тоголок Молдо говорит о муках народа, задавленного двойным гнетом. В аллегорическом образе верблюда, изнемогающего под непосильными тягестями, акын воплотил думы народа, его мечты о лучшей жизни:

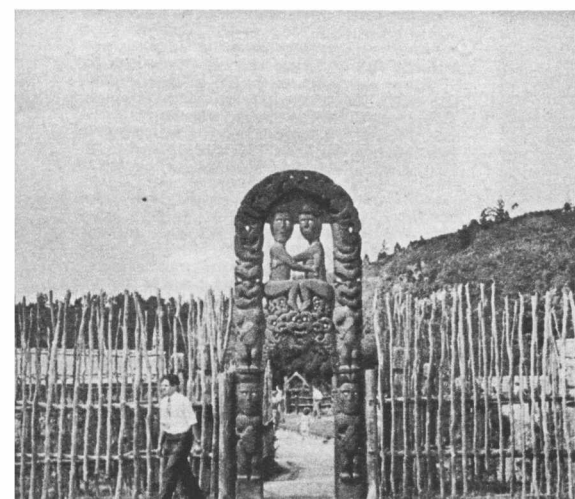
Ноша тяжела,
В крови спина,
В глазах испуг...
О, время зла!
Где же правда, друг?
Придет ли она!

Пятьдесят восемь лет было акыну, когда в Киргизстан пришла весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции. Он создает одно за другим замечательные произведения о строительстве нового общества: «Революция», «Свобода», «Свобода женщин», «Назидание».

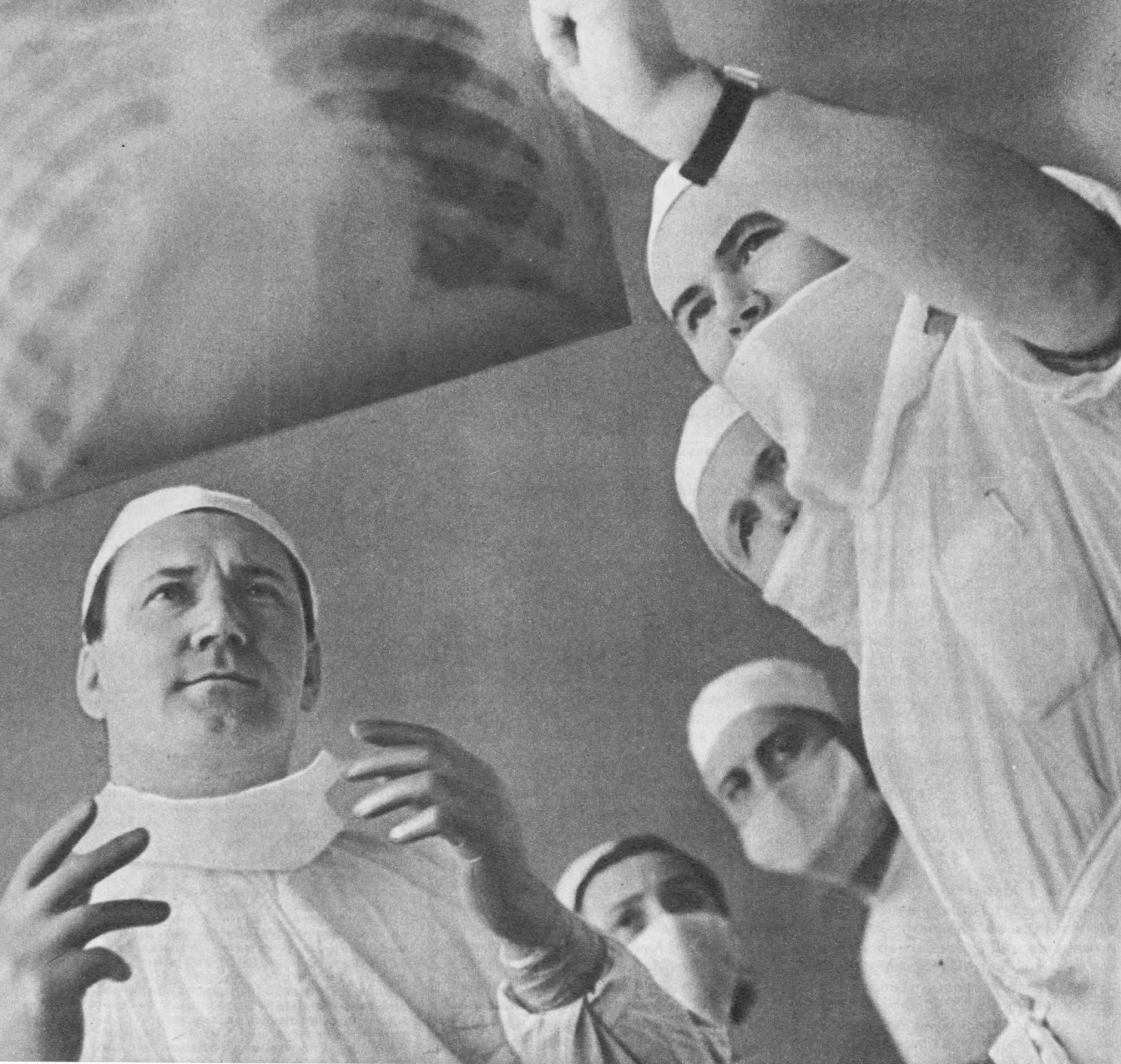
Коренные изменения, происшедшие в жизни народа за годы Советской власти, обогатили творчество акына. Написанное им в последние годы по своему содержанию очень близко творчеству нынешних киргизских советских писателей. В произведениях «Акын Джамбул», «Я счастлив», «Моя тайна», «Я вновь стал молодым» Тоголок Молдо с благодарностью говорит о Коммунистической партии, которая ведет народ к счастливой жизни. Акын чувствовал себя молодым и бодрим, как в юности.

Уже седой, Тоголок Молдо в первые месяцы Великой Отечественной войны все свои силы отдал борьбе против фашизма. На призыв партии отстоять свое Отечество Тоголок Молдо от имени киргизского народа ответил: «Мы готовы!»

Поэт умер в декабре 1941 года. Его произведения ежегодно издаются большими тиражами в стране Ала-Тоо; многие его стихи переведены на русский и другие языки братских народов. Акын Тоголок Молдо из далекой Киргизии стал теперь близким, уважаемым человеком на всей советской земле.

Виталий ГУБАРЕВ

Фото А. УЗЛЯНА.

Сейчас я уже не помню, кому первому пришла в голову мысль сделать этот фотоочерк. Но когда он уже был задуман, у нас появились некоторые сомнения. Что значит писать о хороших людях? Какими критериями измеряется это понятие — «хорошие»?

И мы решили: не будем специально искать хороших людей. Остановимся на тех, кто встретится на нашем пути.

И опять вопрос. Вокруг нас миллионы советских людей — в городах, в селах. Какому населенному пункту отдать предпочтение? Выбор пал на город нашего детства и нашей юности, из которого мы уехали лет тридцать назад.

И вот Ростов-на-Дону. Здравствуй, город стремительных проспектов, тихих курчавых акаций, синего Задонья! Журчит вокруг нас неторопливая, певучая речь наших земляков.

В поезде один из попутчиков, пожилой ростовчанин, узнав о цели нашей поездки, порекомендовал: — Обязательно познакомьтесь с профессором Коваленко! Вот уж поистине хороший человек!

И прежде всего мы поехали к доктору медицинских наук Петру Петровичу Коваленко. Конечно, мы слышали о нем и раньше. В конце прошлого года о Коваленко много писалось в центральных газетах. Молодой ученый-хирург, автор более чем сорока научных работ, сделавший за последние два года десятки тончайших операций на сердце, стал инициатором прекрасного движения.

Как-то после рабочего дня профессор отправился из медицинского института в поликлинику «Ростсельмаша» и начал принимать больных.

Слух об этом быстро облетел огромный завод. К профессору по-

ХОР

тянулись больные с серьезными и несерьезными жалобами.

И вот он перед нами, этот высокий сорокалетний человек в белом халате, с умными серыми глазами и волевым подбородком. Он очень занят: сейчас предстоит сложная операция. На вопросы отвечает сдержанно-вежливо.

— Скажите, Петр Петрович, что именно побудило вас в свободное от института время без всякого дополнительного вознаграждения принимать больных в поликлинике? — спрашиваю я, хотя и понимаю, что мой вопрос может показаться несколько бестактным. Но что делать: надо все выяснить до конца.

Он смотрит на меня удивленно и вдруг улыбается добродушно и чуть пожимает плечами:

— Не знаю, что вам ответить... Об этом меня уже спрашивали. На вопрос я отвечал вопросом: а что побудило Гаганову уйти в отстающую бригаду и даже потерять часть заработка?.. Видите ли, я коммунист...

Коммунист — это и есть ответ на вопрос. Примеру коммуниста Коваленко последовали сотни ученых-медиков Ростова. За четыре месяца они приняли в нерабочее время несколько тысяч больных.

Да и не только одни медики стали последователями такого почина. Поистине волнующая эта примета времени, свидетельствующая о рождении новых, никогда еще не виданных на земном шаре челове-

НА СНИМКАХ: вверху — перед операцией профессор П. П. Коваленко (слева) рассматривает рентгенограмму больного; внизу — на заводе имени В. И. Ленина; ученик Витя Загадский и его учитель Д. И. Уханов.

Л. И. Модой тренирует юных спортсменов.

ОШИЕ ЛЮДИ

ВЕЛИКАЯ СИЛА —
НАША
ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

ческих отношений. Назвать эти отношения можно только одним словом — коммунистические.

Мы много ездили по городу Ростову, разговаривали со многими людьми и фотографировали их.

Вот ассистенты показывают профессору П. П. Коваленко рентгенограмму грудной клетки больного, которому очень скоро, через несколько минут, профессор начнет делать операцию.

А другой снимок сделан в котельном цехе Ростовского паровозоремонтного завода имени В. И. Ленина. Вы видите двух рабочих. Один из них, помоложе, — Витя Загадский. Не так давно он вернулся из армии, и тот, кто постарше — бригадир бригады коммунистического труда Дмитрий Иванович Уханов, — заботливо помог ему овладеть профессией универсального котельщика. Сейчас Виктор — умелый электросварщик, разметчик, газорезчик, слесарь-арматурщик.

Ученик и учитель часто оставались в цехе после работы, встречались дома, сидели над чертежами.

Ученик получил много. А что получил учитель? Крепкое дружеское рукопожатие и большое творческое удовлетворение.

Таких учеников и учителей на заводе десятки. О замечательных людях этого предприятия можно было бы сделать отдельный фотоочерк. И, конечно, тогда мы показали бы инженерный факультет, созданный на заводе преподавателями Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта.

Доктора технических наук Д. Э. Карминский, В. А. Кислик, Н. А. Малоземов в нерабочее время и без всякого вознаграждения помогают работникам завода овладеть новой для них техникой —

тепловозом. Инициатива преподавателей института уже сэкономила государству один миллион рублей.

Возвращаясь с завода, мы случайно задержались на улице Баумана, у дома № 76.

И еще одна встреча.

Шестидесятидвуухлетняя пенсионерка, бывшая медицинская сестра Екатерина Иосифовна Чиглинцева пришла навестить больную Марию Васильевну Верещагину. Не так давно Екатерина Иосифовна помогла ей выхлопотать пенсию. А теперь зашла к Марии Васильевне «просто так», только для того, чтобы сказать больной ласковые слова, почитать газету.

У Е. И. Чиглинцевой сто шестьдесят подшефных пенсионеров. Сто шестьдесят! Говоря о ней, не скажешь, что она работает в нерабочее время. Ведь она пенсионерка, и государство обеспечило ее старость. Но Екатерина Иосифовна не может оставаться без дела.

У старой медицинской сестры есть душевная потребность, свойственная всем лучшим нашим людям, — заботиться о ком-нибудь, не быть равнодушной, постоянно оказывать кому-нибудь свою сильную и бескорыстную помощь.

Потом мы завернули на ростовский стадион «Динамо». В волейбольном зале мастер спорта Лидия Ивановна Модой была окружена целой группой мальчиков и девочек. Каждый день (заметьте, каждый день!) она руководит в свободное время подготовкой юных спортсменов. Ее подопечные — ученики ростовской школы № 50. Вознаграждение? Трогательная любовь маленьких ростовчан.

— Если бы вы знали, какая Лидия Ивановна хорошая! — сказала

мне девочка с золотыми косичками Лина Предвечная. И нужно было слышать ее, чтобы понять, сколько смысла содержало это слово — «хорошая»!

Идя со стадиона, мы увидели вывеску: «Райсобес Пролетарского района». Решили зайти.

То, что мы увидели, изображено на фотографии: ростовский адвокат Феодосия Семеновна Скляренок принимает гражданку Р. Л. Закову.

Ежедневно к Феодосии Семеновне обращаются люди с самыми различными житейскими вопросами. И на каждый вопрос она дает ясный, обстоятельный ответ.

Бесплатная юридическая консультация. На первый взгляд в этом, может быть, нет ничего необычного для нас, советских людей. Но подумайте, где, в какой другой, несоциалистической стране это может быть?

Вечером мы отправились в педагогический институт. Нам рассказали, что студенты старшего курса организовали при институте своеобразное учебное заведение: здесь бесплатно готовят молодых рабочих Ростова в вузы. Учатся в этом заведении двадцатилетние юноши и девушки и преподают такие же двадцатилетние юноши и девушки. Называется это заведение подготовительными курсами, и возглавляет их двадцатидвуухлетний директор Соня Тараннова.

Уже прозвенел звонок. Ученики заполнили аудиторию и тихо поднялись, когда в аудиторию вошла преподавательница — девятнадцатилетняя Валя Веревкина. Вздвигнутая и раскрасневшаяся от присутствия незнакомых людей, она отчетливо проговорила:

— Итак, начнем урок...

На приеме у адвоката
Ф. С. Скляренок

В. МАРЕЦКАЯ,
народная артистка
СССР

Это было в Париже в 1945 году. В столице Франции проходил Международный женский конгресс. Я была членом советской делегации.

Во время перерыва между заседаниями ко мне подошли несколько скромно одетых смуглых женщин. Они, не скрывая восторженного изумления, рассматривали меня, что-то горячо объясняя на своем звучном горланном языке, благодарили... Подоспевший переводчик пояснил, что это делегатки Испании, которые прибыли на конгресс вопреки запретам и преследованиям фашистского правительства Франко. Женщины видели фильм «Она защищает Родину», где я играла партизанку — товарища П., — и сейчас выражали свое глубокое восхищение.

Я была очень смущена, поняв, что эти страшные посланницы непокоренного испанского народа отождествляют меня с героиней фильма. Я была в их глазах не артисткой Марецкой, а товарищем П. События художественной картины они восприняли как документальную правду и, преклоняясь перед подвигами советской партизанки, в характере которой увидели дорогие, близкие и важные для них черты, адресовали свой восторг мне — актрисе. Никакие мои объяснения не помогли. Образ товарища П. жил в их сердцах, служил примером, звал к борьбе, и они не хотели разрушать этого идеала. Одна из них попросила меня поставить автограф на ее удостоверении делегата конгресса, другая протянула фотографию своего сына, замученного фашистами.

Вот когда я всем существом своим, почти осязаемо ощутила беспредельную силу искусства, его высокое предназначение, высокую миссию в мире. И это миссия именно советского искусства!

Сейчас народы всего мира смотрят на нас. Смотрят пристально, внимательно. Они на нас надеются, и это вселяет в них спокойствие за судьбы своих детей, уверенность в будущем.

Из множества фотографий, рассказывающих о пребывании Никиты Сергеевича Хрущева во Франции, которые я, как и все, с большим интересом рассматривала, мне особенно знаме-

нательной показалась та, где Никита Сергеевич снят с маленькой девочкой. Глядя на нее, мы понимали, что забота Н. С. Хрущева о светлом будущем этой девочки и миллионов ее сверстников, то упорство, старание и терпение, с которыми наша страна борется за мир во всем мире, именно и вызывают столько симпатий, открывают нам столько сердец! Наши идеи, как факел, светят людям в их борьбе за будущее. Какое же другое призвание может быть у художника в наше время, кроме того, чтобы нести эти идеи людям?!

После фильма «Сельская учительница», где я снималась в роли Варвары Мартыновой, поехавшей по окончании гимназии учительствовать в глухое село, я получала бесконечное число писем. Юноши и девушки писали, что этот образ помог им определить свое будущее, выбрать профессию, что целеустремленность и патристичность Вареньки всегда будет примером для подражания.

Учителя сообщали, что стали получать письма от бывших учеников, а одна девушка, окончившая педагогический институт, рассказывала, что попросила направить ее в Красноярский край — туда, где учительствовала героиня фильма...

Я позволила себе привести эти примеры из своей творческой биографии только потому, что в них отчетливо видны задачи, стоящие перед нашим искусством, особенно перед кино.

В художественных образах на экране зритель всегда, порой безотчетно, ищет героев, которые стали бы для него идеалом. Это не откровение, а всем давно известная истина. Тем не менее в последнее время я все чаще думаю о том, что все чаще ее предают забвению.

Обратимся к фильмам 1959 года...

Кому, кроме Андрея Соколова — Бондарчука в «Судьбе человека» да Алеши Скворцова, которого играет Володя Ивашов в «Балладе о солдате», захочешь подражать, чьему примеру следовать?

Я далека от мысли отрицать все созданные в последнее время на наших студиях фильмы. Но, к сожалению, хороших так мало!..

Партия потребовала от работников кино значительно увеличить выпуск фильмов и повысить их идейно-художественный уровень. И что же? Студии уже выпускают сотни фильмов в год, а сколько из них запоминается зрителю? Я думаю, от силы 10—15. Да, к сожалению, и они не о сегодняшнем дне. Экранизация давно известных и любимых романов и рассказов: «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Судьба человека»; разговор о событиях Великой Отечественной войны... Это превосходно. Героизм советского человека, его подвиги военных лет, являя собой величайший пример мужества и гуманизма, конечно же, вдохновляют художников.

Ну, а где же сегодняшний день? Где романтика нашей жизни? Где разговор о будущем? Ведь это интересует сейчас каждого! Не случайно все больше и больше людей начинают свой день с чтения газет, не случайно тиражи их растут с каждым годом.

Но если наши потомки, обратясь к истории нашего времени, в качестве пособия привлекут, с одной стороны, газеты, журналы, кинохронику, а с другой — художественные фильмы, то, конечно, многих поразит контраст в освещении жизни нашего общества. Они решат, вероятно, что перепутаны даты выпуска картин.

Со страниц газет ежедневно смотрят на нас хорошие, умные лица юношей и девушек. Диву даешься, читая об их делах, — сколько в них благородства и отваги, смелости и мысли, инициативы, решительности, скромности!

Они знают, во имя чего трудятся. Душевная романтика в их поступках и в мечтах. И эта романтика притягивает, заражает других. Я была на заводе в Дзержинске, в цехе коммунистического труда. Видела дружинников Ленинграда, встречалась с выпускниками школ в Москве. Всех этих людей роднят высокие чувства, благородные устремления, присущие большинству нашей молодежи.

А на экране?

Если герою до двадцати лет, — значит, речь пойдет непременно о том, как он под влиянием одного-двух мрачных субъектов сбился с правильного пути, а потом, к концу фильма, впопыхах на него возвратился.

Герои после двадцати лет решают «любовные» проблемы. В этом ничего зазорного и неверного нет, если бы... Если бы любовь здесь была настоящая — трепетная, большая, глубокая, возвышенная, словом, такая, о которой мечтает каждый, всюду и всегда. Но любви-то в картинах и нет. Есть бесконечные распри аморфных возлюбленных. Распри по причинам, непонятным ни для героев, ни для исполнителей, ни для зрителей. Мелкие распри неумных, примитивных людей... Обычно все кончается благополучно, но зрителя это не радует: ему безразличен финал, поскольку ни персонажи, ни их мысли, ни перипетии на экране его не взволновали. И «глубокие сентенции», лежащие в основе всех этих фильмов, элементарные откровения, разыгранные в лицах, словно шарады, не возбуждают ни умов, ни сердец сидящих в зале. А ведь именно такова «канва» множества вышедших в последнее время на экраны картин о любви, которых не упомянешь ввиду их безликости.

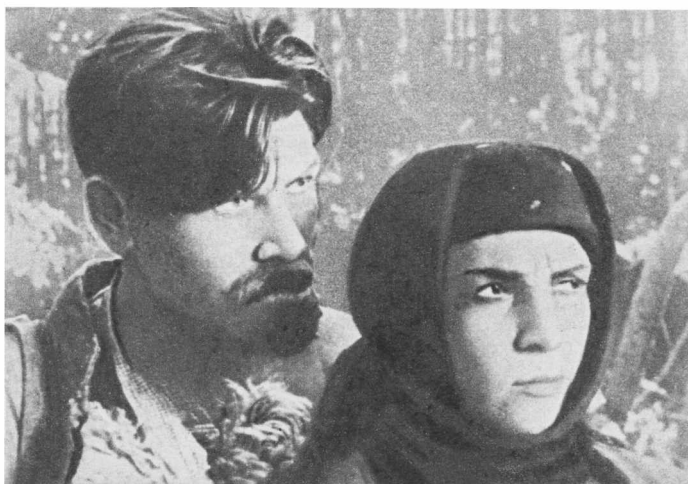
Я очень уважаю режиссера Зархи. Ведь это в фильме, поставленном им и Хейфицем, я сыграла одну из любимых моих ролей — Александру Соколову в картине «Член правительства». Поэтому мне было особенно досадно, что тот же режиссер в картине «Люди на мосту» не проявил необходимого внимания к женским образам.

Мне нравится в фильме «Люди на мосту», как показан большой созидательный труд коллектива. Интересен образ конструктора Булыгина, которого играет Меркурьев. Во всем этом есть и мысль и романтический пафос наших дней.

Но женским образам, увы, и здесь не повезло. Поначалу характер сибирячки Лены задуман не шаблонно — самобытный, цельный, сильный. Но потом автор не выдержал и пере-

ПОЧЕМУ Я НЕ СНИМАЮСЬ

В. П. Марецкая в кинокартинах:
«Она защищает Родину», «Сельская учительница», «Свадьба».

шел на мелодраму, почему-то ставшую сейчас модной у нас на экране. Объяснение Булыгина с Леной, ее смерть — все это и не оправдано и не мотивировано, не нужно ни для образа, ни для фильма. Но если образ Лены хоть органически вплетен в ткань повествования, то жена и дочь Булыгина к развитию действия уже совсем никакого отношения не имеют.

И таков удел женских образов во многих сценариях.

Советская женщина стала в труде рядом с мужчиной. Но от этого она не перестала и не перестанет быть женой, матерью, дочерью, подругой... Она хозяйка, друг, советчик, строгий воспитатель и нежная, любящая мать; она заботливая дочь и внимательная сестра... И всему этому она отдает не просто свободное от работы время, но и сердце, ум, душу, а если надо, — и жизнь...

Сколько интересного, своеобразного, прекрасного и поучительного можно здесь увидеть! Вот уж где есть пища для любого жанра! Тем обиднее, что почему-то в последнее время у нас стало принято о семейных отношениях говорить только в жанре мелодрамы. Брошенные семьи, покинутые возлюбленные, непутевые или неблагодарные дети кочуют из одного фильма в другой. В фильмах же, посвященных несемейным проблемам, домашняя обстановка героя просто поражает своим унылым однообразием.

Да простят мне сценаристы, но ведь кажется порой, что многих своих персонажей они берут не из жизни, а из фильма, снимающегося в соседнем павильоне.

Мне как-то довелось смотреть кинопробы нескольких исполнительниц на роль молодой женщины в одном фильме. Тут были блондинки и брюнетки, круглолицые и со строгим профилем, с глазами задумчивыми и смеющимися. Я смотрела и думала: каким же бесхарактерным, неиндивидуальным должен быть персонаж в сценарии, если режиссер так неопределенно его видит! Эта расплывчатость образа переходит в фильм, потом в зал. И вот результат: сколько новых имен появилось за этот год в титрах, сколько новых лиц на экране, а многие ли из них запомнились? А ведь, безусловно, среди них были способные. Не в лучшем положении и актрисы, уже снискавшие себе известность. Много ли сделали в последние годы интересного Ф. Раневская, Любовь Орлова, Инна Макарова, Т. Самойлова, Э. Быстрицкая, И. Извицкая?

В списке ролей совсем молодой актрисы Извицкой, наверное, картин десять. Ну, а что значительного довелось ей сыграть, кроме Марютки в «Сорок первом»? Повезло Нифонтовой, которой досталась такая превосходная роль, как Катя в «Хожении по мукам». Но это все же не наш современник.

А зритель ждет разговора о сегодняшнем дне. Увидев имя любимого артиста на афише, идет в кинотеатр и ждет, что скажет он ему с экрана, ждет и до последнего кадра надеется, верит актеру. Но... фильм кончается, а у зрителя лишь недоумение и неловкость. Его доверие обмануто!..

В КИНО

Я недавно была в кинотеатре. Рядом со мной сидели супруги и обсуждали какие-то свои бытовые, повседневные дела. Картина прервала их беседу, но вот окончился фильм, и в ту же минуту, поднявшись, они вернулись к прерванной теме. Значит, два часа своей жизни они потратили впустую! Значит, дела, мысли, чувства героев не перешли с экрана в зрительный зал!.. А ведь в этом стимул творчества.

Славную историю советского кино всегда создавали фильмы больших идей, больших социальных звучаний. Я очень люблю театр, сыграла в нем много ролей, но мое гражданское самосознание родилось в кино. Роли Сани Соколовой (фильм «Член правительства»), товарища П. и сельской учительницы дали мне гораздо больше, чем многие роли в театре.

И мне очень жаль, что я давно не снимаюсь. Я не могу пожаловаться на забвение режиссеров и сценаристов. Но, к сожалению, все, что мне предлагают играть, — это чаще всего повторение моих прежних ролей, а главное... все это вчерашний день!..

Так, я отказалась в прошлом году, наверное, от десяти сценариев. И это при том, что я очень люблю кино, да и при том, что мне не двадцать лет и роль, которую я могу сыграть сегодня, я уже не сыграю через пять лет.

Но актер — человек зависимый от сценариста и режиссера, самостоятельно он может только ждать. И вот он ждет... Ждет подолгу. А когда наконец дождется, то сценарий, увы, зачастую не отвечает его творческим и гражданским запросам.

Мне хочется напомнить, что простой недопустим не только на заводе. Длительное со-

Фильм «Член правительства». Александра Соколова — В. П. Марецкая.

зерцательное состояние пагубно не только для спортсменов, музыкантов и балерин. Простой не менее пагубен и для любого актера. Но почему-то к этому относятся необычайно снисходительно.

Мы, актеры, гордимся своей Родиной, гордимся тем, что она сейчас идет во главе всего передового человечества, гордимся ее успехами. Но мы не хотим только созерцать, мы хотим своим искусством участвовать в жизни и строительстве нашего государства.

Мы часто обо всем этом говорим с режиссерами, сценаристами. Они, конечно, не глупее нас и понимают эти азбучные истины. Но беда здесь в том, что в фильмах они зачастую доверяют больше своему вымыслу, чем жизни. Великий русский критик В. Белинский писал, что свобода творчества легко согласуется со служением современности и для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию, для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями.

Вот этим я и закончу свои раздумья. Хочу только сказать в заключение: я все-таки надеюсь, что когда мы, актеры, от отсутствия интересной работы в кино с горя взяли за статьи, в это время, бесспорно, пишутся интересные сценарии, где, конечно, яркие, значительные роли уготованы и для нас, женщин-актрис.

Но так ли это?

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

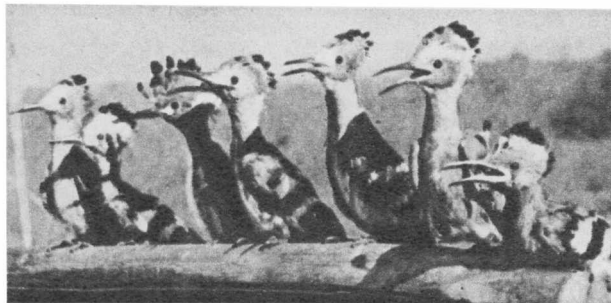

«Пи» — спасибо!

В тундре стояла жара. У палаток геологов, казалось, собрались комары со всей тундры. И вот все чаще и чаще стали появляться трясогузки. Вскоре они так привыкли к нам, что стали залетать даже в палатки. Наиболее храбрые брали комаров из наших рук. Нужно было положить комара на ладонь и показать птичке. Она важно подходила, ступала на ладонь, съедала комара и в благодарность говорила: «Пи». Так мы и жили дружной семьей.

Сыктывкар.

М. ЧЕРНОВА

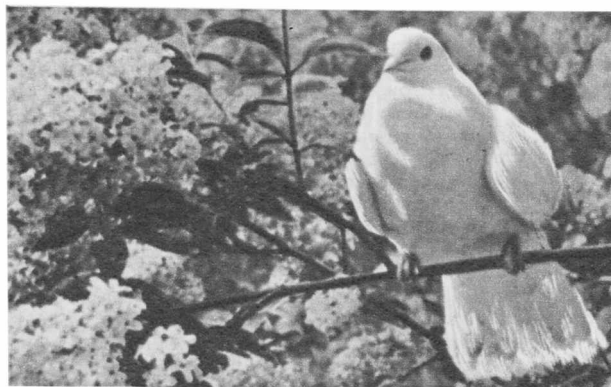

В ОЖИДАНИИ КОРМА

Выводок молодых уток я сфотографировал в дельте Аму-Дарьи. Гресь на солнышке, они ждали, когда родители принесут им корм.

Иркутск.

А. КОВАЛЕНКОВ

Позирует голубь

Живу я все время в городе, работаю инженером-конструктором. С жизнью птиц мало знакома. Только прочитав в «Огоньке» заметку «Голуби на деревьях», я узнала, что домашние голуби редко садятся на деревья. Посылаю снимок, на котором запечатлен этот редкий случай. Снимок сделан фотолюбителем Владимиром Васильевичем Шевченко.

Курск.

Е. ПОГАРСКАЯ

ХРАБРАЯ ПТИЦА-ЧЕЧЕВИЦА

Это было в горном лесу Тянь-Шаня. В густом колючем кустарнике я заметил гнездо, а в нем чечевицу. Птица смотрела на меня. Я почти вплотную приблизился к ней и начал фотографировать. Птица позволила даже потрогать себя, и тут я понял, почему чечевица такая храбрая: в гнезде были два только что выклюнувшихся птенца, а рядом — яйца.

П. ТЮРИН, зоолог
Фрунзе.

«ДАЧНИКИ»

Как видите, эти «дачники» пользуются электрическим освещением: они свили гнездо на фонаре. Так как семейство серых мухоловок оказалось пугливым, для снимка пришлось потратить много времени. К гнезду была приставлена лестница, на ней с помощью штатива закреплен аппарат. Сам фотограф стоял за углом дома и спустил затвор с помощью шнура.

О. КАШКИН
Рижское взморье.

ДЯТЕЛ В ГОРОДЕ

В Ленинграде, на проспекте Энгельса, я заметил дятла, долбившего кору на березе. А спустя несколько дней дятел стучал уже на Большой Осиповской улице, где он тоже «обрабатывал» березу. Ему ничто не мешало: ни транспорт, ни громыхавшие по соседству экскаваторы и бульдозеры. Прохожие с удивлением поглядывали на деловитого дятла.

В. МИХАЙЛОВСКИЙ
Ленинград.

Дружба с ласточками

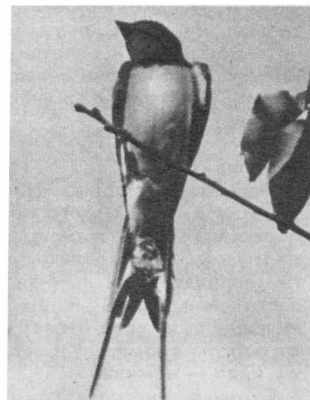
После опубликования в новогоднем номере «Огонька» письма В. Морозовой о поселившихся в искусственном гнезде ласточках редакция получила много откликов, в которых читатели приводят забавные и интересные случаи из жизни этих птиц.

«Ласточки очень доверчивы, если относиться к ним ласково, заботливо», — пишет А. Марченко из Запорожья. — Одна ласточка так привыкла ко мне, что я сфотографировал ее на расстоянии протянутой руки».

«А у меня», — рассказывает А. Анфиногенова из Сальска, — двенадцать дней жил в комнате едва оперившийся птенец ласточки. Птица выросла. И вот в последний раз посидела она у меня на плече, пощebetала, а потом сильно встряхнула крыльями, крикнула свое «фи» и — улетела».

Четырех осиротевших птенцов выкормил в прошлом году Н. Петраков из Калужской области. «Я выловил, чтобы прокормить своих питомцев», — пишет он, — около ста тысяч мух. Ласточки так привыкли ко мне, что, повзрослев, прилетали на мой крик и садились на плечо».

Подобрав птенцов ласточки, читатель Г. Темченко (Брестская область) сделал гнездо из картонной обувной коробки. Птенцы выросли и прожили в этом гнезде несколько лет... Для поселившихся в коридоре ласточек читатель А. Балябин (Нальчик) сделал полукруглую полочку, напоминающую по форме гнездо, и прикрепил ее около входных дверей.

Ласточки устроили там гнездо и теперь ежегодно выращивают в нем потомство. Об удачном опыте привлечения ласточек рассказывает ленинградка Т. Гагарина: она наблюдала, как в деревне для ласточек подвешивали под крыши плетеные корзиночки и укладывали в них птенцов; через несколько дней взрослые птицы обматывали корзиночки глиной и потом жили в них постоянно.

«У целой стаи ласточек оказались разрушенными гнезда», — сообщает Н. Захаров из Московской области. — Тогда нам пришлось приспособить для искусственных гнезд оцинкованные ящики. В каждый ящик, утепленный пухом и сеном, мы положили по два-три десятка птенцов. Сначала нам казалось, что ласточки не разберутся в своих питомцах и они без корма погибнут в этих «детдомах». Но вышло иначе: на другое утро ласточки уже кормили проголодавшихся птенцов, своих или чужих — мы так и не узнали. Все птенцы выросли и улетели».

П. Семенчук из Ровенской области рассказал, как он устроил для ласточек гнездо из жестяной банки, которое показано здесь на снимке. Ласточки благополучно прожили в банке до самого отлета. Сейчас, ожидая их возвращения, Семенчук прибил под карнизом дома с южной стороны еще несколько банок. Такой же опыт удачно проделал читатель Благолю из Астраханской области. Ласточки прижились у него.

Все письма о ласточках переданы редакцией в Государственный Дарвиновский музей (Москва, Малая Пироговская, дом 1).

Знаете ли вы...

Что ласточка за лето ловит от полумиллиона до миллиона мух, мошек, комаров и тл??

Что синица за сутки съедает столько насекомых, сколько весит сама??

Что самая маленькая наша птичка — королек — уничтожает до десяти миллионов мелких насекомых в год??

Что серая мухоловка прилетает с кормом к гнезду триста — четыреста раз в день??

Что если бы человек обладал птичьим аппетитом, то он съел бы в день столько же, сколько съедает за месяц??

Что за время кормления птенцов стрижи пролетают расстояние, равное кругосветному путешествию на широте Москвы??

Что стая в тысячу розовых скворцов вместе с птенцами за месяц способна истребить двадцать две тонны саранчи??

Что одна сова съедает за лето тысячу серых полевков и мышей, сохраняя не менее одной тонны хлеба??

Что подмосковные речные чайки уничтожают на полях множество грызунов, главным образом серых полевков??

Замечено, что в Москве...

более ста пятидесяти видов диких птиц; число сизых голубей за последние годы возросло в десятки раз;

большой пестрый дятел выдолбил дупло и вывел птенцов в тополе на Покровском бульваре;

сова серая неясно долгое время жила на чердаке близ Павелецкого вокзала и каждую ночь ловила складских крыс;

соколы сапсаны живут на самых верхних балконах центральной башни Московского университета...

У финиша.

Фото Л. Бородулина.

Юные велосипедисты тренируются.

Он сделал все, что мог

Приключенческая повесть

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 19, 20, 21, 22.

13

В партизанском отряде я воевал и исполнял обязанности переводчика. Блокирование пуши, о котором сообщал в своем неоконченном письме один из убитых мною фашистов, видно, обошлось им очень дорого. Партизаны захватили живьем девятнадцать карателей. Допрос шел с утра до вечера, так что работы мне было хоть отбавляй. Допросы вел тот седой, в тельняшке. Он был командир отряда, и все партизаны звали его «Дед»: «Дед приказал», «Дед сказал», «ходил к Деду».

Мне врезался в память допрос одного гитлеровца. Это был человек уже в годах, лет под пятьдесят. На вопрос, состоит ли он в партии национал-социалистов, он, страшно волнуясь, затараторил о том, что был социал-демократом и почти коммунистом, а с того момента, как Гитлер захватил власть, он-де ушел в себя. Именно так он и выразился: «ушел в себя». Дед усмехнулся в седые, пожелтевшие от никотина усы, неторопливо набил махоркой сделанную из плексигласа полосатую трубку, раскурил ее и сказал:

— История о том, как вы из почти коммуниста стали фашистом, нас не интересует. — Дед с остервенением стал выколачивать о стол погашую трубку. — Вы нацист?

— Да, но нацист нацисту рознь.

— Никакой разницы мы что-то не заметили. Все вы одинаково охотились за моими партизанами. И вы лично убили очень хорошего человека, который виноват перед вами только в том, что он не пожелал, чтобы его родина стала колонией Гитлера.

Дед встал и приказал дежурившему в дверях партизану увести пленного. Но это оказалось делом нелегким. Он ухватился за стол, потом пытался упасть перед Дедом на колени. Но когда дюжий парень схватил его поперек туловища и, как мешок, понес к дверям, он стал кричать, что великая Германия все равно победит.

Дед смеялся:

— Вот он и вышел из себя!

Потом допрашивали гитлеровца, который был года на два моложе меня и командовал группой карателей. Когда его брали в плен, он одного партизана убил, другого тяжело ранил. Когда Дед стал спрашивать о подробностях плана карательной экспедиции, пленный скривил лицо в презрительной улыбке:

— Зачем вам это? Каковы бы наши планы ни были, они не осуществились.

— Это верно, — согласился Дед, — но, может, вы скажете, кто командовал всей операцией?

— Нет, этого я не скажу.

— Впрочем, мы и без вас знаем. Майор Фогт, Иоахим Фогт, по прозвищу Сеттер. Не так ли?

Пленный засмеялся:

— Зачем терять время на вопросы, если вы действительно все знаете?

Дед обратился ко мне:

— Скажи ему, что мы можем его расстрелять.

Пленный пожал плечами.

— Неизбежные издержки драки. — Он помолчал и вдруг с фанатически горящими глазами выкрикнул: — Каковы бы ни были наши издержки, гений фюрера победит!

— Придет час, мы расстреляем и вашего

фюрера, — тихо произнес Дед. — Или лучше: повесим.

Пленный побагровел, стал кусать запекшиеся губы, а потом твердо произнес:

— Фюрер — это Германия! Он бессмертен...

Дед долго молчал, не сводя глаз с пленного, раскурил трубку и потом дал знак увести его. Когда дверь за ним закрылась, Дед сказал мне:

— Видел? Вот такие типы — главная сила Гитлера и главная трагедия немецкого народа. Такие идут на все. Во имя фюрера он, не задумываясь, сделает то, что нормальному человеку не может даже прийти в голову. Наверно, потому они и зовут себя сверхчеловеками.

Дед надолго замолчал. Трубка у него опять погасла, он поспел ею и сердито сунул ее в стол.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросил он, смотря мимо меня. — Даже после полной нашей победы такие еще останутся в Германии. Сколько еще будет хлопот с ними и у немцев и у нас, страшно подумать...

Я задумался о своем...

Крепка ли моя вера? Глубока ли она?.. В бою, на станции, я увлек за собой товарищей криком: «За Родину!» Но что для меня означал этот лозунг? Что за ним стояло? Было ли за ним полное понимание высокого идейного смысла борьбы? И я вынужден был сознаться себе, что за этими словами крылось нечто туманное, хотя и по-настоящему дорогое. Это и милая моя Москва, и дорогие мои старики, и беспечное мое детство, и уверенная юность, и что-то еще не менее дорогое. Я хочу быть сейчас предельно правдивым перед собой и потому говорю: моими поступками больше руководит романтический порыв, самолюбивое желание не оказаться хуже других. Мне трудно об этом написать, но я пишу, потому что мне хочется быть предельно искренним.

14

Однажды ночью — это было в ночь на 10 октября 1943 года — меня поднял с койки посланный от Деда. Бегу. Что такое, думаю, стряслось?

В штабной землянке, кроме Деда и начштаба, находился неизвестный мне мужчина лет сорока. Одет он был в синий комбинезон, а на голове — кожаный шлем с завернутыми вверх ушами. На ремне — кобура с пистолетом. Я решил, что это очередной связной летчик, прибывший к нам с Большой земли. Летом самолеты прилетали к нам почти каждый месяц.

Но оказалось, что он совсем не летчик, он только что сброшен к нам с парашютом для выполнения специального задания.

Дед показывает на него и говорит:

— Познакомься, Володя, с Иваном Ивановичем, у него к тебе дело, и очень важное.

Иван Иванович заговорил не сразу. Долго вглядывался в меня, точно изучал, стоит ли со мной иметь дело. Потом он задал мне два довольно неожиданных вопроса:

— Знают ли вас лично какие-нибудь люди в Вильнюсе?

Я ответил, что разве только те, с которыми я имел дело в советское время в Каунасе и которые теперь почему-либо живут в Вильнюсе. Иван Иванович подумал и задал второй вопрос:

— Сможете ли вы в случае, если потребует обстановка, укрыться у той девушки Мариты,

что живет в Каунасе и из-за которой вы тогда пострадали?

— Думаю, что смогу,— ответил я.

После этого разговор пошел о деле. Вдруг Иван Иванович заговорил по-немецки, проговорил с минуту и спрашивает:

— Все понимаете?

Я засмеялся:

— Абсолютно. У вас, между прочим, великолепный берлинский выговор.

А он мне говорит, что мой выговор смахивает на саксонский, и спрашивает, почему. Я ему ответил, что моей учительницей по немецкому языку была немка, уроженка Саксонии.

— Ну, что ж, отлично,— сказал он и только тогда стал объяснять суть дела.

Вдвоем с ним мы должны были пробраться в Вильнюс. Там действовала большая подпольная организация, в которую из Германии недавно был заслан провокатор. Эти сведения Москва получила от наших разведчиков, находившихся непосредственно в Германии. Ввиду особой важности дела, из крайней осторожности было решено не прибегать к обычным каналам связи с подпольщиками, а информировать их о провокаторе через специального посланного, в задачу которого входила также и ликвидация провокатора.

Мы с Иваном Ивановичем пойдем в Вильнюс порознь: второй — спустя пять дней после первого. На случай провала одного в действие вступит второй. Первым пойдет Иван Иванович.

Мы готовились к операции тщательно; квартал за кварталом изучали план города. Иван Иванович располагал довольно подробной информацией об обстановке.

Иван Иванович и я появимся в Вильнюсе в облике штатских немцев. Он берлинский врач, приехавший навестить своих родственников. Я Карл Мотмиллер, коммерсант из Дельменхорста, интересующийся ценностями. В связи с этим я, как таблицу умножения, проштудировал привезенный Иваном Ивановичем немецкий каталог-ценник ювелирных изделий. В некотором роде я должен буду явиться кладом для вильнюсских спекулянтов: молодой коммерсант, набитый деньгами и не очень-то разбирающийся в тонкостях дела.

20 октября вечером мы с Иваном Ивановичем отбыли на исходную позицию, заблаговременно указанную по радио вильнюсскими подпольщиками. Это был хутор в четырех километрах от Вильнюса. Хозяин хутора и два его взрослых сына были связаны с подпольщиками — добывали для них оружие и провиант, а хутор был резервной явкой. Теперь я должен сделать признание об одном совершенном мною нарушении дисциплины. Никому ничего не сказав, я несколько листов своих записей о начале войны зашил в подкладку пальто. Я сделал это достаточно хитро. Но это — явное нарушение дисциплины, и совершил я его вполне сознательно. Я не мог оставить кому-то эти листки своей исповеди. Не мог, и все! Мальчишество? Согласен. Преступное своеволие? Согласен. Но я это сделал. Сейчас, когда я пишу это, я уже могу сказать, что мой проступок ни к чему плохому не привел. Да и не мог привести: эти записки врагу ничего не дали бы. Но раз проступок этот совершен, я обязан о нем сообщить...

На явочном хуторе встретили нас хорошо, оказалось, нас давно ждали.

...За полночь Иван Иванович ушел в Вильнюс. В качестве проводника с ним отправился старший сын хозяина. Часа через четыре он вернулся и сообщил, что все прошло спокойно — Иван Иванович уже в городе.

Пошли дни напряженного и нервного ожидания. В случае успеха операции Иван Иванович должен дать весть хозяину хутора, и тогда я отправлюсь обратно в партизанский отряд Деда. Уходя, Иван Иванович сказал мне: «Желаю тебе остаться без работы».

Днем я сидел в подвале, искусно устроенном под хозяйской спальней. Ночью я это убежище покидал и общался с семьей хозяина, в которой, кроме него и двух сыновей, была еще мать хозяина, слепая и глухая старуха, которая, казалось, вечно сидела на одном и том же месте — в кресле возле печки.

Прошло три дня, никаких сведений от Ивана Ивановича не было. Признаюсь, я нервничал. Ведь если с Иваном Ивановичем случи-

Полтора года тому назад в саксонском городке Цвиккау в приземистом доме под крутой черепичной крышей произошло событие, которое никому не показалось выдающимся. Жена почтенного книготорговца фрау Шуман 8 июня родила третьего сына. Его назвали Робертом. С детских лет Роберт стал проявлять музыкальную одаренность, но госпожа Шуман

ров отмечает 8 июня не только Германию, но весь мир.

На всех концертных эстрадах звучит музыка Шумана. Радиоволны разносят ее по всему свету. В наших музыкальных программах имя Шумана давно стало своим, родным, привычным...

Литература о Шумане на русском языке велика, да и подробности его бурной биографии широко известны. Этот человек всю жизнь вел борьбу. Он боролся за право быть музыкантом. Боролся за право жениться на пианистке Кларе Вин и эту борьбу выиграл с помощью судебного процесса. Он боролся с «хорошим тоном» в приливанно-салонной музыке немецких мещан, за свободу творчества, за народность и национальность музыки.

В молодости у Шумана было немало трагедий. В зрелости его мучила тяжелая болезнь. Умер он в психиатрической лечебнице в 1856 году (в том же году в Париже скончался и тяжело больной Гейне).

Но мы вспомним о самом счастливейшем периоде жизни Шумана. Это февраль — май 1844 года. Время, когда Шуман вместе с женой посетил Россию. «Бесконечная метель и злой ветер не мешали нам любоваться великолепным восходом солнца», — пишет в своем дневнике Клара Шуман, — вечером мы увидели небо, усыпанное изумительно мерцающими звездами, каких мы никогда не видели у себя на родине...

В марте супруги были в Петербурге, который Роберт Шу-

ман назвал «прекраснейшим в мире городом». Впрочем, концертировала здесь только Клара, а Роберт занимал скромное положение «мужа знаменитости». Петербург в то время увлекался певцами-итальянцами, и Клара отметила эту «одержимость» в своем дневнике.

Но неверно было бы думать, что у Шумана не нашлось почитателей в России. Его горячо и сердечно приветствовали братья Вильегорские, Глинки, молодой Антон Рубинштейн... Ведь Клара, кроме сонат Бетховена и Баха, исполняла еще и шумановские вещи: «Крейслериану», фортепьянные квартеты и квинтеты, — а сам автор с большим успехом дирижировал своей «Весенней симфонией».

Из Петербурга супруги отправились в Москву. По дороге заглянули в Тверь, где успели съездить в деревню на русской тройке и получили в подарок самовар. В начале апреля Шуманы увидели наконец Красную площадь. «Недалеко от Кремля», — пишет Клара Шуман, — высится оригинальная церковь, какой я никогда в жизни не встречала, с девятью различными куполами. Один выглядит, как тюльпан, другой, как ананас, следующий будто увит лентами и т. д. ...»

Роберт Шуман ходил в Кремль почти ежедневно. Его внимание привлекали то царь-колокол, то трофейные наполеоновские пушки. На одной из них, уцелевшей со времен французской революции, Шуман раздобыл надпись, не замеченную

ЖИВОЙ ШУМАН

была решительно настроена против творческих увлечений сына. Когда пришло время выбирать жизненный путь, она предпочла его против «чреватой опасностями жизни, артиста», и Шуман поступил на юридический факультет. Такова же была судьба его старшего современника — Генриха Гейне. Однако и Гейне стал поэтом и Шуман — музыкантом. И оба всю свою жизнь сражались с филистерами — немецкими мещанами, предками эсэсовцев двадцатого столетия.

Дату рождения одного из величайших немецких композито-

лась беда, вся ответственность за операцию ляжет на меня. Справлюсь ли?

Но вот пошел пятый день. Вестей от Ивана Ивановича нет. По плану операции я должен идти в город. В полночь я попрощался с хозяином, и тот же старший его сын повел меня. Я шел с тайной мыслью, что Ивану Ивановичу удалось все сделать, что просто подкачала связь...

В город я вошел без всяких осложнений. Как было предусмотрено планом, сперва я направился на вокзал, где прождал около часа — до прихода поезда из Кенигсберга. После чего я с небольшим чемоданом в руках вместе с пассажирами вышел на привокзальную площадь, нанял частную машину и назвал шоферу адрес недорогого, но и не третьеразрядного отеля.

Портье зарегистрировал меня без разговоров, но, узнав, что я собираюсь пробыть в Вильнюсе дней десять, попросил меня завтра отметиться в полиции. «Хорошо», решил я про себя, — может быть, мы и отметимся, а может, забудем. Вообще, об этом надо подумать».

Пока я регистрировался у портье, прибыли еще два немца, очевидно, с того же поезда. Мы тут же, у стойки, перезнакомились. Один из них был инженером, приехавшим по задаанию какой-то электрофирмы, а другой был коммерсант, как и я. Он приехал познакомиться, не стоит ли здесь открыть магазин канцелярских товаров — филиал его берлинского магазина...

Узнав у портье, что для пассажиров ночного поезда в отеле работает специальный буфет, мы сперва разошлись по номерам, оставили там вещи, а затем снова сошлись, уже за столиком буфета. Это неожиданное знакомство могло мне пригодиться. Во-первых, я имел возможность проверить надежность и достоверность своей версии, во-вторых, мне очень могли пригодиться всевозможные детали, которые всегда мелькают в непринужденном разговоре. Однако я заметил, что мои собеседники, узнав о моем интересе к ценностям, явно утратили свое расположение ко мне, особенно инженер. С чуть заметной брезгливой усмешкой он сказал:

— Война расстроила людские ценности, а вы их подбираете. Наверное, неплохой бизнес.

Они стали разговаривать друг с другом, и вскоре я ушел в свой номер.

Утром я в самом прекрасном расположении духа, одарив улыбками всех горничных, а заодно и портье, вышел на улицу и начал свой во-аж по ювелирным и комиссионным магазинам.

Как бы я ни увлекался коммерцией, ровно в двенадцать тридцать я должен прийти в садик возле башни Гедимины. Там на каменном парапете, именно на парапете, а не на скамейке, будет сидеть человек в темно-зеленой шляпе, тулью которой будет опоясывать желтый шнур с бантом на правой стороне. В руках у человека должен быть молитвенник без переплета, с заложенным между страницами белым птичьим пером. На плече у человека на его темно-серой визитке — меловое пятно. Если все это есть, к человеку можно подойти и произнести первую фразу пароля.

Со дня появления в городе Ивана Ивановича и затем подряд еще пятнадцать дней в разное, установленное специальным расписанием время этот человек приходил и будет еще приходить в садик.

Но сегодня я к нему не подойду, и у меня не будет примет, известных этому человеку. Сегодня я только посмотрю, сидит ли он в условленном месте в назначенное время.

А пока я пошел по «делам»...

Подхожу к довольно шикарному магазину. Большая витрина уставлена и увешана разнокалиберным товаром, присущим комиссионной торговле во всех частях света: от кофейной мельницы до полотен живописи.

За прилавком три продавщицы; они очень похожи друг на друга. Очевидно, дело ведет одна семья. А вот и ее глава — из стеклянного скворечника кассы вылезает пожилой человек в полосатом пиджаке. Розовая маслянистая физиономия, аккуратненько зачесанная реденькая шевелюра, волосок к волоску.

— Здравствуйте, — говорит он медовым голосом по-литовски.

— Добрый день, — строго отвечаю ему по-немецки и мимо него направляюсь к прилавку, где разложены всякие безделушки. Хозяин проворно обегает прилавок и, отстранив девушку, оказывается прямо передо мной.

— Сувенир? Подарок? — спрашивает он уже по-немецки, рабски заглядывая мне в глаза.

чиновниками Николая I: «Свобода, равенство».

Вдохновленный Москвою, Шуман написал стихотворения: «Колокол Ивана Великого», «Бонапарт в Москве», «Французы под Москвой».

Концерты в Москве прошли хорошо. Вот что писала газета «Московские ведомости» о Шумане:

«Его сочинения, богатые фантазией и полные глубоких мыслей, известны всем любителям музыки, не говоря уже о знатоках. Кто, при имени его, не вспомнит, например, замечательный этюд под названием «Крейслериана»? Кто не знает его гениальных квартетов? В этом последнем роде музыки (камерной) Роберт Шуман открыл совершенно новые пути и идет по ним с самым блистательным успехом...»

Клара Шуман отметила, что на ее концертах постоянно присутствовало не менее пятисот человек; для Германии это было бы прекрасно.

Шуманы слушали в Большом театре оперу Глинки «Иван Сусанин». Им особенно понравился «терец», в котором звучат национальные мелодии — вполне естественный отзыв для представителей молодого прогрессивного романтизма, которые яростно сражались с обезличенным и формалистическим музыкальным «салоном».

Шуман не представлял себе музыки «вообще». Его собственная музыка была насыщена конкретной поэзией, происходящей от народных корней.

И впоследствии Шуман не давал восторженные отзывы о Глинке. В свою очередь, Балакирев, один из зачинателей «новой русской школы», известной под названием «Могучей кучки», не случайно поднял на щит в пятидесятых годах именно Шумана. «Кучкистам» нравились конкретность, народность и прогрессивная направленность музыки Шумана. Это был тот романтизм, который тесно смыкался с реализмом своей простотой и задушевностью.

Споры вокруг Шумана не затихли и в XX веке. Последней статьей знаменитого русского критика В. Стасова, написанной в 1906 году (за несколько дней до смерти), была статья «Дружеские поминки». Это чрезвычайно резкое по тону произведение высмеивает реакционеров Иванова и Коптева, которые в форме «юбилейного» очерка клеветали на Шумана и его музыку.

Споры о Шумане продолжают даже в наши дни. Но если по отношению поэта Гейне носит на Западе систематический и откровенный характер, то атаки на Шумана ведутся в скрытой форме. Гитлеровцы считали немецкого гения «чресчур женственным». Что же касается филлистов, то они до сих пор не понимают и не любят Шумана.

Нет, Шуман не умер! До сих пор над миром звучат его мелодии.

В. ВЛАДИМИРОВ

Мы пожали друг другу руки.

— Идемте,— сказал связной.

Мы пересекли площадь и вошли в узкую, кривую улочку старого города.

— До меня вы встретили товарища? — спросил я.

— Он не пришел.

Я даже остановился.

— Как не пришел?

— Так, не пришел. Очевидно, с ним что-то случилось. И может быть, очень плохое. Наши люди пытаются разузнать.

Неужели Иван Иванович схвачен? Не хотелось в это верить. Но что же тогда могло помешать ему прийти на явку? Только какой-нибудь нелепый случай. Именно за это объяснение я и ухватился, чтобы не думать ни о чем другом.

Через ворота, такие маленькие, что в них не могла бы въехать и малолитражка, мы прошли в квадратный тесный дворик, вымощенный каменными плитами. У двери, украшенной художественной поковкой, связной нажал кнопку звонка. Дверь тотчас отворилась. По железной лестнице мы поднялись на второй этаж и вошли в маленькую, помещански обставленную квартирку. В столовой, наполовину заполненной старинным пузатым буфетом, у круглого стола сидели двое мужчин. Перед ними стояла откупоренная бутылка вина и три бокала. Мы поздоровались. Я сел к столу. Связной вышел из столовой. Мне придвинули бокал и налили в него вина.

— С благополучным прибытием! — сказал один из сидевших за столом и пригубил бокал.

— Что случилось с моим предшественником? — не дотрагиваясь до бокала, спросил я.

— Очевидно, попал в гестапо. Окончательное подтверждение будем иметь завтра вечером.

— С кем я разговариваю? Являетесь ли вы руководителем организации?

— Так и есть,— последовал ответ.— Я руководитель, кличка «товарищ Петер», а это мой заместитель — «товарищ Ян». — Человек с орлиным носом говорил по-русски, с отчетливым акцентом прибалтийца.

— Тогда поговорим о цели моего прихода сюда.— Я напомнил все, что должен сказать, и спросил: — Не появился ли в вашей организации примерно месяц назад человек со следующими приметам: рост средний, возраст сорок—сорок два года, широколицый, возможно, носит усы. Волосы чуть рыжеватые, глаза серые. Главная мета — на спине под левой лопаткой крупная родинка со следами попыток вывести ее. У него должны быть две биографических версии. Обе подтверждаются документами. По первой он постоянно жил в Латвии, был в партизанском отряде, действовавшем в Латгалии, бежал из Латвии в Литву после разгрома отряда карателей. Прилично говорит по-русски. Другая версия...

— Одну минуточку,— тревожно произнес товарищ Петер,— у нас есть такой человек.

— Он провокатор.

Товарищ Петер даже привстал.

— Не может этого быть!

— Абсолютно точно. Он заслан к вам из Берлина. Что сходитя: приметы или версия?

— И то и другое.

— Родинка?

— Этого мы не могли видеть.

— Для абсолютной уверенности надо увидеть и это.

— Все остальное сходитя. Невероятно! — Товарищ Петер нервно закурил.

Я сказал, что в гестапо работают не дураки и с этим нужно считаться. Потом спросил, много ли провокатор знает об организации.

— Он знает свою тройку,— ответил товарищ Петер,— знает меня и товарища Яна. Мы с ним, естественно, беседовали сразу после его появления.

Я сказал, что Москва рекомендует тщательно проанализировать, как провокатор нашел ход в организацию.

Товарищ Петер и товарищ Ян переглянулись.

— Анализ нетрудный,— покачивая головой, сказал товарищ Ян.— Его ввел в организацию Эльгисонис. Он его рекомендовал, ручался за него.

— Значит, он провокатор номер второй,— сказал я.

— Он десять дней назад убит при довольно

Я брезгливо показываю на витрину:

— Это, по-вашему, сувениры или, может быть, подарки.

Хозяин разводит руками:

— Мы, комиссионеры, товара не заказываем. Что принесут, то мы и продаем.

— У нас в Германии уши протрубили, что Литва — богатейшая страна. И, очевидно, это факт, раз литовцы не несут вам настоящих вещей. Когда богат, зачем уносить вещи из дому, лучше — в дом.

Хозяин засмеялся, причем как-то странно, будто икоту рассыпал.

— Ну вот,— продолжал я,— а мне приходится от этого нести материальный ущерб. Неужели я действительно зря приехал сюда с самого края немецкого света?

— Вы ищете что-нибудь определенное? — осторожно спросил хозяин.

— Да, ценности.

Хозяин пристально и заискивающе смотрел на меня, может быть, целую минуту, а потом прошелестел:

— Может быть разговор.— Кивком головы он показал мне на дверь в углу магазина и сам пошел туда. Я — за ним.

Мы оказались в темной, пахнущей мышами комнатухе. Наверное, здесь он принимал товар. Комнатушку перегородив низкий ларь, по обе стороны которого стояло по креслу.

— Что вам конкретно надо? — деловито спросил хозяин.

— Конечно, не пудреницы без крышек. Нужен настоящий товар: благородный металл, камушки и прочее. Будет и настоящая плата.

— Может быть... может быть... — медленно ответил хозяин и вдруг решительно спросил: — Чем вы платите?

— Товар люкс оплачиваю швейцарской валютой. Но только чистый люкс. Остальное — рейхсмарками, не оккупационными, а рейхс, понимаете?

Хозяин мелко-мелко кивал головой, в это время о чем-то напряженно думая.

— Сколько времени вы можете мне дать? — спросил он.

— Выращивать садик возле отеля я не собираюсь,— засмеялся я.— Даю три дня.

— О, мало! Ведь теперь все страшно сложно, люди не верят друг другу, как бывало.

— Да, я забыл сказать. С каждой сделки и в валюте той сделки вы получите десять процентов комиссионных. Но цену мы сбиваем вместе. Этого вам достаточно для восстановления пропавшей веры в людей?

Хозяин блудливо улыбнулся:

— Лично мне достаточно. А какие гарантии?

— Гарантия — первая же сделка. И с клиентом и с вами я буду расплачиваться немедленно и наличными.

В конце концов мы условились, что завтра я зайду к нему в час закрытия магазина.

Однако уже было десять минут первого, и я отправился к башне Гедимины. Поболтался там немного и зашел в садик. На парапете сидел человек, который меня ждал. Стараясь не привлечь его внимания, я прошел мимо него и шагах в пятнадцать сел на скамейку.

Решил понаблюдать, что происходит вокруг связного. Может быть, он сам не знает, что за ним следят. А после возможной неудачи Ивана Ивановича я должен быть вдвойне настороже. Методически просмотрел площадь и садик. Как будто ничего подозрительного не было, но сам связной почему-то вел себя беспокойно. При приближении каждого мужчины он начинал перекладывать молитвенник из руки в руку и все время озирался по сторонам.

Все-таки неправильно, что на такую ответственную связь, от которой зависит судьба всей подпольной организации, поставили такого нервного человека.

Ровно в час тридцать пять связной встал, осмотрелся и пошел к главной улице.

На другой день связной должен был прийти на свое место в садике к десяти часам утра. В случае дождя он будет находиться у колонн музея...

И как раз дождь. Хорошо еще, что хоть теплый. Шагаю, подняв воротник плаща и нагнув шляпу на нос.

Связной стоял, прислонясь к колонне. Я подошел к нему.

— Здравствуйте.

Он не отвечает — по паролю так и надо.

— Не знаете случайно, где в Вильнюсе можно купить породистых голубей?

Следует установленный ответ:

— Я знаю, где продаются голуби декоративных пород.

смутных обстоятельствах,— сказал товарищ Петер.

— Тройка, в которой действует провокатор, важная? — спросил я.

— У нас все важные.

— Где он сейчас?

— Сегодня ночью его тройка должна была взорвать восстановленную немцами мельницу. Взрыва не произошло. В двадцать часов сегодня у него явка с моим связным.

— Где?

— На одной из наших квартир.

— Можно его там задержать, осмотреть и, если надо, ликвидировать?

— Можно. Это отдельный домик на окраине. Хозяин домика — врач, наш человек, его можно посвятить во все. Мне самому нужно там быть?

— Ни в коем случае, товарищ Петер. Там буду я и ваш связной. Врач абсолютно надежный? Тогда пусть где-то поблизости находится и он. Вы меня представите ему как нового связного.

— Все ясно...

15

В домик врача меня привезли в санитарном автобусе.

Врач оказался совсем молодым человеком, примерно моим ровесником, только ростом он был повыше и скроен покрепче. По-русски он говорил плохо, и мы сразу перешли на немецкий язык.

Я рассказал ему, что должно произойти вечером в его доме. Он поблел.

— Ведь он уже второй раз приходит на явку в мой дом.

— Второй и последний, если вообще придет.

— Вы думаете, он что-нибудь подозревает? — забеспокоился врач.

— Нет, но ночью он не выполнил задания. Возможно, что на этом он и выходит из игры.

— Только бы пришел... — сквозь сжатые зубы произнес врач. — Задушу собственными руками.

Я объяснил ему, в чем его роль, и попросил строго придерживаться этой роли.

Затем мы осмотрели дом. Врач показал мне столовую, где обычно происходили явочные встречи. Окна здесь выходили на улицу, и, хотя они плотно закрывались внутренними ставнями, я все же решил перенести явку в спальню, единственное окно которой выходило в сад. Кровать оттуда убрали, а из столовой перенесли туда стол и три стула.

Начало смеркаться. Я попросил врача наблюдать за улицей, а сам стал обдумывать, как лучше провести эту нелегкую операцию. Уточнил все, вплоть до того, как поставить настольную лампу и как наклонить ее абажур. За этим занятием я старался подавить волнение, которое подступало к сердцу.

И вот наконец настал час операции. Пришел связной. Он во все уже был посвящен, и мне осталось только сказать ему, какой помощи я от него жду. По всему видать, это был опытный боевик. Он дал мне несколько дельных советов, и мы вдвоем, если можно так сказать, прорепетировали свои действия.

Ровно в восемь пришел тот, кого мы ждали. Его встретил связной. Я слышал, как они довольно весело разговаривали о чем-то в передней. Но вот дверь отворилась, и я увидел его. Он увидел меня и удивленно оглянулся на связного.

— Знакомьтесь, — сказал связной. — Теперь вы будете встречаться вот с ним, его зовут Михаил.

Мы обменялись рукопожатием, и я пододвинул ему стул. Он оказался в узком пространстве между столом и стеной.

— Ну, как идут дела? — спросил я по-русски как только мог непринужденно.

— Сегодня ночью шли плохо, — угрюмо ответил он и замолчал.

Я пристально смотрел на него — приметы сходились.

— Я пойду к доктору, кофе сварю, — сказал связной и вышел из комнаты, не совсем плотно прикрыв за собой дверь. Провокатор кивнул головой на дверь.

— Он, кажется, не закрыл?

Я махнул рукой.

— Ничего, тут все свои. — Волнение, скыви-

В МЕБЛИРОВАННЫЕ КВАРТИРЫ

Николай Васильевич Журавлев с сыновьями в новой квартире.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Б. ЛОСИНА.

Нетрудно себе представить, как обрадовалась семья Николая Васильевича Журавлева, когда узнала, что ей предоставляется отдельная квартира в новом доме. Несколько лет пришлось жить в маленькой комнатке — и вдруг такой сюрприз! Хотелось немедленно отправиться посмотреть, удостовериться. Но в райжилуправлении сообщили: дом еще не готов, будет заселяться месяца через три...

— Но вы не огорчайтесь, — сказали Николаю Васильевичу. — Свою квартиру вы можете увидеть сейчас на... выставке. Выбирайте мебель и всю обстановку, какая вам понравится. Для этого мы вас и пригласили.

В тот же вечер Николай Васильевич с женой Верой Федоровной поехал за Нарвскую заставу, на улицу Васи Алексеева. Здесь одна из секций нового светло-кирпичного дома выглядела вполне обжитой. На окнах — цветы, гар-

дины, занавески. Девятнадцать квартир со вкусом обставлены удобной, изящной мебелью, отобранной жюри конкурса Госстроя СССР. Образцы ее, созданные мастерами Москвы, Ленинграда, Таллина и Вильнюса, изготовлены ленинградскими фабриками.

Журавлевы, конечно, интересовались отдельная трехкомнатная квартира. Их на выставке несколько. Вот одна из них: в небольшой прихожей — зеркало, вешалка. Направо — ванная, рядом кухня, где можно и пообедать: тут стол, легкие табуретки, полки, шкафы для хранения посуды и продуктов. В детской — раздвижной письменный стол, книжный шкаф, диван-кровать. В большой комнате — раздвижной стол, сервант, диван, кресло, столики для телевизора. В спальне — широкая кровать, низкие банкетки, зеркало.

— Я не вижу платяного шкафа, — заметила Вера Федоровна.

— Он встроенный, — показал архитектор в глубь спальни. — Откройте вон ту остекленную дверь.

Слева — широкие полки, задер-

— А как же еще? Прямые поезда из Москвы сюда пока еще не ходят.

— Это здорово. — Он помолчал. — Ну, а как вам здесь, в организации?

— Пока осматриваюсь. Вы-то подольше меня в организации. Какое впечатление у вас? Тем более что вы человек с партизанским опытом. Какое ваше первое впечатление? Мне... нам это очень важно знать.

Он кивнул головой.

— Понимаю. — Он преданно посмотрел мне в глаза. — Берите-ка все это дело в свои боевые, московские руки, вот что я вам скажу, пока не поздно.

Я выказал крайний интерес к тому, что он говорил. Он привстал и плотно прикрыл дверь.

— У меня такое впечатление, — снова заговорил он, — что организация действует на холостом ходу. А главное, узнать невозможно, что в ней вообще происходит.

— Это же хорошо, — сказал я. — Секретность — наш первый завет.

Он усмехнулся:

— Понимаю. Но когда люди организации в полном неведении о ходе борьбы, — это плохо. Успехи товарищей всегда подогревают других. А тут организация словно нарочно так построена, чтобы ты, кроме того, что делают два человека из твоей тройки, ничего не знал.

Я подумал: «Молодцы руководители организации, правильно ее построили, трижды правильно».

— Но это, — продолжал он с улыбкой, — создает одновременно благоприятные условия для очковитательства. Ведь руководство в своих донесениях может отнестись на счет организации все, что происходит и даже не происходит в городе. Поди проверь.

нутые шторой, направо — двухъярусные вешалки для верхнего платья. Посредине — зеркало, маленький столик.

Вся мебель удобна и нарядна. Диваны и кресла обиты декоративными тканями под цвет обоев с нейтральным рисунком. Вместо оранжевых абажуров плафоны из пластмассы и оргстекла. На широких, двойных окнах тюль и недорогие легкие портьеры...

Журавлевы заходят в другие квартиры и отбирают понравившиеся им вещи...

Нравится им многое. И не только им.

«Квартиры обставлены прекрасно. Скорее пускайте их в производство!» — пишут посетители в книге отзывов.

Это мнение разделяют иностранные гости.

«Приятно видеть так хорошо спланированные квартиры, — записал мистер Френк из Лондона. — Мне нравится современная мебель».

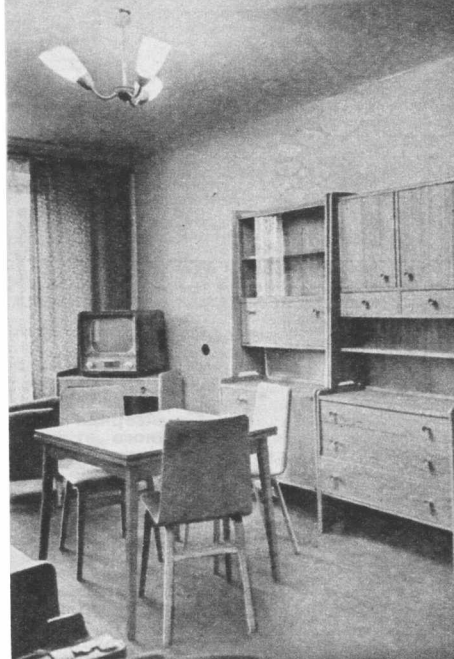
«Очень удобно, прекрасно! — присоединяется господин Хэнсер из Чикаго. — Интересно, кому будут принадлежать эти квартиры?»

Выставка на улице Васи Алексеева стала своеобразным ателем. Будущие жильцы нового дома на Новочеркасском проспекте, познакомившись с образцами, тут же заказывали все необходимое. Выбирать им помогали архитекторы, художники, конструкторы. Заказы принимали представители Ленмелбелторга. А расчет — перед въездом в квартиру.

Дом еще монтировался Полостровским домостроительным комбинатом, а мебель для квартир уже готовили в цехах более двадцати предприятий Ленинградского совнархоза и Леноблдеревмелбелпрома. На других фабриках делали люстры, плафоны, зеркала, ткани...

Вслед за строителями в новый пятиэтажный дом на Новочеркасском проспекте пришли мебельщики. Всю обстановку привозили прямо с фабрик и расставляли без жильцов, по указанию архитекторов и художников.

Наконец наступил день, когда новый дом весь принарядился. Но в комнатах еще нет ни души. Комиссия заканчивает приемку, и только вечером придут новоселы. В числе первых приехали и наши старые знакомые Журавлевы. Мы застали их еще на улице Плеханова.

В ателье малогабаритной мебели.

— Вовремя пришли, — встречает нас Николай Васильевич. — Последний раз обедаем в старой квартире, ужинать будем на Новочеркасском. Посмотрите, как жили, в одной комнате крохотной. Ничего с собой старого не берем, только одежду, белье да посуду. Рано утром я наведывался на Новочеркасский. Хороша наша квартира! И за мебель уплатили: профсоюз дал ссуду — четыре тысячи рублей.

Новоселье было необычным: к дому подходили легковые машины — «Победы», «Волги», «Москвичи». Пять — десять минут, и все вещи уже в квартире. Вот прибыл инженер завода «Светлана» Юрий Яковлевич Щербицкий. Все его «хозяйство» — чемоданы, велосипед, детские игрушки...

Приехали и Журавлевы. Дети ходят по комнатам. Раздолье! Больше всех радуется хозяйка.

— Коля, загляни сюда, — просит она мужа. — Правда, удобно устроен шкаф?

Николай Васильевич Журавлев — грузчик завода им. Степана Разина, жена — работница пуговичной фабрики. Этажом выше, тоже в трехкомнатной квартире, поселилась семья Николая Алексеевича Власова. Он мастер, жена — швея-обувщица, сын — заточник. Меблированную двухкомнатную квартиру предоставили Балановым. Екатерина Николаевна — бухгалтер, а Петр Львович — вахтер.

Вот кто занял квартиры с мебелью! Это и ответ на вопрос господина Хэнсера из Чикаго: «Кому будут принадлежать новые квартиры?» А если наша справка не удовлетворит господина Хэнсера, он может обратиться к своим землякам — президенту ассоциации строителей Нью-Йорка Абрагаму Катшу и господину Давиду Розу, профессору Нью-Йоркского университета. В день заселения дома они были тут и познакомились с новоселами. В одиннадцатой квартире, куда въехала семья инженера Петра Петровича Антипова,

американские гости беседовали с хозяином.

— Эта кровать уже стояла здесь, когда вы первый раз вошли? — спросил господин Давид Роз.

— Да.

— И занавес висел?

— Все, что вы видите в квартире, сделано по моему заказу и без моего участия доставлено в квартиру.

Отличное обслуживание. Шик! — улыбаясь, сказал господин Роз.

— Прекрасный сервис, — заметил господин Катш.

Заселение дома с заранее обставленными квартирами — первый опыт. Ленинградцы превратили выставку меблированных квартир в постоянное ателье и открывают новые такие ателье в других районах, где сосредоточено большое жилищное строительство. Промышленность города в течение года изготовит новую малогабаритную мебель еще для десяти тысяч квартир.

— Спасибо за ориентировку. Я подумаю об этом, посмотрю. Вы, я слышал, партизанили в Латвии.

— Так точно, — по-военному ответил он и в это мгновение весь подобрался. Началась его версия, и, как бы идеально она ни была разработана, он знал, что всегда в ней может образоваться трещина и позтому надо быть начеку. — В лесах Латгалии воевал, хорошие дела мы там совершали. Но пролез провокатор. Сколько погибло замечательных бойцов, страшно вспомнить!

— А как попал в отряд провокатор?

— Очень просто. Задержали в лесу человека. Иду, говорит, к вам. Партизаны есть партизаны. Проверили его кое-как и зачислили в отряд: мол, пусть покажет себя в деле. Вот он и показал.

— Ну, что же, провокатор может пролезть и в нашу организацию. И вот тогда может оказаться очень хорошо, что она разбита на глухие тройки. Предаст двоих — вот и все его трофеи.

Он чуть смеялся.

— Да... В этом отношении — да.

— А организация здесь действует сильная, — продолжал я, не сводя с него глаз. — Ею наверняка интересуются в Берлине. И представьте себе, что они с огромным трудом снаряжают сюда провокатора. А тот может выдать лишь двоих подпольщиков. Нельзя позавидовать тому провокатору. Нет, нет, пожалуй, вы неправы в отношении троек. Подпольная организация — это не партизанский отряд. Тут действуют свои законы распределения сил и свои законы бдительности.

— Да, да, конечно, — поспешил согласиться он, и я заметил, как он потер о скатерть ладонь.

Ну, что же, пора переходить в наступление.

— Опасность провокации всегда страшна, — сказал я жестко. — Уберечься от нее можно, но это нелегко. Вот вы, например, — я сделал секундную паузу и заметил, как в глазах у него словно тень метнулась... — вот вы, например, приезжаете сюда, устанавливаете контакт с организацией, говорите, что вы из Латвии, что вы партизан. А какая гарантия, что вы не являетесь тем самым провокатором?

— Ну, знаете... это... — Он пробовал даже возмутиться. — У меня документы на руках.

Я покачал головой.

— В Берлине делают документы отлично, тем более, что в руки гестапо попало немало подлинных партизанских документов. А еще какие у вас есть доказательства, что вы не провокатор?

Теперь он уже догадался, что попал в западню. На висках у него проступила испарина. Я пристально следил за его руками. Никогда не забуду эти руки. По ним будто ток пробегал. Они были готовы на все. Но тот, кому они принадлежали, видел, что моя правая рука в кармане пиджака, а это лишило его тех секунд, какие были нужны ему, чтобы опередить меня. И потому он продолжал навязанную мною игру.

— Все же всегда можно почувствовать, когда у человека реальная биография, а когда выдуманная, — сказал он устало. — А потом ведь всегда можно провести последующую проверку.

— Это верно, — согласился я. — Но далеко не всегда. Скажем, вашу партизанскую биографию так или иначе можно проверить — это, как говорится, в наших руках. Ну а вдруг вы предложили бы совсем другую свою биографию? Например, такую. — И я начал рассказывать

вторую, резервную версию, разработанную в Берлине.

Вот теперь он уже окончательно не сомневался, что находится в западне. Но, как видно, это был человек очень сильной воли. Он даже улыбался.

— Но ведь и у второй стороны можно потребовать доказательств, подтверждающих ее подозрения?

— Вам их еще недостаточно? — мгновенно спросил я.

— Да, недостаточно.

— Ну, что ж, вот вам еще одно: снимите пиджак и рубашку. Если у вас на спине под левой лопаткой...

Вот тут-то он и сорвался. Сделал стремительное движение правой рукой. Я выпустил в него три пули из своего «ТТ». Он рывком выпрямился и, замерев на секунду, смотрел на меня бешеными глазами, а потом начал медленно валиться на стол. В комнату вбежали врач и связной. Врач, наклонившись над телом провокатора, сказал по-русски:

— Уже есть покойник.

— Приговор приведен в исполнение, — торжественно произнес связной, смотря на распластанное тело провокатора. — А может, стоило сперва выбить из него все полезные нам сведения?

— Нет, — ответил я. — Такие умеют молчать. Его нужно было ликвидировать, и все.

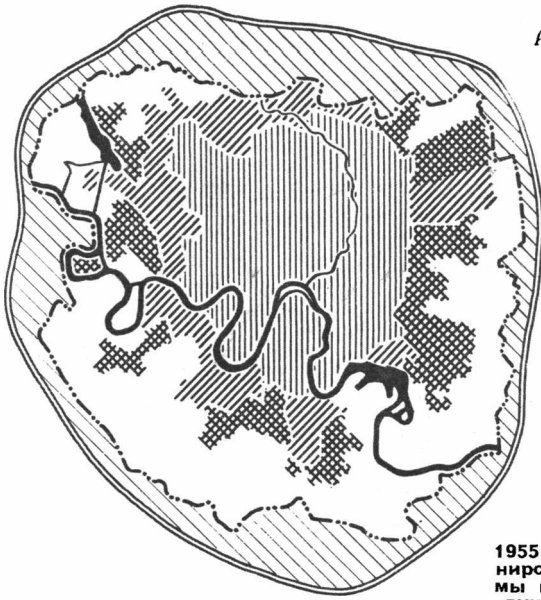
Итак, задание выполнено. По плану операции, завтра вечером я должен с помощью подпольщиков покинуть город, вернуться на хутор и оттуда в отряд Деды.

Но вышло все иначе...

Продолжение следует.

БОЛЬШАЯ

- территория города в 1917 году.
- ////// — прирост территории к 1935 году.
- — прирост к 1959 году.
- — граница резервных земель.
- — расширение границ города в направлении кольцевой автодороги.

И. ЛОВЕЙКО,
главный архитектор Москвы

Двадцать пять лет в жизни человека — очень много. А вот в жизни города, особенно перешагнувшего восьмисотлетний рубеж, — это срок, казалось бы, незаметный. Такая мысль приходит в голову в преддверии знаменательной даты: десятого июля исполняется четверть века со дня принятия Центральным Комитетом партии и Правительством генерального плана реконструкции Москвы. Какая огромная работа по переустройству столицы выполнена за этот исторически короткий отрезок времени! Ведь только за 8 последних лет, по образному выражению Н. С. Хрущева, «мы сумели по существу создать «вторую Москву»».

По темпам строительства Москва далеко опередила Нью-Йорк, Лондон, Париж... Около трех тысяч зданий одновременно сооружаются в нашей столице.

Первоначально предполагалось сдать за семилетку девятнадцать с половиной миллионов квадратных метров жилой площади. Взвесив свои силы, москвичи взяли без дополнительных затрат, за счет экономии ввести в строй еще миллион. В общей сложности — 650—670 тысяч квартир. Но и это не предел. Бурное развитие индустриального домостроения, я уверен, позволит построить больше 20 с половиной миллионов квадратных метров. А это значит, что и недостаток жилищ будет ликвидирован раньше, чем указано в По-

становлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятом в 1957 году.

Характерная черта современного этапа развития Москвы, Ленинграда, Киева, Горького, Свердловска — быстрота, с какой появляются на картах городов новые районы. Поясню примером. Считанные годы отделяют нас от рождения знаменитого на весь мир Юго-Западного района. Если полистать документы

1955—1957 годов, связанные с планировкой и застройкой юго-запада, мы найдем в них упоминание о двух миллионах квадратных метров жилой площади. Сегодня эти два миллиона стали реальностью. Пройдет всего несколько лет, и район, именуемый сегодня Юго-Западным, окажется лишь центральным ядром грандиозной юго-западной зоны столицы, создание которой предусматривалось 25 лет назад генеральным планом реконструкции Москвы. Проект «Большого Юго-Запада» разработан и утвержден Московским Советом.

Юго-западная зона охватит территорию в 16 тысяч гектаров. На востоке она протянется до линии Московской железной дороги (Донбасское направление), на юге и на западе включит нынешние резервные земли города, вплоть до деревни Чертаново. На этой территории расположены, в частности, Новые Черемушки, жилые массивы Фили — Мазилово, Волхонка — ЗИЛ, Очаково, Кунцево и другие. «Большой Юго-Запад» свяжет их в единую градостроительную систему.

Семь миллионов квадратных метров жилья — такова программа «Большого Юго-Запада» на семилетку. А затем дойдет до 13—14 миллионов. Вместе с домами возникнут детские сады и ясли, школы и школы-интернаты, магазины и кафе, театры и кинотеатры, лечебные учреждения.

Развитие Москвы в юго-западном направлении — лишь одно из звеньев перспективного плана города. Такой план, заглядывающий на двадцать лет вперед (1960—1980), и разрабатывается сейчас московскими организациями. Он коснется всех отраслей строительства и городского хозяйства, определит масштабы и характер их роста.

Сейчас градостроителей во всем мире волнует проблема: как уменьшить плотность населения в больших городах? В капиталистическом мире с его частной собственностью на землю эта проблема практически неразрешима. Недаром один из известных английских градостроителей, Артур Линг, так говорил на последнем международном конгрессе архитекторов о попытках рассредоточить насе-

ление английской столицы: «Расселение превратилось в сказку про белого бычка, а центральный район Лондона стал похож на переполненный сосуд, в который вода из крана все продолжает поступать, хотя она уже переливается через край...»

В перспективном плане развития Москвы вопросы расселения занимают важнейшее место. Предусматривается, что при сохранении в основном нынешней численности населения территории столицы распространится вширь до 82 тысяч гектаров, приблизившись к строящейся кольцевой автомобильной дороге. К 1980—1981 годам обеспеченность жилой площадью вырастет в среднем до 15 квадратных метров на одного жителя столицы (19—20 квадратных метров общей площади).

Проектировщики работают над корректировкой границ города и лесопаркового защитного пояса. Столица и опоясывающее ее зеленое кольцо должны развиваться гармонично.

Чтобы наилучшим образом расселить жителей Москвы, имея в виду естественный прирост населения, потребуются создать города-спутники.

Поднимаются первые микрорайоны первого города-спутника Крюково. А тем временем мастерские Института генерального плана подбирают подходящие места для других городов. На недавно открывшейся интересной и поучительной выставке «Градостроительство» можно увидеть яркую схему,azole которой всегда людно. Вокруг большого красного пятна — Москвы — неправильным кольцом разбросаны маленькие пятнышки — спутники. В спутники превратятся со временем такие старые подмосковные городки, как Чехов, Дмитров, Михнево и другие. Конечно, схема условна, ориентировочна, но она наглядно свидетельствует о градостроительном предвидении, о все нарастающих масштабах и невиданном размахе реконструкции.

До сих пор речь шла о строительстве на так называемых свободных землях. Но рациональное решение жилищной проблемы возможно лишь при правильном использовании всех городских земель, в том числе давно сложившихся кварталов. В порядке дня поставлены и вопросы коренного усовершенствования планировочной структуры старой части города, завершения его узловых архитектурных ансамблей, ликвидации ветхих строений.

В течение семилетки намечено снести малоценные дома общей площадью в три с половиной миллиона квадратных метров, вне зависимости от того, ведется ли в данных районах и кварталах жилищное строительство. Цель? Разуплотнить застройку. Приблиз-

тельно 40 процентов населения старых районов получит благоустроенные квартиры в новых. Это ли не свидетельство созидательной мощи нашей социалистической державы!

На нашей памяти центр Москвы сначала ограничивался Китай-городом, площадями Свердлова, Манежной да прилегающими к ним кварталами. Затем это понятие стало определять улицы, находящиеся внутри Бульварного, а затем и Садового кольца. Перспективный план развития Москвы как бы раздвигает центр, и в первую очередь в сторону юго-запада. Центр включает, таким образом, и Фрунзенскую набережную, и стадион имени В. И. Ленина в Лужниках, и Комсомольский проспект, и амфитеатр Ленинских гор, увенчанный зданиями университета и будущего Дворца Советов.

Протянутся новые линии подземной железной дороги, появятся новые внутригородские радиальные и кольцевые магистрали. Будет создана целая сеть городских аэровокзалов. Здесь пассажир приобретет билет, сдаст багаж, а потом займет место в вертолете или в моторельсовом вагоне и за несколько минут попадет в загородный аэропорт.

Московские градостроители считают своей большой задачей создание гигантской оси-эспланады, соединяющей площадь Держинского с Юго-Западным районом, прокладку новых магистралей, призванных «дублировать» наиболее загруженные артерии города. Резко увеличатся и энергетические и водные ресурсы города.

Уже сегодня в среднем на каждого москвича подается 470 литров воды в сутки, а к концу семилетки будет 600 литров. В систему водных ресурсов, кроме Волги, предстоит включить и Оку. Тогда норма обеспеченности водой в сутки поднимется до огромной цифры — 900 литров!

Перспективные расчеты на 1960—1980 годы помогут развить и обогатить основные положения генерального плана 1935 года, во многом уже реализованного, а кое в чем отставшего от нынешнего уровня советской индустрии, техники, науки.

Градостроительство — многообразный комплекс. Надо не только ускорить темпы и расширить масштабы реконструкции городов, но и проложить новые пути в области планировки и застройки. Всесоюзное совещание по градостроительству, созываемое в Кремле 7 июня, поможет сделать это. Подытожив и проанализировав богатейший опыт социалистического переустройства советских городов, накопленный за годы пятилеток, мы вместе с тем заглянем в ближайшее будущее, вырабатываем представление о городе эпохи созидания коммунистического общества.

МОСКВА

Москва, Ленинский проспект. Фото А. Гостева.

Доярки колхоза имени Ленина. Слева — Коку Тазбаева.
Фото М. Савина.

СОВЕТСКОЙ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ 40 ЛЕТ

СВЕТ У ПОДНОЖИЯ ГОР

Машина мчится по синему, раскаленному солнцем асфальту. Перед нами горы, кажется, что они рядом, как-нибудь пять-десять минут — и мы подыдем к ним. Но дорога убегает вперед, а горы отступают все дальше и дальше, и мы не можем догнать их. Неожиданно у каменистого берега бурной горной речушки шоссе обрывается. Наш шофер, ни секунды не задумываясь, въезжает прямо в воду. Еще несколько километров по желтому пыльному проселку — и мы в Курчалое, в колхозе имени Ленина.

Ровными рядами стоят вдоль улиц одноэтажные домики, крытые красной черепицей, приветливо поблескивая на солнце окнами. К каждому дому тянутся от столбов электрические провода. Нет и в помине прежних чеченских саклей — полутемных, душных, тесных. Время полдень. Улица пустынная, лишь изредка пройдет девушка с высоким тонкогорлым кувшином на плече или перебежит дорогу ватага черноголовых, чумазых ребятишек. Взрослые на работе — в поле, на ферме.

Еще в Грозном рассказывали нам, что колхоз имени Ленина — лучший чеченский колхоз в республике, что здесь самые высокие показатели по производству молока и мяса, замечательные урожаи кукурузы и сахарной свеклы.

Председатель колхоза, коренастый горец, коммунист Зелимхан Тамкаев показывает нам большое, хорошо поставленное хозяйство.

Прямо от села начинаются зеленые массивы кукурузных полей. Здесь выращивают местный сорт кукурузы «Круг Грозный». Мы видели один початок этого сорта. Весит он 628 граммов. В нем 941 зерно.

Ближе к горам шумят на ветру неокрепшие ветви молодого сада. Он посажен колхозниками в прошлом году.

Председатель ведет нас к невысокому строению, где стоят в ряд белые инкубаторные шкафы. Может быть, это не самое основное производство в колхозе, но председатель гордится им. Ведь еще совсем недавно цыплят для птицефермы привозили из Дагестана, что

обходилось колхозу очень дорого.

— Теперь здесь будем выводить цыплят не только для себя, но и для всех колхозов нашего района, — говорит Тамкаев.

На молочнотоварной ферме мы познакомимся с дояркой Коку Тазбаевой. Ее «подопечные» — горные коровы — низкорослые, неказистые на вид. Прежде давали они три-четыре литра молока в день. А Коку Тазбаева надаивает до тринадцати литров от каждой коровы!

Потом нас пригласили в новый колхозный клуб. Это был самый обыкновенный вечер. Молодежь танцевала огненную лезгинку и, кажется, готова была танцевать ее до утра! Девушка, застенчиво опустив ресницы и как бы заслонив лицо руками, плавно шла по кру-

гу. А около нее то вставал на носки, то бросался на колено, не спуская с нее глаз, танцевал юноша.

— Это наша Хавра Эльтиева, — говорят нам, показывая на стройную девушку, которая плывет в танце. Она знатный кукурузовод, депутат Чечено-Ингушского Верховного Совета.

Хавре Эльтиева только девятнадцать лет. Она первая не только в поле, но и здесь, в клубе, на танцах...

Смотришь на эту молодежь — веселую, гордую, — и всплывает в памяти, что говорилось и писалось когда-то о трудной судьбе горцев. Как не вяжутся эти старые воспоминания с тем, что мы увидели сегодня на красивой земле свободной Чечено-Ингушской республики!

Л. КАФАНОВА

Жизнь

Д. ЯНДИЕВ

Она и сестра и жена,
Сердце с нею сроднилось и спелось.
Я предан ей,
Она мне верна,
Она подарила мне совесть и смелость.

Но я не шел за ней по пятам,
Как стреноженный конь, покорно —
Я вел ее сам,
Горяч и упрям,
Кремнистой, крутою тропой горной.

Может быть, птичьей тенью мелькну
Иль охотничьим выстрелом гряну,
Кану в бездну, тьму, тишину,
Стих, как хлеб, оброню в бурьяны...

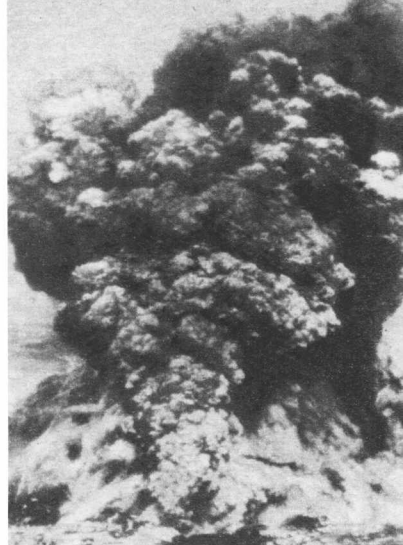
Нет!
Я с ней в любую грозу
До победы должен дождаться!
Песнь о ней друзьям привезу,
Как всадник привозит хлеб домочадцам.

Перевел с ингушского
Д. ГОЛУБОВ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЧИЛИ

Страшная трагедия обрушилась на латиноамериканскую страну Чили: огромной силы землетрясение исковеркало, покорежило ее землю, разрушило города и селения, погубило тысячи жителей. Этот гигантский столб огня и дыма, который вы видите на снимке, поднялся из нового вулкана около Вальдивии.

А на нижнем снимке «отголоски» трагического события. Гигантская волна, поднявшаяся от берегов Чили, со скоростью реактивного самолета помчалась на запад, обрушиваясь на берега островов. Волна, разбиравшаяся рано утром 23 мая о Гавайские острова, разрушила все на своем пути.

ПЕРЕД КОНЦЕРТАМИ

«Шлю читателям «Огонька» мои самые теплые поздравления. Не могу выразить, как высоко я ценю ваш постоянный интерес ко мне. Жду с огромным нетерпением встречи с вами на моих концертах.

Как всегда Ван КЛИБЕРН».

Мы встретились с Ваном Клиберном в Рузе в Доме творчества композиторов. Здесь наш американский друг готовился к концертам. Мы застали его в часы отдыха, когда он увлеченно играл в настольный теннис.

Мы пошли с Ваном к Москве-реке. Шли по зеленому берегу вдоль воды. И тут с противоположного откоса раздался голос трубы. Трубач монотонно повторял одну и ту же фразу.

— У меня возникла хорошая идея! — поднял Ван вверх длинный палец. — Вот бы всех трубачей заставить репетировать в лесу: знаете, музыканты всего мира не любят трубачей, когда они занимаются...

Едва докурив одну сигарету, он тут же достал из пачки другую. Курильщики было трое. Когда очередь прикуривать дошла до третьего, Ван задул спичку.

— Я верю в приметы, — улыбнулся он. — Правда, у нас в Америке говорят, что эту примету со спичками пустили в ход не солдаты, а спичечные короли! Они заинтересованы в большем потреблении спичек. Но на всякий случай не станем испытывать судьбу!.. Тем более мне не следует это делать перед такими ответственными концертами.

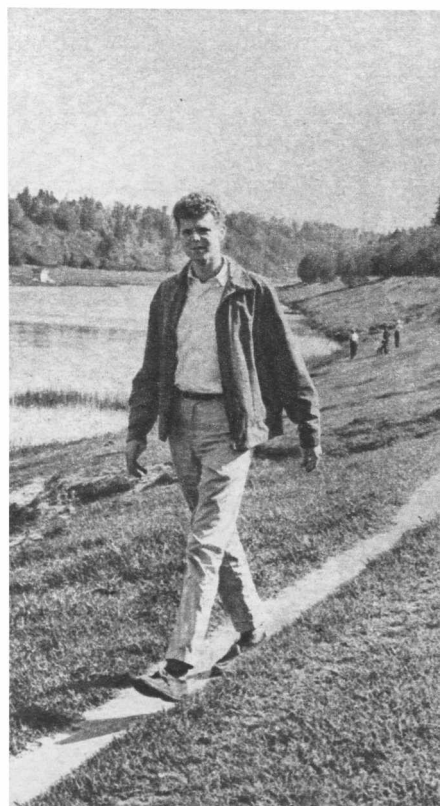
Мы сказали Вану: его игру так любят в нашей стране, что некоторые пьесы, которые он играл в концертах, стали у нас после его исполнения еще более популярными. Например, «Посвящение» Шумана — Листа.

— Как вы думаете, — спросил Ван, — играть ли мне «на бис», как два года назад, «Посвящение»? Я очень волновался два года назад. Теперь волнуясь не меньше. С вашей аудиторией у меня ведь особенно теп-

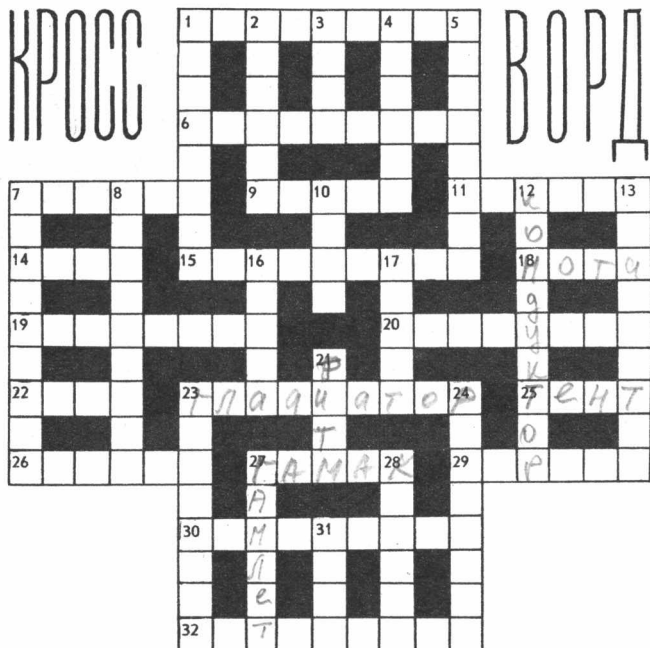
лые отношения... Кстати, — словно вспомнил Ван что-то очень важное, — если вы можете это сделать через ваш журнал, попросите, чтобы в вашей стране меня больше не звали Ван Клайберн. Для вас я хочу остаться навсегда Ваном Клиберном. Так мое имя стали произносить только здесь. Кто знает, может, это принесло мне столь много радости.

В. МАТВЕЕВ

Ван Клиберн в Рузе.
Фото Е. Умнова.

По горизонтали:

1. Новый микролитражный автомобиль. 6. Право пользоваться на определенный срок вещами, услугами. 7. Персонаж романа В. Гюго «Отверженные». 9. Стиль плавания. 11. Необычная перспектива изображения предмета в фотографии. 14. Частица химического элемента. 15. Озеро в Центральной Америке. 18. Музыкальный знак. 19. Один из создателей фильма. 20. Гриб лиственных лесов. 22. Герой романа Джека Лондона. 23. Вооруженный борец цирка в Древнем Риме. 25. Парусиновый навес. 26. Органическое соединение, применяемое в производстве синтетических материалов. 27. Подвесная сетка для отдыха. 29. Духовой инструмент. 30. Русский ученый-естествоиспытатель. 32. Сорт яблук.

По вертикали:

1. Река в Средней Азии. 2. Один из древнейших русских городов. 3. Автоматический прибор электрической цепи. 4. Балет А. Адана. 5. Хранилище для жидкостей. 7. Славянская азбука. 8. Голландский художник. 10. Природная минеральная краска. 12. Работник городского транспорта. 13. Известковые образования в пещерах. 16. Созвездие южного полушария неба. 17. Старинный французский танец. 21. Равномерное чередование, размеренность. 23. Раздел биологической науки. 24. Род перчаток. 27. Драма В. Шекспира. 28. Исследователь Центральной Азии. 31. Порт во Франции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

7. Свиридов. 8. Голубика. 10. Сизоворонка. 11. Сарма. 13. Вклад. 15. Осьмина. 17. Мультипликация. 20. Алазань. 23. «Казак». 25. Парка. 26. Кронциркуль. 27. Стерлядь. 28. Эндшпиль.

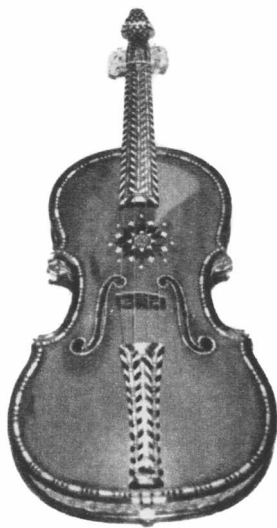
По вертикали:

1. Квадрант. 2. Мимика. 3. Ломонос. 4. Коморин. 5. Сурков. 6. Акваланг. 9. Полимеризация. 12. Мазурка. 14. Калитка. 15. Ольха. 16. Арань. 18. Джакарта. 19. Искатель. 21. Леониды. 22. Нечкина. 24. Коралл. 25. Польша.

У любителей футбола появился свой печатный орган — «Футбол» — воскресное приложение к газете «Советский спорт».

В первом номере читатели встретились на страницах «Футбола» с популярными тренерами и спортсменами, узнали много интересного о своей любимой игре. Старт удачен! Пожелаем же «Футболу» самого главного — любви и признания широкого круга читателей.

Скрипка Амати

Известно, что знаменитый итальянский мастер Николо Амати создал много прекрасных скрипок и виолончелей. Но та, что изображена на снимке, занимает особое место. Как-то богатый русский вельможа заказал Амати скрипку, которая отличалась бы от всех ранее созданных. И Амати создал

инструмент с тонким рисунком инкрустации из перламутра, слоновой кости, черного дерева и металла. Уникальная скрипка была украшением в доме вельможи, где меньше всего ценили музыку и труд.

Долгое время никто не знал о судьбе инструмента. Однажды одному из оркестрантов Театра оперы и балета имени С. М. Кирова незнакомец предложил старинную скрипку, случайно приобретенную им у частного лица. Это и оказалась скрипка, созданная Н. Амати более двух столетий назад. Значительно пострадала инкрустация, недоставало колков, был сломан гриф. Восстановленная умелыми руками известного реставратора В. И. Зедника, она экспонируется в Музее музыкальных инструментов в Ленинграде.

Е. ПЕНОВА

Фото М. Семенова.

Земля за кормой.

Рисунок Л. Самойлова.

Словарь расширяется.

Рисунок Гр. Оганова.

ИГРУШКИ ИЗ ПРОБКИ И СТРУЖКИ

Это самоделки из пробки. Пробка имеет пятна и изъяны. Если к ним присмотреться, можно увидеть глаза, нос, рот, потом поработать ножом и шилом — и готов портрет зверюшки или птицы. На снимках видно, что детали игрушек сделаны из палочек и стружки.

Л. Ходаков

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформление — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05818.

Подписано к печати 1/VI 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000 экз. Изд. № 936. Заказ № 1458.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

— Поздравляю с победой!
Рисунок Ю. Макаренко.

Без слов.

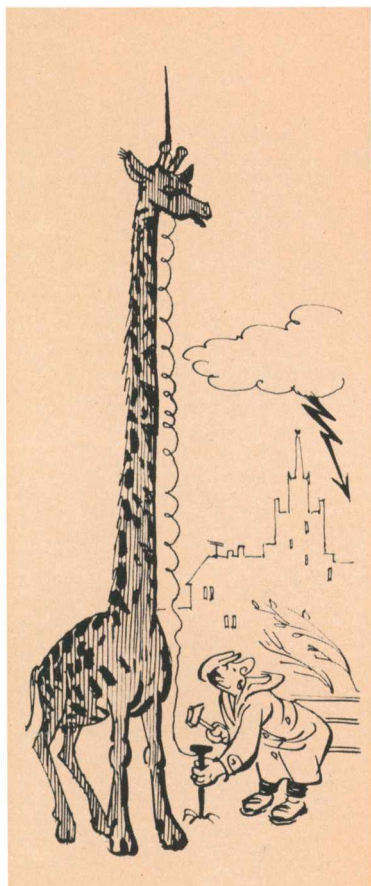
Рисунок В. Сигачева.

ШУТЛИВЫЕ ЗАРИСОВКИ

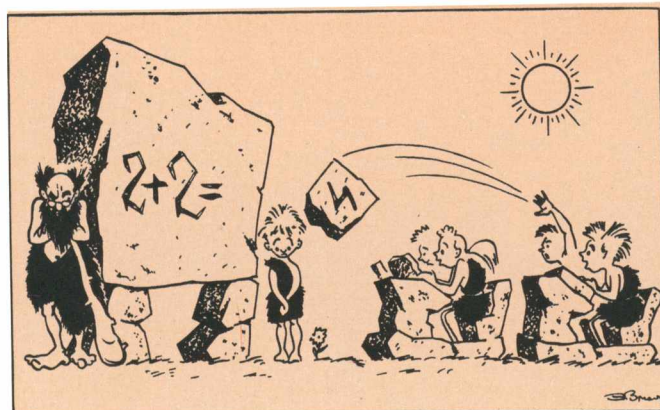

— Ха-ха, доктор, я забыл вас предупредить, что у меня вставная челюсть!

Рисунок И. Оффенгендена.

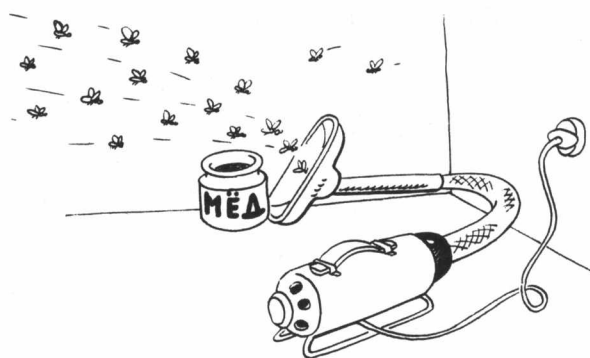

Подготовка к грозе.
Рисунок Ю. Черепанова.

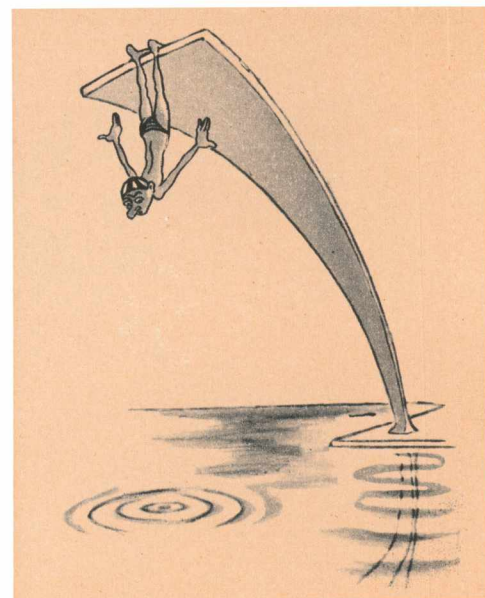
Первая шпаргалка.

Рисунок Э. Змойро.

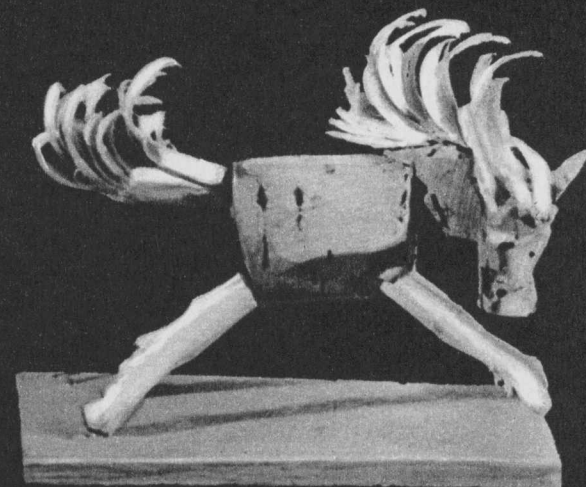
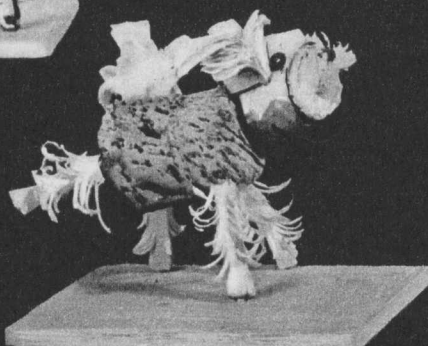
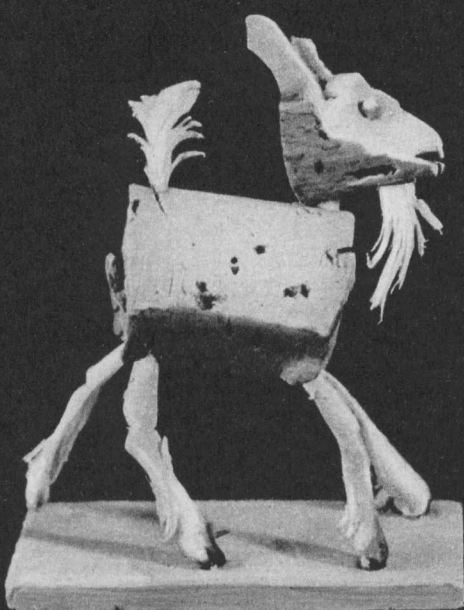
Как избавиться от мух.

Рисунок В. Кашенко.

Нерешительность.

Рисунок А. Волнова.

Цена номера 3 руб.

